

ISSN 2304-3369

РАНХиГС

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ПРЕЗИДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УРАЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ**

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Особенности института главы государства в системе государственного управления Российской Федерации

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Развитие женского предпринимательства:
экономические и социальные аспекты

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Принципы построения прикладного аналитического
текста: методологические аспекты

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Гражданское общество и система управления
в современной России

№4(34)

2018

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№ 4(34) август 2018

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Лоскутов Владимир Анатольевич –

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Александрович Александров (заместитель главного редактора) – д.ф.н., доцент, директор, профессор кафедры регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС

Наталья Ринатовна Батынская – д.полит.н., профессор, директор института экономики и управления Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Сергей Николаевич Большаков – д.полит.н., д.э.н., профессор, декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

Игорь Вячеславович Выдрин – д.ю.н., профессор, директор института муниципального развития, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Юрий Геннадьевич Еришов – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Наталья Борисовна Костина – д.с.н., профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Владимир Яковлевич Любовный – д.э.н., главный научный сотрудник Института макроэкономических исследований Министерства экономического развития Российской Федерации, академик (действительный член) Российской академии архитектуры и строительных наук;

Игорь Николаевич Молчанов – д.э.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой экономики социальной сферы экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Василий Николаевич Руденкин – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социально-политических и психологических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, действительный член Российской академии политических наук;

Тамара Керимовна Ростовская – д.с.н., профессор, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью; Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова;

Яков Петрович Силин – д.э.н., ректор Уральского государственного экономического университета;

Вячеслав Васильевич Скоробогачкий – д.ф.н., профессор, заместитель директора Уральского института управления – филиала РАНХиГС, Заслуженный работник высшей школы РФ;

Наталья Геннадьевна Четваева – д.с.н., доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геннадий Эдуардович Бурбулис – к.ф.н., Первый заместитель руководителя Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центра мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса;

Патрик Грей – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания);

Кармин Скаво – д.полит.н., директор программы подготовки магистров в сфере государственного управления Университета Восточной Каролины (США);

Джефффри Хайнс – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал включен в новую редакцию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим направлениям: социология, экономика, политология.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Осипян Б. А.

Перспективы развития мирового правосознания и правопорядка 5

Попов Д. В.

Танатальное основание негантропной биополитики 14

Фельдман М. А.

Единство и борьба противоположностей, или дискуссия в советской партийно-государственной элите в апреле 1928 г. 23

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сулимин А. Н.

Особенности института главы государства в системе государственного управления Российской Федерации 35

Молчанова Н. П.

Научные основы и практика реализации государственной региональной политики в России (1991–2008 годы) 40

Никитина А. С.

История кадровой политики в органах прокуратуры Свердловской области с 1934 по 1980 гг. 50

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

*Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф.,
Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.*

Преодоление гетерогенности экономического пространства как фактор повышения качества управления экономическим развитием территорий 56

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

Систематизация концепций кризисных явлений в экономике в научных экономических школах: от классического марксизма до посткейнсианства 64

Гуляев П. В.

Ресурсный потенциал территорий Республики Саха (Якутия) 74

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

Анализ денежных потоков бюджетного учреждения как способ контроля эффективного использования бюджетных средств 81

Пиньковецкая Ю. С.

Развитие женского предпринимательства: экономические и социальные аспекты 90

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Лагутин Ю. В.

Социальная идентификация: методы, ресурсы и возможности 100

Флоря В. М., Кондраль Д. П.

Гражданское общество и система управления в современной России 107

Кох И. А., Алексеева Л. А.

Профессионально-ценностные ориентации студенческой молодежи на примере исследования приоритетов в структуре терминальных и инструментальных жизненных ценностей студентов 113

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Колчина Н. О.

Многоаспектность категории «конкурентоспособность вуза», подходы и методы управления конкурентоспособностью вуза 119

Ляховенко О. И.

Принципы построения прикладного аналитического текста: методологические аспекты . . . 132

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в журнале 142

CONTENTS

POLITICAL PHILOSOPHY IN SEARCH OF AN ANSWER FOR MODERN PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE STATE AND SOCIETY

Osipian B. A.

Some prospects of the proper development of
the world law and order 5

Popov D. V.

Tanatal basis of neganropic biopolitics. 14

Feldman M. A.

The unity and struggle of opposites, or the
debate in the Soviet party-state elite in April 1928. . . 23

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Sulimin A. N.

Features of the institute of the head of state in
the public administration system of the Russian
Federation 35

Molchanova N. P.

The scientific basis and practice of implement-
ing the state regional policy in russia (1991–2008) . . 40

Nikitina A. S.

History of staff policy in organs of prosecutors
of the Sverdlovsk region from 1934 to 1980 50

ECONOMICS AND MANAGEMENT

*Aslaeva S. Sh., Gataullin R. F., Karimova A. G.,
Gaysina A. Sh.*

Overcoming the heterogeneity of the economic
space as a factor in improving the quality of
management of the economic development of
territories. 57

Kinash A. E., Kachanova E. A.

The systematization of concepts of economic
crisis in schools of economic thought: from the
Marxian economics to the post-keynesian economics 64

Gulyaev P. V.

Resource potential of the territories of the
Republic of Sakha (Yakutia) 74

Gladkovskaya E. N., Maksimova T. V.

Analysis of cash flows of a budgetary institution
as a way to control the effective use of budget funds. 81

Pinkovetskaya Yu. S.

Development of women entrepreneurship: eco-
nomic and social aspects. 90

SOCIAL MANAGEMENT

Lagutin Yu. V.

Social identification: methods, resources and
opportunities 100

Florya V. M., Kondral D. P.

Civil society and governance in modern Russia. . . . 107

Kokh I. A., Alekseeva L. A.

Professionally valuable orientations of student
youth on the example of investigation of priori-
ties in the structure of terminal and instrumental
life values of students 113

ORGANISATION MANAGEMENT

Kolchina N. O., Leonenko E. A.

Multi aspects of the category “competitiveness
of the higher education”, approaches and meth-
ods of managing the competitiveness of the
higher education 119

Lyakhovenko O. I.

Principles of applied analytics: methodological
aspects. 132

**Requirements to publication of articles in the
journal 145**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОПОРЯДКА

Осипян Б. А.

кандидат юридических наук, доцент, юрисконсульт, адвокат, старший научный сотрудник, Институт законодательства и правоведения при Правительстве РФ (Россия), 125315, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 66, artos5@mail.ru

УДК 340.1
ББК 67.04+67.05

Аннотация. В своей статье «Перспективы развития мирового правосознания и правопорядка» автор рассматривает основные причины и явные тенденции некоторых кризисных явлений в ныне установившемся современном мировом правопорядке, а также высказывает свои обоснованные предположения о наличных правомерных возможностях существенного и целесообразного улучшения этого не совсем правомерного и устойчивого мирового порядка посредством духовно-нравственного повышения верного правосознания добросовестных глав государств и иных влиятельных политических деятелей, работающих в международных правительственных и неправительственных организациях во благо своих и других народов мира и человечества в целом.

Ключевые слова: перспективы развития мирового правопорядка, основные причины и явные тенденции некоторых кризисных явлений в ныне установившемся мировом правопорядке, обоснованные предположения о возможностях существенного правомерного и целесообразного улучшения этого не совсем правомерного и устойчивого мирового порядка, повышение правосознания добросовестных глав государств и иных влиятельных политических деятелей, работающих в международных правительственных и неправительственных организациях во благо всех народов мира и человечества в целом.

SOME PROSPECTS OF THE PROPER DEVELOPMENT OF THE WORLD LAW AND ORDER

Osipian B. A.

candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Legal Adviser, Attorney, Senior Researcher, Institute of Legislation and Jurisprudence under the Government of the Russian Federation (Russia), 125315, Russia, Moscow, Leningradsky av., 66, artos5@mail.ru

In article «Some Prospects of the Proper Development of the World Law and Order» the author considers principal causes and obvious tendencies of some crisis phenomena in nowadays established modern world law and order, and also comes out with the proved assumptions of real potentials for substantial lawful and expedient improvement of this not enough lawful and steady world order by means of spiritual and moral increase of legal consciousness of diligent heads of the States and other influential politicians working in the international governmental and non-governmental organizations for the good of their and other nations of the world and mankind as a whole.

Key words: history prospects of development of the world law and order, principal reasons and obvious tendencies of some crisis phenomena in nowadays established world law and order, proved assumptions of real potentials of substantial

lawful and expedient improvement of this not enough lawful and steady world order, spiritual and moral increase of legal consciousness of diligent heads of the States and other influential politicians working in the international governmental and non-governmental organizations for the good of all nations of the world and mankind as a whole.

«Невозможно правильно править миром без Бога и Библии»

*Вашингтон Дж., Геллей Г.
 Краткий Библейский толкователь. Торонто, 1984. С. 22.]*

Всякий надлежащий и долговременный порядок, в том числе и любой надлежащий и долговременный социальный правопорядок [1], первоначально даётся свыше от Создателя-Суверена всех миров, людей и народов – Господа Бога. Поскольку только личность человека изначально создана по высшему образу и подобию своего Бога-Создателя, то в будующие времена сохранится явная тенденция существенного повышения роли каждой благодатной (греч. – «харизматичной» – букв. – «любвеобильной») человеческой личности (никак не искусственно созданные людьми жалкие и временные учреждения публичной власти на всех уровнях – от местного, национального и вплоть до международного) и послушных таким боговодимым личностям отдельных духовно зрелых и правомерно самоуправляемых по воле Создателя (идее права) народов. И именно такие богобоязненные, добросовестные, инициативные, уверенные, смелые и сильные от Бога люди и народы на какое-то время на земле станут достойным примером для всех остальных разумных людей и народов мира [2].

Под невиданным и благотворным влиянием таких предопределённых Богом личностей полностью и бесповоротно начнут распадаться пережиточные остатки всех ныне дышащих на ладан неправомерных великих имперских сверхдержав и международных правительственных организаций, бывших многоконфессиональных и многонациональных, чрезмерно огромных и потому плохо управляемых согласно надлежащей идее права и понятию правомерности мировых государственных образований независимо от их публично провозглашаемых привлекательных политических лозунгов и лицемерных благодеяний. Эти мировые сверхдержавы и созданные ими международные правительственные или неправительственные организации, потеряют свою былую богопротивную ведущую роль в мировой политике и управляющую силу на всей земле по той причине, что они, надеясь только на самих себя и своих политических союзников, в полной мере духовно и верно не захотят и не осознают надлежащей и непреходящей Божественной идеи права, понятий правомерного закона и государства, богоданного и бесценного достоинства личности человека, его правомерные свободы и ответственность, верный смысл и ценности правосудия и правопорядка [3].

В этом свете понятие «мировой правопорядок» означает не что иное, как предстоящий над всеми мирскими суевериями, невежеством, недоразумением и произволом надлежащий (букв. – лежащий над «мирским хаосом») строй надлежащих и долговечных идей (главным образом идеи права), ценностей, целей, принципов, учреждений (институтов) и движущих сил (функций), которые изначально проистекают из смысла (букв. – мысли с Богом) сотворения мира и вселенной, т.е. просвещающего Слова и благой Воли Бога-Творца (Провидения), Который всё животворит и желает всем людям доброго здоровья, духовно-нравственной целостности (личного целомудрия и богоданного человеческого достоинства), мира, спокойствия, освобождения и конечного спасения поврежденной «первородным» и иными грехами и преступлениями души каждого обновлённого, уже «нового человека», народа и «малой части» всего человеческого рода для вечной жизни в нетленном «новом мире» – Царствии Небесном [4].

Одновременно произойдёт процесс весьма болезненного отмирания всеобщей (тоталитарной) и погрязшей во зле мирской публичной идеологии и власти духовного и правового невежества, языческого суеверия и самообмана, злостной лжи и своевольного заблуждения, тщеславной надежды на противоправное устрашение и грубое насилие над достоинством правомерно и ответственно самоопределяющихся по своему духовному призванию и жизненному предназначению свободных и ответственных личностей, которую изо всех сил и всякими спецсредствами (идеологическими, психологическими, радиационно-отравляющими, биологическими, химическими, физическими и иными средствами) будут денно и нощно преследуемы и гонимы со стороны морально разлагающихся явных и тайных светских властей, неоязыческих и псевдоцерковных, официально воцерковлённых государственных органов и подчинённых им агентом тайной полиции и иных модернизированных государственных спецслужб, которые будут щедро награждаться государством за заказные притеснения, создание невыносимых условий для жизни и убийства «чужих», как в собственной своей стране, так и далеко за рубежом. Парадоксально, но все эти богопротивно и противоправно действующие и потому медленно

Осиян Б. А.

агонирующие органы публичной власти постоянно сами будут массово вещать о воображаемой ими и грозящей всем людям и народам страшной (террористической) угрозе со стороны каких-то чуждых и злобных внутренних и внешних сил и врагов в целях искусственного идеологического и политического сплочения подневольного им населения и сохранения ускользающей из-под их ног социальной основы и вертикали прикарманенной личной или групповой власти бюрократов и олигархов, чрезмерно оплачиваемых государственной казной – собранных с населения законных налогов и всяких иных незаконных косвенных податей и пошлин [5].

В наше неспокойное время, в эпоху бурно развивающейся системы международного («транснационального») или «мирового права», частых и интенсивных взаимоотношений многообразных людей и народов мира, создаются государственные и общественные учреждения для претворения единого смысла жизни, общих (универсальных) ценностей, целей, принципов и функций, договорных и обычно-правовых норм, которые призваны упорядочивать общемировой порядок, основанный на системе взаимных прав и обязанностей между различными государствами, между физическими и юридическими лицами поверх национально-государственных пределов и границ. Всё это официально будет нацелено на верное и надёжное укрепление вождельного будущего мирового правопорядка, мирного и ненасильственного разрешения всякого рода локальных, региональных и глобальных проблем: предотвращения разрушения окружающей среды, загрязнения атмосферы, распространения болезней, защиты достоинства, прав и свобод человека, разрешения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, развитие общемирового и безграничного туризма, рыночной экономики, массового спорта и проведения разнообразных развлечений.

Представляется, что глобальные и трудноконтролируемые проблемы массовых беженцев и иного перенаселения земного шара как одной из крохотных провинций Господа Бога, истощения наличных природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, общечеловеческого самоистребления посредством возможной ядерной войны и т.д., – имеют один и тот же корень: раздробленность и перенаселенность внутреннего мира и души человека всякими плотскими вождельностями, соблазнами и побуждениями, неверием, суеве-рием, невежеством и своенравностью, которые были унаследованы и генетически переданы из поколения в поколение, от первого впавшего в непослушание и грех человека Адама до наших тщеславных и властолюбивых современников [6]. Однако нынче, возможно, не время для суда добрых и злых людей, но самое время напоминания им о надобности попечения

о своих бесценных и бессмертных грешных душах. Не надо преждевременно выбирать добро и зло, пшеницу и плевелы, а надо, по совету Спасителя, оставить их расти вместе до их полного созревания до жатвы: тогда Господь Сам выберет их. Как говорится, всему – своё время, а каждый Божий день и час имеет свою неотвратимую и благотворную власть и силу [7].

Последующие процессы скороспелого и нарастающего обезбоживания, бездуховности, раздробления и обезображивания человеческих душ закономерно привели к страшному обезличиванию («деперсонализации») и ужасному унижению абсолютного и бесценного достоинства человеческой личности [8] и всего человеческого общества в целом, к превращению людей из изначально богообразных и богоподобных творений в безобразных или человекообразных бестий, в хитроумных «чело-векообразных животных» или «чело-векохищников», которые самовольно освободили (эмансипировали) себя от первоначального Слова, объективных и неизменных законов-заповедей Божиих, высших ценностей человеческого духа, достоинства, разума, личного призвания, жизненного долга и смысла повседневной и всей кратковременной жизни каждого человека [9]. Иными словами, современный цивилизованный и «продвину-тый» человек всячески борется за свои законные права, однако не желает жизненного претворения своего главного права – с любовью, верой и лучшей надеждой стать и до конца оставаться богообразным, богоподобным, достойным своего врождённого и высокого призвания – Человеком.

Нет пользы состоявшимся национальным государствам в том, чтобы бездумно и подобострастно заимствовать или слепо копировать положения законодательства соседних стран или даже так называемых общепризнанных международно-правовых стандартов без тщательной теоретико-правовой оценки и серьёзного предварительного учета требований заповедей Божиих, канонов традиционной религии, нравственности, обычаев, традиций и других национально-исторических особенностей каждого конкретного народа. Дело в том, что искусственная трансплантация чужеродных законодательных институтов в систему национального законодательства, (например, произвольное узаконение изначально неправомерного и абсурдного института «брачного контракта» и т.д.) существенно сказывается на ослаблении устойчивого социального правопорядка. Очевидно, что такая навязанная всем богопротивная и неправомерная установка соответствует нарастающей тенденции и предельно ускоренной деперсонализации, дефамилизации, денационализации, а также бездуховной космополитизации и политической глобализации правовой жизни многообразных древних и сравнительно молодых народов мира, фактического перехода от национально-госу-

Осиян Б. А.

дарственных конституций к международным уставам и конституциям на региональном или международном уровнях [10].

Однако вся неправомерность, нецелесообразность, опасность и пагубность данной общемировой тенденции выявляется тогда, когда мы начинаем сознавать противоположность рекомендуемых со стороны «общепризнанных стандартов» для существенно различных наций и народов. Дело в том, что богопротивные разработчики и исполнители неправомерного плана глобализации по «мудрости и праву сильного мира сего» тщетно пытаются искать сугубо человеческие и мирские пути достижения коллективного освобождения, политического объединения и спасения людей, а также установления вымышленного плотского «рая на земле» без действия надзаконной и надгосударственной любви и веры в Творца всего мира – Господа Бога, как единственного верного «пути, и истины и жизни» для каждого человека и всех народов, везде и во все времена. Новоявленные «слепые поводыри слепых» самонадеянно и тщетно тужатся всё нерукотворное до основания разрушить и снова «пойти своим путём» для рукотворного построения своего безбожно воображаемого «нового мира» [11], несмотря на то, что неизбежно проходит и окончательно «пройдет образ мира сего» [12], как и весь безбожно, бездуховно, самовольно и рукотворно установленный правопорядок в нём.

Однако вся эта мирская суэта и безнадёга не должна сколько-нибудь смущать и тем более пугать нас, верящих и надеющихся на Бога-Создателя, насколько они не казалось бы нам зловещими, печальными и страшными. Дело в том, что каждый из нас при явном желании и богоугодном усердии иногда по благодати и откровению Божьей можем более или менее верно предугадать или предвидеть ещё не видимое, но предвкушаемое наше будущее посредством богоданной нашей любви, веры, сознания (знания с Богом) и опыта переживания ниспосланных нам свыше знамений о тех или иных грядущих событиях нашей кратковременной земной жизни [13].

Увы, но почти все общеизвестные международно-правовые акты донныне неправомерно воздерживаются от полного запрещения многих противоправных явлений, таких, как детоубийство («безопасные аборты»), заказные самоубийства («эвтаназий»), неправомерное проведения научных опытов над людьми при согласии подопытных людей. Такое самовольное международно-правовое или конституционное попустительство нарушения Божьей заповеди «не убей» изначально не может быть правомерным, как противоборство благой и абсолютной воле Бога – идее права. Дело в том, что никто из разумных людей не вправе произвольно распоряжаться своей жизнью, определять её сроки

или уклоняться от ответственности за богоданные ему разные состояния и моменты своей земной жизни. Что касается случаев неизлечимой болезни страдающего человека, то пожизненное время страданий каждому человеку Богом даётся для осмысления прожитой своей жизни, для возможности его чистосердечного раскаяния и, пожизненного покаяния и спасения в вечной жизни, а не для самовольного, бессмысленного и безответственного ухода из неё [14].

Надлежащая и непреходящая идея права должна восприниматься и сознаваться с учётом постепенно расширяющегося и углубляющегося правосознания более духовно просвещённых и достаточно информированных в эпоху развития интернета и иных быстрых коммуникативно-транспортных средств и связей людей, а также возможностей ускоренного развития средств массовой противоправной пропаганды и глобального уничтожения человеческого рода посредством уже заготовленных и нацеленных ядерных и водородных бомб и иных ракет стратегического назначения. В этом отношении отчётливо просвечиваются недостатки надлежащего установления мер контроля и предупредительных санкций международного публичного права, в частности, узости сферы его действия, отсутствия в нём чётких превентивных целей и надёжных способов (механизмов) раннего предупреждения многообразных локальных и региональных вооружённых конфликтов, а не только облегчение их всевозможных разрушительных последствий [15].

Всевышний Суверен – Господь Бог с Его объективными и неизменными законами, врождённо заложенными внутри каждого человека и в духе каждого народа, вероятно, не допустил бы такого бездуховного, искусственного и смертоносного (безбожного, нелюбовного, механического, глобализованного, стандартизированного, политического) сближения и мирного сосуществования различных народов и национальностей по той же причине, по какой Он некогда рассеял строителей пресловутой Вавилонской башни. Дело в том, что истинное сближение различных людей и народов возможно только под духовным и нравственным началом абсолютных, вечных и неизменных заповедей Бога, всеобщей веры и любви между людьми и Богом. Кстати говоря, об этом свидетельствует печальный семидесятилетний опыт искусственного создания их множества наций, народов и народностей так называемой новой исторической общности – многонационального «советского народа», которые, в конце концов, дали своё явное предпочтение взаимной дружбе и сотрудничеству не в условиях стеснённо-уплотнённого соседского общежития, но в условиях мирной и упорядоченной личной жизни каждого народа в его национальных просторных квартирах и прекрасных усадебных домах [16].

«Во всём сотворённом, – писал в этой связи И. Кант, – всё, что угодно и для чего угодно может быть употреблено лишь как средство; только человек, а с ним и каждое разумное существо есть цель сама по себе. Именно он субъект морального закона, который свят в силу автономии своей воли» [17]. Именно восстановление и сохранение первоизданной целостности богочеловеческого облика, достоинства, полноты любви, веры, надежды и высокого назначения человека должно стать высшим правомерным критерием, абсолютной нормой всего правомерного, смыслом и целью общепринятых прав и свобод человека, в особенности его права на свободное и ответственное самоопределение в целях духовного освобождения и спасения грешной, но бессмертной души каждого лица в вечной жизни.

Представляется, что для верного решения многих насущных проблем разного уровня и своевременного выхода из такого всемирного правового хаоса, беспорядка и кризиса необходимо теоретически разработать единый надлежащий общеправовой язык человечества, а также поддержать должное разнообразие национально-государственных правопорядков в духе общей перспективы развития надлежащей и непреходящей идеи права, добросовестного и доверительного общения людей и народов в условиях надлежащего, ненасильственного и мирного международного правопорядка. По достоверным наблюдениям некоторых видных ученых, именно из религии путем последовательных преобразований возникли все другие проявления коллективной деятельности: право, мораль, искусство, наука, политические формы и т.д. в принципе все религиозно, т.е. связано с Божественной духовностью и душевным преображением [18].

Известно, что задолго до так называемой, эпохи «Просвещения» (XVIII-IX веков) в христианской Европе почти повсюду (правовых школах, университетах и т.д.) предполагалось, что абсолютным источником всякого истинного права и порядка, справедливости и человеческой судьбы является всемогущий Бог. Тогда именно в теологических понятиях интегрировались все направления развития правовой науки (теорий естественного права, исторической школы права, правового позитивизма и другие) и жизни (нравственные, исторические и политические измерения права), а каждый период истории человеческой жизни в самых разных ее проявлениях представлялся как провиденциальное осуществление Божественного плана посредством памяти (осмысления прошлого), разума (осмысления настоящего) и надежды (волевой реализации) вдохновенных свыше людей: мудрых мыслителей, боговдохновенных просветителей и преобразователей (благодатных или «харизматичных» реформаторов), богобоязненных, добросовестных,

умелых и опытных правителей, законодателей и судей как гарантов для установления и поддержания социального правопорядка [19].

Однако бурно развивающийся с тех пор и постоянно углубляющийся ныне всемирный кризис не совсем верно воспринимаемой и сознаваемой надлежащей и непреходящей идеи права, правомерности, правосудия и правопорядка в наиболее духовно, исторически, экономически и политически развитых (западных) государствах, в частности, глубокий упадок семейно-брачных правоотношений и законодательства, выражается в том, что объективные и общеобязательные (императивные) нормы брачных отношений между мужчинами и женщинами, между родителями и детьми существенно искажаются (узакониваются однополые браки, умаляется власть родителей над своими детьми в плане нравственного воспитания), расширяется сфера бюрократического произвола и продолжается пышное процветание олигархического законодательства и правоприменения, крайне обезбоживается и обмирщается, лишаются своего первоначального духовно-правового смысла и значения, сугубо политизируются и приземляются, приспособляются к низменным человеческим похотям и овеществляются способы получения светского высшего юридического образования, разработки и применения действующего международного права и национально-государственного законодательства, неправомерно узакониваются («криминализируются») нравственные проступки или идеологические движения и деяния, противоправно поощряются («декриминализируются») чиновничье казнокрадство, повальное взяточничество (коррупция), многообразные хозяйственно-экономические и иные своекорыстные преступления [20], существенно утрачивается духовно-образовательная и воспитательная роль правомерного государственного закона, должного процесса осуществления правосудия и благотворной деятельности правоохранительных и пенитенциарных учреждений [21].

Для объективных и общеобязательных законов-императивов Суверена-Бога вся система современного международного права, равно как и все национально-государственные и правовые системы должны быть одинаково открыты и только в этом духе надлежащим образом соподчинены с обязательным учётом устоявшихся религиозных, нравственных, этических, эстетических и иных особенностей каждого народа, а также предписаний их богоданного и исторически развивающегося национального языка, науки и искусства [22]. Поэтому было бы несерьёзно абстрактно и однозначно говорить об обязательном и безоговорочном приоритете положений международного права над нормами национальных законодательств, поскольку вся система международного права, как мне представляется, сама

нуждается в существенных поправках и дополнениях, которые призваны восстановить в ней полноту и надлежащую иерархию правомерных ценностей, целей, принципов, должную меру свободы и ответственности перед Высшим Сувереном, а не перед аморфным понятийным идолом человечества или международного или мирового сообщества [23].

Необходимо будет также приостановить грозящую тенденцию возрастающего неправомерного и нецелесообразного многозакония (неисчислимого количества ненужных и вредных законов и неудобоваримых предписаний), в трясине которого запутались не только простые здравомыслящие взрослые люди, но и сами государственные законодатели и практикующие юристы. «Чем ближе государство к падению, – с нескрываемой тревогой говорил в своё время Тацит, – тем многочисленнее его законы» [24]. Нередко по причине суетного и разноречивого многозакония возникают различного рода разногласия, споры и конфликты между правовыми субъектами и тем самым подрывается авторитет самого закона и устойчивость правопорядка в целом [25].

Правомерный ход будущего предполагаемого развития правосознания людей и общества в целом может закономерно привести к наделению многих субъектов права и социальных объединений конституционным правом законодательной инициативы и их непосредственному участию в законотворческом процессе в целях уточнения ценностных и целевых ориентиров всего общества. Весьма важной может стать тенденция насыщения системы действующего законодательства побудительными нормами-стимулами, которые двигают людей к правомерной творческой деятельности согласно их богоданному призванию и назначению. Например, законодательство может в определенной мере создать благоприятные условия для поощрения и развития созидательных возможностей людей и ведения ими достойного и осмысленного образа жизни посредством предоставления беспроцентных или льготных ссуд, специальных стипендий, пособий и иных организационно-технических условия для поощрения самостоятельного индивидуально-жилищного строительства, своевременной и качественной обработки сельскохозяйственных земель, получения высшего и средне-специального образования, занятия научным или художественным творчеством и, наконец, для постоянного духовного, умственного и физического самосовершенствования людей [26].

Чтобы стать действительно общечеловеческими и приоритетными, сами международно-правовые стандарты и учреждения должны быть приведены в соответствие с требованиями истинной любви, веры разума, положительного опыта, высокого человеческого достоинства и назначения, свободного и ответственного

предназначения каждого человека и народа по собственному призванию и историческому смыслу. В этом аспекте всем разумным и ответственным народам, которые желают иметь правомерные типы и формы государства и совершенную правовую систему, необходимо преобразовать свое мировоззрение и социально-политические институты в соответствии с их верой в единого Законодателя, Правителя и Судьи – Господа, Бога как единственно надежного основания для строительства собственного государственно-правового дома. Потому традиционная религия не может оставаться в отчуждении от программ передовой правовой науки и юридического образования в школах и университетах, а право не должно оставаться чуждым религиозному сознанию и жертвенному служению Богу во благо людей. В Библии обещано каждому добросовестному, свободно и ответственно самоопределяющемуся человеку. Богообразный и совершенный человек сам постепенно станет своим добросовестным и заботливым законодателем и правителем без постороннего давления [27].

В свете этой Библейской истины в последние дни истории человеческого рода произойдёт существенное повышение роли личности в добровольном, предприимчивом, свободном и ответственном осуществлении Провидения (Промысла), т.е. духовно-исторического и правового дела Всевышнего Суверена-Бога, в особенности, жизненном претворении надлежащей и непреходящей идеи права и объективного закона, установления международного и мирового правопорядка и создания благоприятных условий для верного освобождения грешных, но бессмертных человеческих душ от мирского зла и надёжного спасения в вечной жизни в едином для всех разумных и ответственных людей Отечестве – месте пребывания нашего общего Отца-Бога – Царстве Небесном.

Всякие иные, чрезмерные претензии права и закона на изменения образа человеческой жизни и существующего мира не обоснованы и от лукавого. «До сих пор, – писал И. Кант, – еще ни один правитель ничего не сделал для совершенствования человечества, для внутренней ценности и счастья человечества, они всегда заботились только о внешнем блеске своего государства, который всегда был для них главным делом... Когда человеческая природа достигнет ее полного предназначения и наивысшего совершенства, то это будет Царство Бога на Земле. Лишь тогда будет господствовать справедливость и право внутренней совести, а не административная власть. Это и есть конечная определенная цель и высшее моральное совершенство, которого может достичь человеческий род спустя многие столетия» [28]. Без доброй и чистой совести каждого человека как ответственной личности, живущей по своему духовному призванию

и жизненному предназначению, все даже самые совершенные государственные законы и правоохранительные органы, ни всё общество, состоящее из многообразных живых и работающих людей, ничего не захотят, не смогут и не будут делать для поддержания должного земного правопорядка и возможного спасения бессмертной души каждого человека в вечной жизни [29].

Именно так сильно высокий духовный склад, установка и настрой, а также верное правосознание всех творческих и созидательных людей существенно повлияли на эстетические вкусы, нормы и мировоззрение целых поколений людей и народов в Европе. Как видим, всё городское самоуправление и политика, архитектура, живопись, духовная музыка, классическая литература и поэзия, искусство и культура в христианской Европе была, по своей сути, содержанию и прекрасным формам, предвкушением надлежащего временного правопорядка на земле. Всё это истинно благое, правомерное и прекрасное было сутью плодами великой взаимной Божественной и человеческой любви как первоосновы и конечной цели всякого человеческого достоинства и порядка, в частности, надлежащего социального самоуправления, правосудия и правопорядка [30].

В простом искусстве государственно-правового управления, в частности, законодательного упорядочения жизни многообразных людей необходимо иметь представления о духовном, нравственном, душевном, физическом и материальном положении населения страны, чтобы на законодательном и правоприменительном уровнях решать проблемы верного воздействия на разные слои общества в изначальном соотношении. Законодатель должен знать, какая часть населения собственной страны и в какой мере нуждается в постоянных действиях правового образования, просвещения, воспитания, убеждения или непосредственного принуждения, чтобы по возможности поставить заслон накопившейся злобе закоренелых или потенциальных правонарушителей и преступников. Точно также он должен иметь примерное представление о том, какая часть своего народа движима своекорыстной выгодой или нравственным долгом, хотя все эти мотивы в разной мере могут присутствовать в каждом человеке. Здесь очень важно всеми возможностями законодательного воздействия и воспитания способствовать «возвышению» побудительных мотивов своих сограждан, чтобы как можно больше людей из сферы действия мотивов страха, принуждения, расчёта и выгоды постепенно перешли в сферу действия наиболее высших и совершенных мотивов настоящего правосознания и культурного образования, веры и любви [31].

Итак, самым верным, совершенным и мощным мотивом поведения и жизни любого человека явля-

ется «вечный двигатель любви», без которого ничто не достигает своего высшего смысла, содержания и зрелой формы. Итак, наш мир спасёт не разрекламированная повсюду плотская красота и терпимость «толерантность», но только искренняя и нелицемерная вера и любовь, которая неиссякаемо даёт начало и успешное завершение всем благим, правомерным, целесообразным и общепольным делам [32].

«Да внушит это Господь – единственно могущий это сотворить – сердцам тех, в руках коих находится судьба христиан, – вдохновенно призывал и писал в своё время один из «отцов-основателей международного права» голландский мыслитель и учёный правовед Гуго Гроций в заключительной молитве своего основного духовно-правового трактата, – и да внушит им разумение права Божеского и человеческого и помышление о том, что ум их избран на служение правлению людьми, любимыми Богом живыми существами» [33]. В этом и состоит надлежащий высший смысл всякого личного и сверхличностного общечеловеческого, национально-государственного и международно-правового идеала правомерной и целесообразной духовно-нравственной и управленческой общественной самоорганизации и долговременного социального правопорядка – Бого- и народоправства – «тедемократии» [34], равно как и всей жизни каждого разумного человека, местного самоуправления или мирового сообщества на земле, к которому всем людям и народам везде и всегда полезно своей верой и делами стремиться, чтобы в конце всех предопределённых Богом времён уверенно стать до конца преданным и надёжным «согражданином святых и своим Богу» [35].

Литература:

1. Осипян Б. А. Правосознание человека, правоотношения и общественный правопорядок // Научная мысль. 2016. №2. С. 108–124.
2. Осипян Б. А. Смысл истории и перспективы развития армянского правосознания // Ежегодник. Национальной Академии Наук Республики Армения. UNESCO. 2018. №12.
3. Осипян Б. А. Изначальная несостоятельность идеи мирового государства // Вопросы правоправедения. 2013. №4. С. 427–439.
4. Осипян Б. А. Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. №1. С. 24–32.
5. Осипян Б. А. Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. 2007. №18. С. 7–11.

Осипян Б. А.

6. Осипян Б. А. Причины издания и совершения неправомерных актов: духовные, научные и практические аспекты // Российский юридический журнал. 2009. №4. С. 71–78.
7. Осипян Б. А. Сущность конституционного права свободного самоопределения человека // Вопросы правоведения. 2013. №2. С. 115–138.
8. Осипян Б. А. Достоинство человека как высшая охраняемая ценность // Вопросы правоведения. 2011. №1 (9). С. 85–101.
9. Осипян Б. А. Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. №1. С. 23–40.
10. Осипян Б. А. Правовые основы международной безопасности, мира и сотрудничества // Международное право и международные организации. 2014. №2. С. 245–254.
11. Осипян Б. А. Политико-правовые и идеологические концепции как основание формирования государственно-конституционной системы общества // Государство и право. 2009. №7. С. 61–71.
12. Библия. Новый Завет. 1 Коринфянам, 7:31.
13. Осипян Б. А. Истинное правосознание человека как верное отражение смысла надлежащей и непреходящей идеи права и основа правомерного закона // Вестник развития науки и образования. 2016. №6. С. 94–110.
14. Осипян Б. А. Духовные измерения права // Социально-политические науки. 2014. №2. С. 59–66.
15. Осипян Б. А. Конституционные гарантии международной безопасности // Конституционное и муниципальное право. МГУ. 2005. №5. С. 10–13.
16. Осипян Б. А. Соотношение принципа свободного самоопределения человека и принципа территориальной целостности государства в свете надлежащей и непреходящей идеи права // Научная мысль. 2018. №1. С. 24–40.
17. Кант И. Сочинения. В шести томах. М., 1963–1966. Т. 4(1). С. 414.
18. Осипян Б. А. Религиозное происхождение и взаимодействие принципов и норм нравственности и права // Представительная власть—XXI век. 2006. №6. С. 19–22.
19. Осипян Б. А. Правосознание человека, правоотношения и общественный правопорядок // Научная мысль. 2016. №2. С. 108–124.
20. Осипян Б. А. Соотношение понятий греха, правонарушения и преступления // Гражданин и право. 2016. №11. С. 28–41.
21. Осипян Б. А. Правомерные критерии законодательного определения и судебного назначения разных видов и размеров уголовных наказаний // Гражданин и право. 2017. №10. С. 65–77.
22. Осипян Б. А. Идея и опыт надлежащего поэтического правосознания и математического правоведения // Современное право. 2018. №8.
23. Осипян Б. А. Изначальная неправомерность и несостоятельность идеи мирового государства // Вопросы правоведения. 2013. №4. С. 427–439.
24. Афоризмы о юриспруденции. М., 1999. С. 8.
25. Осипян Б. А. Смысл истинной теории и философии права // Вопросы правоведения. 2010. №2. С. 59–77.
26. Осипян Б. А. Смысл жизни человека в свете и контексте надлежащей и непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. №1. С. 23–40.
27. Осипян Б. А. Понятие и правовое значение действия доброй совести человека // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. №2. С. 10–18.
28. Кант И. Лекции по этике 1780–1782. // Этическая мысль. Т. 1. М., 1990. С. 321.
29. Осипян Б. А. Право как верный путь к порядку и душеспасению, или направления действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. №3. С. 28–38.
30. Осипян Б. А. Понятие и проблемы суда, правосудия и государства // Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия. М., 2009. С. 3–4.
31. Осипян Б. А. Духовно-нравственный и правовой смысл понятия наказания // Юридическая мысль. 2017. №1. С. 60–74.
32. Осипян Б. А. Истоки идеи публичной власти в форме народного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2009. №5. С. 7–12.
33. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956. С. 825.
34. Осипян Б. А. Необходимость создания единой теории права, или сущность и задачи современного основательного правоведения // Право и жизнь. 2018. №2.
35. Библия. Новый Завет. Ефесянам, 2:19.

References:

1. Osipyan B. A. Human legal awareness, legal relations and public law and order // Scientific thought. 2016. №2. P. 108–124.
2. Osipyan B. A. The meaning of history and prospects for the development of Armenian sense of justice // Yearbook. National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. UNESCO. 2018. №12.
3. Osipyan B. A. The initial failure of the idea of a world state // Questions of jurisprudence. 2013. №4. P. 427–439.
4. Osipyan B. A. The proper social legal order as the primary basis and ultimate goal of the action of human sense of justice and lawful law // “Black holes” in Russian legislation. 2016. №1. P. 24–32.
5. Osipyan B. A. Criteria of legitimacy of types and forms of the state // History of state and law. 2007. №18. P. 7–11.
6. Osipyan B. A. Reasons for publishing and committing illegal acts: spiritual, scientific and practical aspects // Journal of Russian Law. 2009. №4. P. 71–78.

7. Osipyany B. A. Essence of the constitutional right of free self-determination of man // Questions of jurisprudence. 2013. №2. P. 115–138.
8. Osipyany B. A. Human dignity as the highest law-guarded value // Questions of jurisprudence. 2011. №1 (9). P. 85–101.
9. Osipyany B. A. The meaning of human life in the context of an enduring idea of law // Questions of jurisprudence. 2012. №1. P. 23–40.
10. Osipyany B. A. Legal foundations of international security, peace and cooperation / International law and international organizations. 2014. №2. P. 245–254.
11. Osipyany B. A. Politico-legal and ideological concepts as the basis for the formation of the state-constitutional system of society // State and Law. 2009. №7. P. 61–71.
12. The Bible. New Testament. 1 Corinthians 7: 31.
13. Osipyany B. A. The true sense of a person as a true reflection of the meaning of a proper and everlasting idea of law and the basis of a law of law // Bulletin of the development of science and education. 2016. №6. P. 94–110.
14. Osipyany B. A. Spiritual dimensions of law // Socio-political sciences. 2014. №2. P. 59–66.
15. Osipyany B. A. Constitutional guarantees of international security // Constitutional and municipal law. Moscow State University. 2005. №5. P. 10–13.
16. Osipyany B. A. Correlation of the principle of the free self-determination of a person and the principle of the territorial integrity of the state in the light of a proper and enduring idea of law // Scientific thought .. 2018. №1. P. 24–40.
17. Kant I. Works. In six volumes. M., 1963–1966. V.4 (1). P. 414.
18. Osipyany B. A. Religious origin and interaction of principles and norms of morality and law // Representative power-XXI century. 2006. №6. P. 19–22.
19. Osipyany B. A. Human legal awareness, legal relations and public law and order // Scientific thought. 2016. №2. P. 108–124.
20. Osipyany B. A. Correlation of the concepts of sin, delinquency and crime // Citizen and Law. 2016. №11. P. 28–41.
21. Osipyany B. A. Legitimate criteria for legislative determination and judicial appointment of different types and sizes of criminal penalties // Citizen and Law. 2017. №10. P. 65–77.
22. Osipyany B. A. Idea and experience of proper poetic sense of justice and mathematical jurisprudence // Sovremennoe pravo. 2018. №8.
23. Osipyany B. A. Original illegitimacy and inconsistency of the idea of a world state // Questions of jurisprudence. 2013. №4. P. 427–439.
24. Aphorisms about jurisprudence. M., 1999. P. 8.
25. Osipyany B. A. The meaning of the true theory and philosophy of law // Questions of jurisprudence. 2010. №2. P. 59–77.
26. Osipyany B. A. The meaning of human life in the light and context of a proper and enduring idea of law // Questions of jurisprudence. 2012. №1. P. 23–40.
27. Osipyany B. A. Concept and legal significance of the action of a good conscience of man // “Black holes” in the Russian legislation. 2016. №2. P. 10–18.
28. Kant I. Lectures on Ethics 1780–1782. // Ethical thought. V.1. M., 1990. P. 321.
29. Osipyany B. A. Right as the right path to order and soul salvation, or the direction of the proper and lasting idea of law // Religion and Law. 2015. №3. P. 28–38.
30. Osipyany B. A. Concept and problems of the court, justice and the state // Possibilities of strengthening the legal basis of the Russian state by the bodies of constitutional justice. M., 2009. P. 3–4.
31. Osipyany B. A. Spiritually-moral and legal sense of the concept of punishment // Juridical thought. 2017. №1. P. 60–74.
32. Osipyany B. A. Origins of the idea of public power in the form of people’s self-government // Constitutional and municipal law. 2009. №5. P. 7–12.
33. Grotius G. On the Law of War and Peace. M., 1956. P. 825.
34. Osipyany B. A. The need to create a unified theory of law, or the essence and tasks of modern solid jurisprudence // Right and Life. 2018. №2.
35. The Bible. New Testament. Ephesians 2:19.

ТАНАТАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ НЕГАНТРОПНОЙ БИОПОЛИТИКИ

Попов Д. В.

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии, Омская академия Министерства внутренних дел России (Россия), 644123, Россия, Омск, ул. Конева, д. 12, DmitriVPopov@mail.ru

УДК 1:32
ББК 66.01

Цель. Исследование сущности негантропной (человекоотрицающей) биополитики.

Методы. На основе антропологических исследований современных дисциплинарных социальных институтов, предпринятых М. Фуко, Дж. Агамбеном, Д. Аджемоглу и др., осуществляется попытка анализа негантропной биополитической стратегии.

Результаты. Негантропная биополитика является не преодоленным до сих пор исторически широко распространенным явлением. Основание негантропной биополитики составляют укорененные в обществе экстрактивные социальные институты. Экстрактивность порождает социальное расслоение, усиление репрессивных и идеократических институтов государства, окончательно подавляющих большинство населения. Негантропная биополитика основывается на танатальном отношении к человеку, разрушительном для его жизненного пространства.

Научная новизна. Научная новизна заключается в моделировании и изучении негантропной биополитики. В статье рассматриваются формы, основание и танатальная сущность негантропной биополитики. Артикуляция и анализ биополитических стратегий важны для современного мира ввиду наличия актуальной возможности реванша танатальных негантропных биополитических стратегий.

Ключевые слова: антропология, биополитика, право, политика, разум, экстрактивные социальные институты.

TANATAL BASIS OF NEGANROPIC BIOPOLITICS

Popov D. V.

candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia), 644123, Russia, Omsk, Koneva str., 12, DmitriVPopov@mail.ru

Purpose. Study on nature of neganropic biopolitics.

Methods. Based on anthropologic studies of discipline social institutes by M. Foucault, G. Agamben, D. Acemoglu and others, it is realized an attempt to analysis neganropic (human-deny) biopolitics strategy.

Results. Historically widespread neganropic biopolitics is not overcome until now. Rooted in society extractive social institutions are the base of neganropic biopolitics. The extractive institutes are giving rise to social stratification, the strengthening of repressive and ideocratic institutions of the state, eventually overwhelming most of the population. Neganropic biopolitics is based on tanatal relation to man and may considered as destructive to his living space.

Scientific novelty. Scientific novelty consist of modeling and study of neganropic biopolitics. Forms, basis, tanatal nature of neganropic biopolitics are considered and described in article. Articulation and analysis of the biopolitical strategies important for the modern world because of the presence of actual possibility of revenge of neganropic biopolitical strategies.

Key words: anthropology, biopolitics, law, politics, ratio, extractive social institutes.

[1. с. 73]. Безымянный герой рассказа – «доходяга», «фитиль» – отправлен на заготовку стланика – легчайшую из работ. «После многих месяцев работы в обледенелых разрезах, где каждый замороженный до блеска камешек обжигает руки, после щелканья винтовочных затворов, лая собак и матерщины зрителей за спиной работа на стланике была огромным, ощущаемым каждым усталым мускулом удовольствием» [1. с. 73]. Измученный телом, но еще не сломленный духом человек вполне по-кантзиански восторгается миром, хотя, возможно, и не достигает метафизических вершин философа. «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне», – писал классик. Природа и товарищество – земные проекции Вселенной и абсолютной морали – еще живы в душе каторжанина: «Хорошо было, грея руки о банку с дымящимися головешками, не спеша идти к сопкам, таким непостижимо далеким, как мне казалось раньше, и подниматься все выше и выше, все время ощущая как радостную неожиданность свое одиночество и глубокую зимнюю горную тишину, как будто все дурное в мире исчезло и есть только твой товарищ, и ты, и узкая темная бесконечная полоска в снегу, ведущая куда-то высоко, в горы» [1. с. 73].

Легчайший труд и оплачивался соответственно: «Мы едва успели получить свой суп и чай. На этой легкой работе вторых блюд не полагалось» [1. с. 74], – однако подобная маленькая пайка и сохраненные силы стоили дороже, чем большая пайка перевыполненной нормы особо тяжелых работ, не компенсировавшая затрат энергии.

«Доходяга» – образ, к сожалению, повторяющийся в мировой истории. Доходяг можно увидеть в концентрационных лагерях Германии, в советском ГУЛАГе, в испанской Америке на серебряном руднике в Потоси, на плантациях хлопка в рабовладельческих южных штатах США, на сборе сахарного тростника на Эспаньоле, Ямайке или Кубе, в бельгийском Конго или германской Намибии, в английских концентрационных лагерях времен англо-бурской войны. Везде, где существовало узаконенное рабство, а равно любые замещающие его формы, обнаруживаются доходяги. Конечно, не всякая форма зависимости приводила к опасной грани между жизнью и смертью, но всякая форма зависимости содержит в себе подобный потен-

циал. Одно и то же существо – доведенное до состояния «голой жизни» (Дж. Агамбен) – становилось частью экономической системы различных обществ. Доходяги – мирмидоняне¹ наоборот – люди, редуцированные до муравьев.

Порою сходство с муравьями значительно. Например, вот выдержки из свода правил лагерной жизни: «7. Заключение обязаны не только выполнять, но и перевыполнять ежедневные рабочие нормы. Пренебрежение нормами работ на день или их невыполнение приравнивается к ведению подрывной деятельности и наказывается немедленным расстрелом. Каждый заключенный несет персональную ответственность за выполнение своей рабочей нормы... Установленные сотрудниками охраны рабочие нормы изменению не подлежат. 8. В нерабочее время любые личные контакты между разнополыми заключенными строго запрещены. Вступившие в физическую сексуальную связь без предварительного на то разрешения расстреливаются немедленно. В нерабочее время запрещается любое общение заключенных противоположных полов без предварительного на то разрешения...»².

Бросается в глаза исключительное внимание трудовой деятельности и запрет на секс. Именно эти особенности характерны для рабочих муравьев (или термитов). Их жизнедеятельность – фуражирование, благоустройство муравейника (термитника), уход за потомством – во многом копируется «человьями» (А. А. Зиновьев). Однако уместна лишь аналогия. Человеческое сообщество, каким бы оно ни было, всегда остается человеческим.

«Животное – не более чем раб, придавленный к земле... А человек – первый вольноотпущенник творения; он ходит выпрямившись. В нем – весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать... человек – царь; таков он в своей вольности, таков и тогда, когда злоупотребляет своей свободой. У него право выбирать, даже выбирать и все самое скверное; и он повелевает себе, даже обрекая себя на все самое низкое, по своему выбору» [2, с. 102–103].

В человеческом сообществе руководит мысль, какой бы извращенной она не была. С другой стороны, даже у муравья в муравейнике свободы больше, чем у чело­вья в лагере смерти. Рабочие муравьи, например, могут убить матку, не достаточно эффективно справляющуюся с репродуктивной функцией, и заме-

¹ Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял весь свой народ во время мора, насланного Герой. Но по его просьбе его отец Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться «мирмидоны».

² Цит. по: Харден Б. Побег из лагеря смерти. М., 2015. [электронный ресурс]. URL.: http://lks.lt/knygos/pabegimas_is_lagerio.pdf (дата обращения 19.07.2018). Следует отметить, быт заключенных в КНДР достоверно не известен. Информация, основанная на свидетельстве Шин Дон Хёка, бежавшего из корейского исправительного учреждения, не подтверждена доподлинно. Однако возможность существования подобных правил в лагерях смерти выглядит закономерной.

нить ее другой. Муравьи-солдаты и муравьи-рабочие не антагонисты. Муравья никто не удерживает от побега из муравейника, но он и не бежит оттуда. Муравей жертвует собой ради муравейника инстинктивно, чөлөвья приносят в жертву исходя из соображений экономической целесообразности выживания большого – за пределами пенитенциарного «чөлөвейника» (А. А. Зиновьев) – общества. Худшие разновидности чөлөвейников – лагеря смерти – конвейеры истребления людей, никогда не желавших там очутиться.

Именно такие социальные пространства являются средоточиями и трансляторами негантропной – чөлөвекоотрицающей – биополитики.

Негантропная биополитика носит комплексный характер. Она трансформирует человека – его облик, сознание, когнитивные привычки – и социальное пространство, в которое включен человек. Негантропная биополитика превращает человека в парию, жертву, в пределе – доходягу. Она помещает человека в вакуум отсутствия информации, создает барьеры между ним и обществом, сжигает мосты ресоциализации, окружает изгой аурой порочности, ставит клеймо отверженности. Само социальное пространство «раба» искажено. Изгой не живет в обществе. Пространство изгойства можно назвать скоплением людей (номинальные общности П. Сорокина), но нельзя считать полноценным социумом. Изгойство сплетено особым жизненным укладом, языком, ритуалами.

А. И. Солженицын, развивая метафору архипелага (архипелаг ГУЛАГ), пишет о туземцах-островитянах, населяющих его. «Наши туземцы занимают вполне определённую общую территорию (хотя и раздробленную на острова...), где другие народы не живут. Экономический уклад их однообразен до поразительности: он весь исчерпывающе описывается на двух машинописных страницах (котловка и указание бухгалтерии, как перечислять мнимую зарплату эжков на содержание зоны, охраны, островного руководства и государства). Если включать в экономику и бытовой уклад, то он до такой степени единообразен на островах (но нигде больше!), что переброшенные с острова на остров эжки ничему не удивляются, не задают глупых вопросов, а сразу безошибочно действуют на новом месте («питаться на научной основе, воровать как сумеешь»). Они едят пищу, которой никто больше на земле не ест, носят одежду, которой никто больше не носит, и даже распорядок дня у них – един по всем островам и обязательен для каждого эжка... Единства науки и изящной литературы мы не можем требовать от эжков по той причине, что у них нет письменности... Именно ясно выраженный народный характер сразу замечает исследователь у эжков. У них есть и свой фольклор, и свои образы героев. Наконец, тесно объединяет их ещё один уголок культуры, который уже неразрывно сливается

с языком и который мы лишь приблизительно можем описать бледным термином матерщина (от латинского mater) [3, с. 403–405]».

Социум чөлөвья носит искусственный характер, он смоделирован по лекалам, удобным для надзора, контроля, производства, но не для жизни. Искусственный чөлөвейник антропо-не-соразмерен. Совершенно не случаен прототип лагерей будущего – Паноптикон И. Бентама, теоретически осмысленный М. Фуко. ««Паноптикон» Бентама – архитектурный образ этой композиции. Принцип его нам известен: по периметру – здание в форме кольца. В центре – башня. В башне – широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры, каждая из них по длине во всю толщину здания. В камере два окна: одно выходит внутрь (против соответствующего окна башни), а другое – наружу (таким образом вся камера насквозь просматривается). Стало быть, достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру посадить по одному умалишенному, больному, осужденному, рабочему или школьнику. Благодаря эффекту контржурного света из башни, стоящей прямо против света, можно наблюдать четко вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного «кольцевого» здания. Сколько камер-клеток, столько и театриков одного актера, причем каждый актер одинок, абсолютно индивидуализирован и постоянно видим. Паноптическое устройство организует пространственные единицы, позволяя постоянно видеть их и немедленно распознавать [4, с. 292–293]». Прозрачность, обозримость пространства, предсказуемость событий, подконтрольность – характеристики идеальной точки для наблюдателя за скоплением «чөлөвьев». Искусственная, синтетическая среда – отнюдь не жилище для чөлөвья, а транзитная зона – вечный временный порядок пребывания вне нормальной среды обитания. Этот транзитный терминал – точка для перемещения в зону трудовой деятельности (или в грядущую свободу, или – в пределе нацистского концлагеря – жизненное пространство пребывания человека перед последней дорогой к неизбежной смерти). Искусственно и условно все, окружающее чөлөвья. Баланда – карикатура на чөлөвеческую пищу, нары – на место отдыха. Окружающее чөлөвья искусственно в силу искусственности самого чөлөвья – человека, редуцированного до примитивных потребностей и образа жизни.

Крайней формой негантропной биополитики является планомерное истребление людей. Социальной формой организации подобного процесса стал концентрационный лагерь. Методом истребления являлся систематический гомицид – антропоцид (нередко принимавший форму геноцида). Крайней степенью деградации человека накануне смерти стало т.н. состояние

«мусульманина» (Дж. Агамбен). Это состояние характеризуется окончательным расчеловечиванием и редукцией к «голой жизни» – последнему биологическому пределу человека, в котором практически угасло сознание, но еще не прекратились инстинктивные реакции. «На лагерном жаргоне он зовется *der Muselmann*, мусульманин. В так называемом *Muselmann* – на лагерном языке этим словом называли узника, оставившего всякую надежду и оставленного товарищами, – угасала та область сознания, в которой противостоят друг другу добро и зло, благородство и низость, духовность и бездуховное. Он превращался в ходячий труп, в средоточие физических функций агонизирующего тела... [5, с. 43–44]».

Следует отметить, параноидальные формы антропоцида, характерные для нацистских концентрационных лагерей, – логическое завершение, но не преобладающая стратегия негантропной биополитики. Испанцы жаждали серебра, а не смерти индейцев, бельгийцы эксплуатировали конголезцев из алчности, а не ради чистого душегубства, английские сахарозаводчики ввозили рабов на плантации сахарного тростника для увеличения прибыли. «Рабство имело огромное экономическое значение... Рабы сажали тростник, ухаживали за ним, собирали, давили сок и выпаривали его в огромных чанах... Однако сырьем для сахарной промышленности служил не только тростник, но и люди. К 1750 году в английские колонии в Карибском море было перевезено около восьмисот тысяч африканцев, однако уровень смертности был настолько высок, а уровень воспроизводства настолько низок, что число рабов все равно не превышало трехсот тысяч. Опыт позволил барбадосскому плантатору Эдварду Литтлтоу вывести следующий принцип: плантатор, у которого есть сто рабов, ежегодно должен покупать еще восьмерых или десятерых, «чтобы сохранить свои запасы»... [6, с. 125, 131–132]».

Изуверский антропоцид ради антропоцида обнаруживается разве что в произведениях Г. Лавкрафта, в которых сквозь тонкую и хрупкую оболочку человеческой цивилизации норовят проникнуть превосходящие воображение человека инородные силы, способные и желающие уничтожить человечество. Великий мистификатор в своих произведениях намекал на существование абсолютных человеконенавистнических культов (например, в «Зове Ктулху») и систем знаний (древний манускрипт «Некрономикон»), а также на реальность как адептов подобных практик, так и ино-мерных существ, жизнь которых и существование людей не совместимы. «На перекрестках своих коммуникационных путей человек построил гигантские уродливые мегаполисы, где каждый, изолированный в анонимной квартире посреди многоквартирного дома, в точности похожего на другие такие же, считает

себя безусловным центром земли и мерой всех вещей. Но под норками, выкопанными этими землероющими насекомыми, очень древние и очень могущественные существа медленно просыпаются ото сна. Они были уже в каменноугольный период, они были уже в триасовый и пермский; они знали писк первого млекопитающего, узнают они и хрип агонии последнего» [7, с. 35–36]. Лавкрафт открыл вселенную бездны скрытых угроз, творцы негантропных биополитических стратегий были людьми прагматичными и преследовали вполне земные цели. В негантропной биополитике обнаруживается собственная политическая экономия. Она основывается на циничном расчете, экстрактивной модели извлечения прибыли, укреплении экстрактивных политических институтов, социальной дифференциации, усилении репрессивного аппарата, идеологическом прикрытии вмешательства в экономику и мифологизации.

Следуя логике М. Фуко, согласно которой «политическая экономия... есть в своем основании то, что позволило утвердить самоограничение правительственных интересов [8, с. 28]», следует признать, что «концентрационный универсум ГУЛАГа» [8, с. 170] выходит за рамки такой политической экономии: ГУЛАГ – следствие неуклонно расширяющейся практики политического интервенционизма правительства. Выстроенный в СССР гибрид пенитенциарного учреждения и экономического предприятия – печальное свидетельство политического вмешательства в экономику, находившуюся на грани краха.

Фуко в «Рождении биополитики» обосновывает целесообразный экономический (исключительно по необходимости и только рыночными инструментами!), юридический и социальный интервенционизм правительства, формирующий «экономико-институциональный, экономико-юридический капитализм» [8, с. 223]. При этом «государство, публичная власть всегда вмешивается в экономический порядок в форме закона, и внутри этого закона, если публичная власть эффективно ограничивается этими легальными вмешательствами, может возникнуть экономический порядок, который будет одновременно результатом и принципом своей собственной регуляции» [8, с. 223]. Подобная политика в конечном итоге создает собственника, имеющего достаточный доход и умеющего экономически планировать жизнедеятельность – человека-предприятие, – что, в свою очередь, закладывает здоровую основу для инвестиций в человеческий капитал (в первую очередь со стороны самого *homo oeconomicus*) – а это и есть отправная точка человекоутверждающей (конфирмантропной) биополитики. Политическая экономия универсума ГУЛАГа формируется полярно – она использует политические решения, исключает рыночные отношения, не инвестирует в человеческий капи-

тал, а выбирает его до последней капли. Не человек-предприятие, homo oeconomicus, «антрепренер себе самому... который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов» [8, с. 285], а новое крепостное право: «Весь главный смысл существования крепостного права и Архипелага один и тот же: общественные устройства для принудительного и безжалостного использования дарового труда миллионов рабов» [3, с. 118].

Формирование экономики, основанной на подневольном и/или малоэффективном труде, поддерживаемой властвующей элитой, нередко ведет к полномасштабному биополитическому кризису.

Яркой иллюстрацией нисходящей спирали негантиропной биополитики являются события 1994 г. в Руанде. Руанда – занимающая скромную территорию чрезвычайно густонаселенная африканская страна. Благоприятный климат, плодородные почвы, низкий уровень тропических болезней создали условия для жизни в этом регионе. Обретя независимость, Руанда встала на путь экстенсивного развития сельского хозяйства. Бурный рост населения (связанный с успехами медицины, гигиены, полномасштабным использованием территории, открывшимися возможностями трудовой деятельности в условиях постколониализма), с одной стороны, и малоэффективная аграрная экономика, с другой, стали причиной «наихудшего развития мальтузианского сценария» [9, с. 452]. Видимой причиной широкомасштабного геноцида в Руанде стал нерешенный застарелый конфликт между племенами хуту и тутси. Обласканные еще колониальными администрациями скотоводы-тутси (около 15% населения) имели социальные преимущества по отношению к земледельцам-хуту (около 85%). В условиях кризиса, вызванного засухой, на фоне противоборства различных группировок в борьбе за власть, имея сформированные годами страхи и предрассудки в качестве бэкграунда, резня в Руанде вспыхнула мгновенно и унесла жизни около 1 млн человек (в основном тутси). Однако, более весомым элементом причинного основания геноцида является биополитический кризис, в котором переплетаются демографические, экологические, экономические и политические составляющие. Возрастающая перенаселенность Руанды привела к катастрофической нехватке земли, предельному сокращению земельных наделов, внутрисемейным и общинным

конфликтам, судебным тяжбам, чрезвычайному росту социальной напряженности, существенному ухудшению экологической обстановки, обвальной деградации жизненных условий как для хуту, так и для тутси. Демографический взрыв подорвал экологические ресурсы Руанды. Экономика и политика довели ситуацию до социального коллапса.

Руанда – страна, специализирующаяся на сельскохозяйственной продукции. А, значит, страна, зависящая от ухудшающейся конъюнктуры цен в силу значительной конкуренции на сельскохозяйственном рынке. «Страны, поставляющие сырье другим странам, рано или поздно окажутся в ситуации, когда отдача их деятельности станет убывающей. Закон убывающей отдачи гласит, что если один производственный фактор имеет природное происхождение (как в сельском хозяйстве, рыболовстве или добыче полезных ископаемых), то рано или поздно увеличение вложений капитала и / или труда приведут к производству все меньшего количества продукции на единицу труда или капитала» [10, с. 138]. «Страны, специализирующиеся на видах деятельности с убывающей отдачей, начинают «специализироваться» на бедности» [10, с. 141].

Неспособность (или невозможность) правительства Руанды стимулировать развитие иных – не аграрных – секторов экономики, потворство развитию негативного экономического сценария в стране, эскалация межплеменного конфликта завели страну в тупик. В результате уже после резни 1994 г. «можно нередко услышать, как руандийцы утверждают, что война была необходима, чтобы уничтожить избыток населения и привести его численность в соответствие с имеющимися земельными ресурсами» [9, с. 449]. Сам же биополитический кризис, в ходе которого хуту убивали как тутси, так и зажиточных по меркам Руанды хуту, а тутси убивали хуту, стал манифестом борьбы за выживание, в ходе которой «люди, чьи дети вынуждены были ходить в школу босиком, убивали тех, кто мог купить своим детям обувь» [9, с. 453].

Африка дала миру целую галерею режимов, реализующих различные модификации негантиропной биополитики. Достаточно вспомнить режимы Жана-Беделя Бокассы¹ (ЦАР), Мобуту Сесе Секо (Заир-ДРК), Иди Амина (Уганда), Гнассингбе Эйадемы (Того), лидера социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мириама. В каждом случае с разной степенью интенсив-

¹ См., например, цикл статей, опубликованных новостным порталом lenta.ru: Иди Амин: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/04/01/bolshoj_papa/ (дата обращения 18.08.2018). Пол Пот: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/07/15/pol_pot/ (дата обращения 18.08.2018). Франсуа Дювалье: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/02/18/voodoo_people/ (дата обращения 18.08.2018). Мобуту Сесе Секо: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/01/21/mobutu/?utm_source=lenta (дата обращения 18.08.2018). Маркос: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/02/04/mne_b_tak_zhit/ (дата обращения 18.08.2018). Бокасса: URL.: https://lenta.ru/articles/2018/03/04/nyam_nyam/ (дата обращения 18.08.2018). и т.д.

ности диктаторы разрушали экономику собственной страны и создавали невозможные условия жизни для населения. Современные ЦАР, ДРК, Эфиопия, Сьерра-Леоне, Либерия, а равно мезоамериканское Гаити (после режимов «Папы Дока» и «Бэби Дока» Дювалье) или азиатская Камбоджа (после режима Пола Пота) – беднейшие страны мира с незарубцевавшимися следами жестоких социальных экспериментов. Каждому режиму были свойственны авторитаризм, экономическая несостоятельность, волюнтаризм, кровожадность. В каждом случае политические администрации занимались «вивисекцией» социального организма собственного государства.

Даже СССР – страна развитой промышленности и образования – являлся проводником негантропной биополитики не только в рамках политической экономики большевизма-сталинизма, но и на всем протяжении своего существования, например, в отношении крестьянства. «Мы 70 лет упорно доказывали человечеству неправоту Льва Троцкого, настаивавшего на том, что «принудительный труд при коммунизме будет более производителен, чем труд крестьянина-частника на собственной земле»¹. «Только с дальнего подхода колхоз кажется системой прямой эксплуатации деревенщины. Формой устойчивого рабовладельческого хозяйства, весьма эффективной для оголтелой государственной власти и варварски расточительной с точки зрения ресурсов национального развития. Возможно, что так он и задумывался, но получился много хитрее. На протяжении четверти века сталинский колхоз ни в одной отрасли сельского производства не мог существовать без демонстративно презираемого большевизмом индивидуального крестьянского хозяйства. Анализ взаимосвязи двух хозяйственных антиподов показывает, что оскорбительным нищенством мы обязаны исключительно колхозу, а фактом экономического и национального выживания – самостоятельным хозяйственным усилиям сельского населения России» [11, с. 765].

Основной проводник негантропной биополитики – экстрактивные экономические и политические институты. Экстрактивные экономические институты направлены «на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» [12, с. 89]. Экстрактивные политические институты «концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что это власть может употребляться» [12, с. 95]. Дialectика, «синергия между экстрактивными экономическими и экстрактивными политическими институтами

способствует их взаимному укреплению: политические институты позволяют властной элите сформировать экономические институты, которые не накладывают ограничений на саму элиту и препятствуют появлению новых крупных игроков» [12, с. 95]. Вместе они порождают «порочный круг: те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти» [12, с. 123]. В результате возникает практически неуязвимая система управления, крайне разрушительно воздействующая на население. Формируется устойчивый вектор негантропной биополитики, благоприятный исключительно для незначительной части населения, интегрированной во власть. Институциональное закрепление основанной на экстрактивности негантропной биополитики довершается формированием пропагандистской машины, эксплуатирующей тематику внешнего врага, национального единства, народной природы власти, рывка в благополучное будущее и т.д. Наличие латентного конфликта между элитой и населением усугубляет формы негантропии, поскольку вынуждает власть пресекать все возможные попытки полноценно включиться в экономический и политический процесс. Нередко формируются условия – «экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка» [13, с. 35], – при которых «общество переходит в состояние неустойчивого равновесия», что, при наличии любого неблагоприятного события, «может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, – и тогда произойдет революция» [13, с. 35].

Но даже демонтаж негантропной биовласти зачастую не прекращает негантропной биополитики. Полупустые полки современных гаванских магазинов в стране, где почти 40% пахотной земли и трудолюбивый народ, свидетельствуют о том, что одна форма негантропной биополитики способна успешно заменить другую.

Экстрактивные политические и экономические институты известны испокон веков. Несколько последних столетий, тем не менее, привнесли нечто новое в сочетание указанных элементов. С одной стороны, возникли системы, в которых экстрактивность в политике и экономике достигли исторических максимумов. Это и плантаторское хозяйство, основанное на

¹ См.: Ципко А. Сумасшествие как национальная идея: URL: http://www.ng.ru/ideas/2018-05-17/5_7226_madness.html (дата обращения 18.08.2018).

работорговле; и промышленный капитализм, первые шаги которого были весьма жестоки; нацизм; социалистические социальные эксперименты в СССР, Китае и других государствах. С другой стороны, в современном мире, как никогда ранее, выражено стремление к полной ликвидации экстрактивности и организации комфортного пространства жизни человека. Продолжительность жизни, активное долголетие, здоровье, комфортные условия труда, безопасность – актуальная повестка современной политики стран-лидеров.

Следует признать, что практически невозможно осуществить точную демаркацию негантропной (человеко-отрицающей) и конфирмантропной (человеко-утверждающей) биополитики. Исторические формы порабощения людей и одновременное развитие цивилизации свидетельствует о повсеместном сочетании элементов обеих стратегий. Как в благополучном обществе возможно бедственное положение людей, так и в тоталитарном государстве есть островки человекоутверждения.

Более того, можно зафиксировать исторический парадокс: жизнеутверждающая (по замыслу) биополитика способна привести к деградации, а жизнеотрицающая (в определенный момент) биополитика может обернуться процветанием и инвестициями в человеческий капитал. Ярким примером является казус Спинхемленда. Речь идет о законодательном акте, в котором были заложены основы широкомасштабного социального проекта: «Мировые судьи графства Беркшир, собравшиеся 6 мая 1795 г., в период жестокой нужды, на постоялом дворе «Пеликан» в Спинхемленде... постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы нуждающимся был таким образом обеспечен минимальный доход независимо от их заработков» [14, с. 92]. Однако применение закона пришлось на время промышленного рывка в Англии, форсировано развивавшего капиталистические отношения в экономике. Неожиданно закон Спинхемленда, за счет социальной поддержки гарантировавший «право на жизнь» беднейшим представителям английского общества, явился фактором, тормозящим развитие рынка наемного труда, столь необходимого для развития капитализма. Апатия к жизни, нежелание изменений, удовлетворенность гарантированным прозябанием – «непреднамеренные последствия» (Д. Лал) Спинхемленда – плоды, казалось бы, прогрессивного начинания – требовали радикальных мер.

Закон был отменен. «Спинхемленд препятствовал возникновению рабочего класса, теперь же трудящиеся бедняки превращались в подобный класс под неумолимым давлением безжалостного механизма. Если во времена Спинхемленда о людях заботились – как

заботятся обычно о не слишком ценной домашней скотине, – то теперь они должны были заботиться о себе сами, находясь при этом в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Если Спинхемленд означал тихую деградацию в домашних условиях, то теперь трудящийся оказался в обществе покинутым и бесприютным... Если Спинхемленд означал медленное загнивание вследствие неподвижности, то теперь главной опасностью была гибель из-за незащищенности» [14, с. 98]. Драматическая смена декораций, негантропная по форме, обернулась многими человеческими трагедиями в ближайшей перспективе, но способствовала тому, что Британская империя стала флагманом мировой экономики, уступив место лидера лишь в XX в. Негантропная биополитика отказа от социальной защищенности со временем запустила механизмы конфирмантропной биополитики, в рамках которой «при новом режиме, режиме «экономического человека»» появился современный рабочий класс, а «отвращение к пособиям из общественных средств, недоверие к государственным мерам, чувство собственного достоинства и упорное стремление опираться на собственные силы остались характерными чертами многих поколений британских рабочих» [14, с. 92, 116]. Вместе с тем, историческая трансформация подобного рода отнюдь не является доказательством правоты сторонников крайних мер, болезненных изменений, шоковой терапии. Стратегия «стерпится – слюбится» срывает лишь в определенных случаях при наличии определенных условий. Случай Англии – стечение многих обстоятельств, синергия которых дала феноменальный рост экономики и уровня жизни.

В основе долгосрочной биополитической стратегии должно лежать определенное отношение к человеку. Представляется, что это отношение включает в себя определенную экономию человеческих ресурсов, бережное отношение к человеку, жалость. Государство не просто не должно быть «великой разбойничьей организацией» (Августин Аврелий), оно должно приближаться к форме «сбирательно-организованной жалости» (В. С. Соловьев). Ставка на «надрыв», «рекорд», перманентную эксплуатацию человека на пределе возможностей, если и дают рост, то платят за него чрезмерную цену.

Можно поставить во главу угла экономический рост любыми средствами. Но «если мы и дальше будем продолжать в том же духе, то пусть из экономики мы душу до конца и не вынем, но она может обрести свой собственный telos (смысл) и начнет функционировать по-своему, а не так, как нам хотелось бы. Нравственный вакуум заполнит иная (возможно, *нечеловеческая*) мораль» [15, с. 499]. Т. Седлачек настаивает на том, что экономику определяет антропологическая модель, заложенная в ее основание. Важность экономиче-

ской антропологии как составляющей метаэкономики задает форму экономической жизни. При этом «экономика может успешно функционировать не в самых важных сферах нашей жизни. А что касается вопросов здоровья, любви, смерти, банкротства государств, то тут явно действуют другие, более общие правила» [15, с. 503].

Биополитическое определение человека в его основных жизненных проявлениях закладывает фундамент метаэкономики и определяет экономические успехи общества. Или человек для экономических (политических, военных, спортивных и т.д.) успехов или экономика (политика, обороноспособность, физическая культура) для человека. «Тот, кто живет на грани, не должен удивляться, если он ее перейдет. Кто едет на предельной скорости по шоссе, не должен жаловаться, когда с него слетит. Кто, подобно мифическому Икару, летает слишком высоко и слишком близко к солнцу, не должен удивляться, если обожжет крылья, и его падение будет тем глубже, чем выше он летел» [15, с. 510–511]. Казус СССР – страны, ориентированной на достижения, не считающиеся с экономией человеческого капитала, вполне подтверждает данную мысль.

Систематическое пренебрежение человеком способно породить уродливые формы «организованной безжалостности». «Вивисекция» социального организма усиливает негнтропную биополитику, порождая покорность, предрассудки, страхи, контрпродуктивные социальные практики. Однако, «духовные законы и запреты связывают всех людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попираить их; но никогда еще человек и народ, идущий по этому пути, не вел на земле достойной, творческой и прекрасной жизни; напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии [16, с. 69]».

Зримые революционные изменения социальной среды в рамках негнтропной стратегии заключают в себе инволюционную антропологическую модель, в которой человек, редуцированный к «человью» – обслуживающему персоналу «человека», – не развивается, а деградирует. В рамках негнтропной биополитики инвестиции в социальные проекты обращаются инфляцией человеческого капитала. В результате долгосрочная негнтропная биополитика на крутых виражах истории способна обернуться социальной катастрофой.

Экстрактивные социальные институты вынужденным образом – трудно прямо и недвусмысленно утверждать расслоение, игнорирование нужд населения, увековечивание сложившегося статус-кво! – ангажированы, непрозрачны, крайне противоречивы и непоследовательны в деятельности, необоснованно

репрессивны, неизбежно основаны на популизме. Экстрактивность неминуемо приводит к негнтропной биополитике, попирающей свободу, равенство, достоинство человека. Неравное участие в жизни оборачивается неравным образованием, здоровьем, трудом и отдыхом, продолжительностью жизни и даже смертью – привилегией умереть раньше и, возможно, мучительнее обладают те, кто не имеет привилегии жить комфортнее и безопаснее. В этом своеобразном неравенстве меньшинства и большинства перед лицом жизни и смерти отчетливо проявляется танатальная сущность негнтропной биополитики. Безусловно, всякое общество – даже самое кровожадное – для того, чтобы существовать, не принимает абсолютно людодёрского лавкрафтианского характера – но, тем не менее, многие общества заходят в своем неуважении к человеку достаточно далеко для того, чтобы сделать жизнь человека предельно проблематичной, а смерть едва ли не желанной. В этом – танатальный смысл негнтропной биополитики.

Литература:

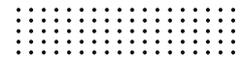
1. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / Сост., подгот. текста, вступ. ст., прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книголек, 2013. 672 с.
2. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Ч. 1. М.: Наука, 1977.
3. Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Ч. III-IV. М.: Время, 2010.– 560с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
5. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима. М., 2011.
6. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель: CORPUS, 2013. 560 с.
7. Уэльбек М. Г. Ф. Лавкрафт: против человечества, против прогресса. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
9. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ Москва, 2008. 762. с.
10. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Высшая школа экономики, 2011. 384с.
11. Базаров А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004.
12. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2015.

Понов Д. В.

13. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
14. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
15. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 544с.
16. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. 400 с.
6. Ferguson N. Empire: what the modern world owes to Britain. М.: Astrel: CORPUS, 2013. 560 p.
7. Welbeck M. G. F. Lovecraft: against humanity, against progress. Yekaterinburg: U-Factoria, 2006.
8. Foucault M. The birth of biopolitics. The course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 school year. SPb.: Science, 2010. 448 p.
9. Diamond J. Collapse. Why do some societies survive and others die? М.: AST Moscow, 2008. 762 p.
10. Reinert E. S. How rich countries have become rich, and why poor countries remain poor. М.: Higher School of Economics, 2011. 384 p.

References:

1. Shalamov V. T. Collected Works: In 6 t. + T. 7, add. T. 1: Stories of the 30-ies; Kolyma stories; Left Coast; Artist of the shovel / Comp., Prep. text, entry. art., approx. I. Sirtotinskaya. Moscow: Book Club Knigovek, 2013. 672 p.
2. Gerder I. G. Ideas to the philosophy of the history of mankind. P. 1. М.: Science, 1977.
3. Solzhenitsyn A. I. Collected works in 30 volumes. V. 5. The Gulag Archipelago: Experience of artistic research. P. III-IV. М.: Time, 2010. 560 p.
4. Foucault M. Supervise and punish. Birth of the prison. М., 1999.
5. Agamben J. Homo sacer. What remains after Auschwitz. М., 2011.
11. Bazarov A. Chronicle of collective farm slavery. М.: Vozvrashenie, 2004.
12. Ajemoglu D., Robinson J. A. Why some countries are rich, and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty. М., 2015.
13. Goldstone J. A. Revolution. A very brief. М.: Publishing House of Gaidar Institute, 2015. 192 p.
14. Polanyi K. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time. SPb: Aleteya, 2002. 320 p.
15. Sedlacek T. Economics of Good and Evil. In search of the meaning of the economy from Gilgamesh to Wall Street. М.: Ad Marginem Press, 2016. 544p.
16. Ilyin IA Collected Works: In 10 vols. V. 1 М.: Russian Book, 1996. 400 p.

**ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ,
ИЛИ ДИСКУССИЯ В СОВЕТСКОЙ
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЕ
В АПРЕЛЕ 1928 Г.**

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, feldman-mih@yandex.ru

УДК 329(47+57)''1928''
ББК 66.69(2),2+63.3(2)614-2

В предлагаемой статье сделана попытка рассмотреть дискуссию на Апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта – и утопического – пути форсированного «социалистического строительства». Открытое изложение своих взглядов сторонников и противников Нэпа (даже при наличии внутренней цензуры и патрона-клиентских отношений) продемонстрировало, что часть большевистской элиты оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия. Дискуссии на Апрельском Пленуме ЦК ВКП (б) отразили два достаточно противоречивых подхода к реализации «советского проекта», но, несмотря на все усилия Сталина и его сторонников, резолюции Пленума нацеливали на продолжение Нэпа, как пути наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны; политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм кооперации; взаимодействия различных секторов многоукладной экономики.

Ключевые слова: партия, Пленум, социализм, экономика, сельское хозяйство, чрезвычайные меры, шахтинское дело, доклад, дискуссия.

**THE UNITY AND STRUGGLE OF OPPOSITES, OR THE DEBATE
IN THE SOVIET PARTY-STATE ELITE IN APRIL 1928**

Feldman M. A.

Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, 8th March str., 66, feldman-mih@yandex.ru

In the article an attempt is made to consider the discussion at the April (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) as a private moment of collision the two major components of the vectors of the Soviet history: the implementation of modernization of industrial project – and utopian – the way of forced “socialist construction”. An open presentation of his views of supporters and opponents of the NEP (even if it’s an internal censorship and patron-client relationships) have demonstrated that the part of the Bolshevik elites were able to evolve their views, the perception of the elements of a scientific vision of economic and social development without priority of violence. The discussions at the April Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) reflected two rather contradictory approaches to the implementation of the “Soviet project”, but, despite all the efforts of Stalin and his supporters, the resolutions of the plenary focused on the continuation of the NEP as a way of the least conflict and the most effective way of modernization of the country; policies aimed at the fastest possible development of different forms of cooperation; mutual actions of different sectors of the mixed economy

Key words: party, Plenum, socialism, Economics, agriculture, emergency response, mining case, the report, discussion.

Фельдман М. А.

«У нас был чисто деловой пленум; без внутренней партийной драки; без внутрипартийных обострений» – так характеризовал Апрельский (1928 г.) пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) И. В. Сталин [1]. Насколько можно доверять такой оценке генерального секретаря ЦК ВКП (б), высказанной спустя два дня после окончания Пленума? Насколько она отражает реальный исторический процесс, зная о том, что Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) начинал двухлетний цикл дискуссий сторонников и противников Нэпа на Пленумах ЦК ВКП (б)? В исторической литературе сложилась устойчивая практика изучения материалов Апрельского (1928 г.) пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) либо в контексте аграрной истории [2], либо – в рамках складывания тоталитарного режима [3].

Глубокий и содержательный комментарий В. П. Данилова и О. В. Хлевнюка к первому тому пятитомника «Как ломали Нэп» [4] главное внимание уделяет вопросу о хлебозаготовках, а проблему «Шахтинского дела» позиционирует только как «кампанию выявления вредительства в промышленности». По мнению В. П. Данилова и О. В. Хлевнюка, внесших значительный вклад в понимание событий конца 1920-х гг. в СССР, «Апрельский пленум лишь зафиксировал ключевые проблемы периода, оставляя открытыми разные возможности их решения» [4, С. 33].

В предлагаемой читателям статье сделана попытка рассмотреть дискуссию на Апрельском (1928 г.) Пленуме как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта – и утопического – пути «социалистического строительства».

Каждый из названных векторов имел конкретное историческое наполнение; в апреле 1928 г. практика многоукладной экономики в рамках «Нэпа» вызвала различное восприятие у представителей руководящего органа правящей партии. Вместе с тем, дифференцированные подходы к оценке «новой экономической политики» определялись воздействием ряда иных факторов: решениями XV съезда партии (декабрь 1927 г.), нацеливающими на продолжение курса Нэпа, сумевшего за короткий срок «с достаточной убедительностью ... через развертывание рыночных отношений активизировать наличные производительные силы страны, обеспечить общий хозяйственный подъем» [5]; положениями проекта Первого пятилетнего плана, в основе которого лежало сохранение многоукладной экономики [6]. Участники Пленума были знакомы с выводом Проекта плана: «В ближайшие годы, до тех пор, пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой ... нет смысла форсировать обобществление» [6, С. 45]. У части советской элиты (прежде всего – хозяйственной, близкой к главе СНК СССР

А. И. Рыкову, Госплану во главе с Г. М. Кржижановским); постепенно складывалось представление о Нэпе, как о долговременном историческом этапе раннесоциалистического развития.

Указанным факторам явно противоречили догмы марксистской идеологии, связанные с отрицанием рыночной экономики и частной собственности, а также курс на «мировую революцию», нашедший выражение в деятельности Коминтерна. Порожденные коминтерновской деятельностью, конфликтные ситуации во взаимоотношениях СССР с Англией и Китаем, отнюдь не содержавшие в себе военной угрозы [7], были использованы в 1927 г. сверх всякой меры, и конечно, для доказательства не только необходимости применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, но и в гораздо большей мере – для сосредоточения власти в руках Сталина и уничтожения любой оппозиции.

Такое многофакторное воздействие на относительно небольшую группу участников Пленума – представителей партийной, государственной, хозяйственной и профсоюзной страт – определяло и многообразие вариантов поведения большевистской элиты. Показательно, что в драматических событиях шести апрельских дней работы Пленума 1928 г. (6–11 апреля) наиболее активный сторонник Нэпа – главный редактор «Правды» Н. И. Бухарин – являлся одновременно и одним из руководителей Коминтерна, ведущего, по сути, подрывную работу в зарубежных странах, а его единомышленник – председатель СНК СССР А. И. Рыков выступил на Пленуме с докладом о «вредительстве» старых специалистов в Донбассе.

Сама структура повестки Пленума была задумана Сталиным таким образом, что обсуждение важного объективного вопроса о хлебозаготовках в рамках СССР перекрывалось и во многом дезавуировалось вопросом, связанным с субъективным вмешательством в проблему отношений власти и «старых» специалистов. Не случайно, из восьми заседаний Пленума – пять были посвящены «Шахтинскому делу». Однако, два конкретных вопроса, обсуждаемых на Пленуме, не могли быть оторваны от проблем более глобального уровня: перспектив Нэпа и характера советского государства. По точному определению С. А. Красильникова в ходе «Шахтинского дела» хозяйственники «оказались в эпицентре более системного конфликта институтов власти с рабочей массой в сфере социально-трудовых отношений» [8].

Следует добавить: оба рассматриваемых вопроса на Пленуме должны были в ситуации масштабного применения «чрезвычайных мер» в деревне вновь (вслед за решениями XV съезда в декабре 1927 г.) уточнить параметры отношений властных структур и населения и, в конечном итоге, определить характер эволюции авторитарного государства.

Фельдман М. А.

Можно было запустить ход работы Пленума по намеченному руслу; подобрать «нужных» докладчиков. Однако послеоктябрьское десятилетие завершилось не только организационным разгромом «левой» оппозиции. Осуждению подверглись и теоретические взгляды оппозиционеров антинэповского содержания [9]. В ожесточенных дискуссиях 1926–1927 гг. была фактически переосмыслена управленческая практика времен Гражданской войны, основанная на чрезвычайных мерах и революционном насилии. Осудив меры, предложенные Троцким в экономике, а с ними, по крайней мере, наиболее одиозные примеры «чрезвычайщины», большевистская партия оказалась на распутье: дальнейшее продолжение Нэпа означало некоторое ограничение собственного радикального прошлого и авторитарного настоящего.

Понимание подлинного содержания происходящего политических процессов не могло не встревожить Сталина и его креатуры. Выполняя прямое поручение Сталина и его сторонников в Политбюро ЦК ВКП (б), ВСНХ (Высший Совет Народного хозяйства) к XV съезду ВКП (б) (декабрь 1927 г.) разработал свой вариант пятилетнего плана «Контрольные цифры развития промышленности СССР на 1927/28–1931/32 гг.», в котором, (без необходимых экономических расчетов), темпы роста промышленности за пятилетку более чем в два раза превышали намеченные Госпланом [10]. Выбор ВСНХ в качестве главного орудия в борьбе со сторонниками многоукладной экономики был не случаен: к середине 1920-х гг. в структурах ВСНХ наметилась линия к возрождению отраслевого управления и главков, заслужившая даже в советской историографии справедливый упрек в «неоправданной централизации управления» [11].

Одновременно, начиная с 1927 г., сообщество экономистов было искусственно поделено на «настоящих советских ученых, выступающих за создание предпосылок, позволяющих развивать производительные силы в сторону социализма» и группу экономистов, «взгляды которых носили буржуазный характер» – Н. Д. Кондратьева, В. А. Базарова, А. М. Гинзбурга, В. Г. Громана и др.) [12].

Наиболее заметным потрясением всей жизни советского общества стала апробация в декабре 1927 – январе 1928 г. в Сибири сталинской системы репрессий, нашедшей нормативное оформление в директиве ЦК ВКП (б) от 5 января 1928 г., в которой систематизировались и оправдывались чрезвычайные меры в деревнях и селах СССР [13]. Весна 1928 г. стала временем резкого поворота в направлениях советской карательной политики [14].

Но крутой поворот политики в январе 1928 г. (вопреки решениям XV съезда партии!) к политике чрезвычайных мер вызвал недовольство боль-

шинства партийных кадров, только что защищавших Нэп от «левых уклонистов» [15, С. 10]. Отражением таких настроений части партийно-государственных верхов (включая ряд членов Политбюро) стали секретный циркуляр Наркомюста РСФСР от 25 марта 1928 г. и аналогичный циркуляр ОГПУ (от 31 марта), осуждавшие практику «чрезвычайных мер» [15, С. 19].

В такой ситуации состоялся Апрельский (1928) Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). Доклад сторонника Сталина – А. И. Микояна – «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год» [16] (6 апреля 1928 г.) должен был представить участникам Пленума оценку событий зимы 1927/1928 г., оправдывающую и легитимизирующую применение «чрезвычайных мер».

Доклад А. И. Микояна – должителя советской коммунистической элиты – представлял весьма примечательное явление, характеризующее некоторые особенности советской «плановой» системы. Отталкиваясь от мифических и существенно завышенных показателей излишков зерна у крестьян, докладчик сообщил о, не менее завышенных, экспортных планах. Причины срыва хлебозаготовок доклад А. И. Микояна связывал с негибкостью деятельности кооперации («узкая аппаратная деятельность заготовительных организаций, конкуренция заготовительных организаций, отсутствие должной дисциплины и т.д. – ослабили нашу сопротивляемость частному рынку и кулаку»); нарушением рыночного равновесия в силу роста покупательного фонда деревни («доходы крестьян сильно выросли от продажи технических культур»; «недостаточным налогообложением кулачества» [16, С. 40, 43].

Своеобразно, докладчик разделил причины трудностей с заготовками зерна: две трети затруднений, по его словам, были связаны с несвоевременностью принятых мер «по линии экономического руководства и по линии организационной». Одна треть причин затруднений возлагалась на действия враждебного класса – «кулака в союзе с нэпманами» [16, С. 38–39]. Как видно, определенный компромисс между точкой зрения Сталина, возлагавшего всю вину за срыв хлебозаготовок на кулачество, и позицией Рыкова и Бухарина, отстаивавших приоритет нарушения рыночных принципов ведения хозяйства – был соблюден.

Тем не менее, анализ **главных причин** заготовительного кризиса в докладе не прозвучал: вне поля доклада осталась оценка «сибирского похода» Сталина, положившего начало масштабному применению репрессивных мер против крестьянства. При этом отсутствие объективных причин экономических затруднений прикрывалось пропагандистскими штампами о принципиальном осуждении «хлебовыколачивания», перегибов и ошибок; о верных действиях «мудрой, мощной, единой и дисциплинированной пар-

тии». Для участников Пленума явно двусмысленно звучали слова Микояна: «я считаю, что даже самые экстраординарные меры, которые мы принимали, ... не обозначают ни отмены нэпа, ни отмены нашей экономической политики ... . Нэп – не путь возвращения к капитализму, а путь движения к социализму» [16, с. 49].

Доклад, оправдывавший применение «чрезвычайных мер» завершился здравицей Нэпу! Впрочем, из подобных противоречивых фрагментов и складывалось полотно советской истории.

В обсуждении доклада «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год» приняли участие 23 человека. При этом вероятно, по взаимной договоренности, ни Сталин и Молотов с одной стороны, ни Рыков и Бухарин – с другой – не выступали. Но каждый участник прений точно знал, что любое его слово фиксируется, взвешивается и запоминается.

Систематизация выступлений позволяет выделить четыре группы выступающих. **Первую**, самую многочисленную, составили девять коммунистов, осудивших практику «чрезвычайных мер». Шестеро из выступивших (Н. А. Кубяк, П. П. Постышев, С. И. Сырцов, Ф. И. Голощекин, А. К. Лепа, А. И. Яковлев) занимали ответственные посты в партийном аппарате.

Секретарь ЦК Н. А. Кубяк являлся кандидатом в члены Политбюро. С учетом того, что по данному вопросу *не выступил ни один из членов Политбюро*, этот факт придавал особую значимость осуждению отступлений от Нэпа. Четверо партийных работников, соответственно, возглавляли партийные органы Харьковского окружка, Сибирского крайкома, горкома Курска; компартии Казахстана. А. И. Яковлев занимал должность члена Центральной контрольной комиссии (ЦКК).

В. Я. Чубарь руководил СНК Украины. Р. И. Эйхе – в 1925–1929 гг. работал председателем Сибирского крайисполкома. В эту же группу входил и председатель правления Центросоюза И. Е. Любимов. Весомость должностей этих партийцев (восьми членов ЦК и одного кандидата в члены ЦК) не вызывала сомнений.

Что объединяло «протестантов» – сторонников Нэпа? За исключением В. Я. Чубаря и Н. А. Кубяка, избранных в состав ЦК партии в начале 20-х гг., остальные стали членами и кандидатами ЦК ВКП (б) в декабре 1927 г. на XV съезде большевистской партии, провозгласившего курс на продолжение Нэпа. Значительное обновление ЦК ВКП (б) в декабре 1927 г. [17] произошло во многом за счет управленцев, выдержавших испытание Нэпом.

Большинство участников этой группы вступили на путь революции в совсем юном возрасте в 1905 г. Рево-

люция 1905–1907 гг. придавала представителям «бухаринского поколения» склонность к идеализации рабочего класса и социалистического общества. Два прошедших десятилетия, особенно годы Нэпа, привнесли в поведенческую практику черты прагматизма. Четверо «протестантов» – представляли Украину и Сибирь – регионы наиболее пострадавшие от применения «чрезвычайных мер».

Выступления группы сторонников сохранения Нэпа всесторонне обрисовали картину произошедшего в декабре 1927 г.– январе 1928 г. Постараемся выделить главное.

«Мы оказались осенью (1927 г.) без достаточного количества товаров в деревне. ... Этого количества товаров оказалось совершенно недостаточно, и потом, уже в порядке чрезвычайно спешном, товары стали завозиться в усиленном количестве в хлебозаготовительные районы». Пониженные цены на зерно стали «главной причиной заминки, а затем и приостановки подвоза хлеба» – отметил председатель правления Центросоюза И. Е. Любимов [18, с. 61–62].

Разделяя эту позицию, Р. И. Эйхе, председатель Сибирского крайисполкома, подчеркивал: масштабы заготовок носили нереалистичский характер в силу явных ошибок прогнозирования, планирования, регулирования и установления цен; это, несомненно, дало отрицательный результат на хлебозаготовках. При этом на Сибирь были возложены повышенные заготовки: вместо традиционных 7–8% всех хлебозаготовок, осенью 1927 г. установили план в 10%. В то же время в Сибирь было завезено всего 30% товаров от уровня прошлого года, а цены на зерновые культуры были явно заниженными. Вина за такую ситуацию падает не только на заготовительные органы [18, с. 67]. О настроении крестьян Сибири говорил такой факт: «письма, которые писались красноармейцами из деревни, были сплошным воплем» [18, с. 69].

Еще дальше пошел С. И. Сырцов – первый секретарь Сибирского крайкома, отметивший, что частые злоупотребления командованием и администрировано-поверхностным вмешательством со стороны наших государственных органов в работу кооперации, «подрезают кооперативную самостоятельность и мешают ее развитию». Недопустимо, чтобы госорганы наказывали выговорами работников кооперации, тем более, в ситуации, когда фактически «первая стадия заготовок проходила без промышленных товаров, что делало кампанию невыполнимой» [18, с. 113–114].

«С. И. Сырцов указал на еще одну причину трудностей: «благодаря нашим чрезмерным и неосторожным разговорам о войне, часть крестьян расценила положение власти как непрочное» [18, с. 115]. Ценой коминтерновского курса во внешней политике, как и сталинского эксперимента в деревне – стал фактор

нарастания негативных настроений середняков, испытывавших неуверенность в завтрашнем дне. Средняки «не знают, как к ним будет относиться советская власть [18, с. 77].

По мнению П. П. Постышева, «дальше так заготавливать хлеб, как мы его заготавливали в этом году, безусловно, нельзя». Одновременное форсированное взимание недоимок по налогам, платежей по кооперации, в дополнение к самообложению сельчан и крестьянскому займу привело к озлоблению крестьян; «задержали и кооперативный аппарат, и хлебозаготовителей» [18, с. 78].

Постышев говорил и о том, что властные структуры действовали в деревне «как в темном лесу», и вина за это во многом падает на ЦСУ, не располагавшего точной статистикой о количестве излишков зерна в крестьянском хозяйстве [19]. Упрек за произвольное преувеличение крестьянских запасов был адресован В. П. Милютину, однако участники Пленума хорошо знали: кто дважды заменил несговорчивых руководителей ЦСУ, заставив в разы увеличить показатели хлебофуражного запаса [20, с. 78].

Эту же мысль поддержал секретарь ЦК ВКП (б) Н. А. Кубяк, заявивший, что цифры о запасах излишков зерна в крестьянском хозяйстве «неверны и опровергнуты жизнью». В некоторых местах у крестьян оказалось изъято все зерно: «его выгребли под гребенку» – это очень опасно [20, с. 74]. Выступление А. И. Яковлева охарактеризовало ход хлебозаготовок, как пример нашего «неумения и безрукости в деле использования рычагов воздействия» на сельское хозяйство [20, с. 91].

В. Я. Чубарь не только указал главную причину срыва хлебозаготовок – недостаточную экономическую заинтересованность крестьян в условиях высоких цен на промтовары и низких – на зерно. Председатель СНК Украины отметил: *как только вводили относительно небольшую доплату (за пуд зерна) – хлеб быстро сдавали*. Доплатив одиннадцать копеек за пуд, заготовительные органы полностью решали проблему – «хлеб притекал на элеватор за сто верст». В то же время, там где применялись чрезвычайные меры – требовались дополнительные затраты на репрессивный аппарат [20, с. 106].

Ф. И. Голощекин оказался единственным из выступающих, кто вину за «перегибы» в ходе хлебозаготовок возложил не только на местные органы власти или кооператоров, но и на вышестоящие структуры. При этом сдержанная фраза Голощекина «я не смею сказать о ЦК, но думаю, что немного (виноват) и ЦК» получила одобрительную поддержку со стороны А. И. Рыкова – «на Пленуме все можно сказать» [20, с. 135].

Завершая обсуждение доклада, А. И. Лепа подчеркнул, что установки центральных хозяйственных

структур противоречили друг другу. Так телеграмма Микояна от 31 декабря 1927 г. разрешала отпускать в обмен на зерновые – дефицитные товары без ограничения, а его же телеграмма от 6 января 1928 г. говорила противоположное: «прямой товарооборот производить нельзя» [20, с. 102].

Таким образом, девять участников Пленума причиной срыва хлебозаготовок назвали бюрократическое по форме, волонтаристское по содержанию, вмешательство центральных органов власти в экономические процессы. Фамилия Сталина не прозвучала, но подразумевалась достаточно очевидно.

Ко **второй** группе выступающих можно отнести два сообщения информационного характера, с которыми к участникам Пленума обратились заместитель председателя Госплана Э. И. Квининг и нарком финансов СССР Н. П. Брюханов.

Э. И. Квининг произнес ритуальные слова о коллективизации, как основной линии развития сельского хозяйства, фактически дезавуировал сказанное, отметив, что для коллективизации необходимо насыщение деревни тракторами, «но с тракторами у нас крайне неблагополучно... количество тракторов у нас не увеличивается, и производственную базу – крупное сельское хозяйство, т.е. совхозы и колхозы – мы укрепить при этих количествах не можем» [20, с. 127].

Н. П. Брюханов обратил внимание на значительную роль поступлений денежных средств из деревни. Так только крестьянские займы в первом полугодии 1927/28 хоз. г. обеспечили 420 млн руб. или 14% всех бюджетных поступлений [20, с. 128]. Для понимания значимости этой цифры отметим, что сокращение поступлений валюты от продажи зерна на мировом рынке составило в первом полугодии 1927/28 хоз. г. 135 млн рублей [20, с. 134].

Фактически, оба эти выступления поддерживали сторонников Нэпа: в первом случае, обоснованием невозможности ускоренной коллективизации; во втором – указанием на ложность тезиса о враждебности части крестьянства политике Советской власти.

Третью группу составили восемь выступлений из числа второстепенных чиновников (Е. Б. Генкин, Ф. П. Грядинский, Ф. В. Симончик); руководители заготовительных организаций (И. С. Лобачев, Г. И. Каминский); представители «старых большевиков» (А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский) и заместителя наркома РКИ Д. З. Лебедея. Все они, по разным причинам, ограничились частными замечаниями в адрес сельскохозяйственной кооперации. Правда если один бывший депутат Четвертой Государственной Думы – А. Е. Бадаев – целиком и полностью одобрил «линию партии», то его товарищ по большевистской фракции в Четвертой Думе – Г. И. Петровский – завершил свою речь призывом к повышению заготовительных цен.

(«Маленькое повышение цен на хлеб для середняка, какой-нибудь гривенник, сразу создаст благоприятные отношения к партии со стороны середняцкого населения») [20, с. 81–85].

Казалось бы, представители этой группы уклонились от основного вопроса дискуссии. Однако сторонников Сталина не удовлетворяло в их речах отсутствие развернутой критики кулачества, как главного врага советской власти. Приверженцев Нэпа не устраивал тот факт, что разовое повышение закупочных цен или организационные улучшения в работе кооперации рассматривались в отрыве от выстраивания системы социально-рыночных отношений города и деревни.

Четверо участников Пленума однозначно поддержали курс Сталина: Н. М. Шверник, В. П. Милютин, М. М. Хагаевич, В. И. Иванов. Ни по возрасту, ни по образовательному уровню, ни по длительности партийного стажа они не отличались от «протестантов». Институт «назначенчества» не миновал большинства участников Пленума: частые перемещения по «горизонтали», из губернии в губернию были нормой в 1920-х гг. Дальше, вступали в силу такие факторы, как знания, убеждения, патронажные связи, характер поручений при отправлении «на места».

Первый секретарь Уральского обкома ВКП (б) (и, еще не освобожденный от обязанностей секретаря ЦК ВКП (б)) Н. М. Шверник, поддержав применение «чрезвычайных мер» в деревне, основной задачей партийных организаций видел борьбу с кулачеством и изъятие «излишков зерна» у кулаков и середняков [20, с. 88]. Эту же позицию разделял и первый секретарь Татарского обкома партии М. М. Хагаевич, призвавший к «удалению частника с хлебного рынка», а также секретарь Северо-Кавказского крайкома В. И. Иванов [20, с. 71]. «Не заметил никаких экономических перегибов» зимой 1927/1928 г. В. П. Милютин – управляющий ЦСУ, оптимистично доложивший о том, что «крестьянин входит в новый хозяйственный год с большими хозяйственными запасами, чем это было в прошлом году» [21].

Во всех выступлениях этой четверки присутствовали обвинения в адрес низового советского аппарата, кооперации, кулачества и «несознательных» середняков. Действия работников властных структур союзного и регионального звена оказались вне критики.

Как видно дискуссия по первому вопросу на Пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1928 г. носила не формальный характер. Осуждение «чрезвычайных мер»; нарушение решений XV съезда партии; действия, противоречащие Нэпу, были убедительно доказаны, даже без упоминания фамилий.

Однако ряд обстоятельств ослабил впечатление от прозвучавшей на Пленуме критики «чрезвычайных мер». Во-первых, в дискуссии не принимали уча-

стие «тяжеловесы» – члены Политбюро, что снижало значимость обсуждения. Во-вторых, из 70 членов ЦК ВКП (б) [22] с критических позиций выступили только восемь. Позицию большинства характеризовало выжидающее молчание. В-третьих, догмы марксизма о «враждебности» зажиточных крестьян и мелких предпринимателей «социалистическому строительству» не подвергались сомнению, что искажало восприятие действительности.

Но главное, пожалуй, заключалось в том, что сторонники Нэпа не использовали уже имеющуюся в научном обороте систему доказательств экономической эффективности сохранения многоукладной экономики. Так, например, расходы на небольшое повышение закупочных цен на зерно (на 5%), на закупки сельхозмашин окупались бы во многом за счет оборотных средств кооперации, составлявших около 760 млн руб. О финансовых возможностях кооперации говорил такой факт: если в 1926/27 г. кооперация имела собственных средств в обороте 36,5%, а заемных – 63,5%, то спустя год – соответственно, 63% и 37% [23].

В такой ситуации резолюция по данному вопросу [23, с. 317] носила противоречивый характер. Вина за срыв плановых хлебозаготовок возлагалась на «резкое нарушение рыночного равновесия», но без указания виновников [23, с. 318]. Оправдывался «удар по кулакам и скупщикам-спекулянтам, злостно спекулирующих хлебом» [23, с. 319].

В то же время, осуждению подлежали «извращения и перегибы, допущенные со стороны партийных и советских органов». Список «извращений и перегибов» в резолюции [23, с. 320] не оставлял сомнений: *перечислены были все меры, инициированные Сталиным в ходе его сибирской поездки*. Резолюция со всей определенностью подчеркивала: «новая экономическая политика» есть именно тот путь, по которому твердо идет партия и через который только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны» [23, с. 156–168]. Не обладая достаточной политической силой, чтобы объявить нэповские реалии враждебными. Сталин вынужден был маневрировать. Документы, принятые по вопросу о хлебозаготовках носили компромиссный характер, но осуждение «чрезвычайных мер» означало, что сражение по первому вопросу Сталин и его сторонники все-таки проиграли.

Второй вопрос пленума – открывался Докладом комиссии Политбюро «О практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом», порученным А. И. Рыкову [23, с. 156].

Уже самое начало доклада, казалось, не оставляет никаких сомнений в его тональности. «Шахтинское дело» не только не ... раздуто – говорил А. И. Рыков, – но оно больше и серьезнее, чем можно было ждать при

раскрытия его. В основном подтвердилось то, что группа привилегированных в прошлом специалистов, из которых многие были раньше собственниками предприятий, группа, связанная с бывшими владельцами, занималась вредительской работой не только в Шахтинском районе, но и во всем Донбассе. Эта группа была связана с ...польской контрразведкой» [23, с. 157–158].

«По имеющимся сведениям» – продолжал глава СНК СССР – «вредительская группа составляла около 10% от всего состава специалистов Донбасса. Вредители вносили произвольные изменения в планы капитальных работ, направляли капиталовложения на проходку мелких неэффективных шахт [23, с. 160].

Однако, после цитирования справок ОГПУ, А. И. Рыков обратился к сущности произошедшего в Донбассе. «Приходится констатировать, что по существу органом советской власти во всем Донбассе являлся (трест) Донуголь, его правление, его ответственности на местах, причем в компетенцию хозорганов входили не только вопросы управления угольным хозяйством, но и снабжение водой населения, постройка бань; постройка и эксплуатация жилья; удовлетворение целого ряда бытовых нужд рабочих» [23].

Как видно, вопрос о вредительстве «старых специалистов» отошел на второй план, уступив место «вседозволенности» хозяйственных органов.

Развивая эту тему, Рыков отметил, что «значение местных Советов было сведено к минимуму. Мы получили по отношению к населению Донбасса, по отношению к рабочим монополии хозяйственных органов» [23, с. 162]. Кроме того, *«верхушки партийных и профсоюзных, хозяйственных организаций в Донбассе срослись под диктатурой хозяйственников» (выделено автором статьи)* Тем паче, что «многие из партийных органов жили на смете Донугля... . Произошло сращивание верхушек и отрыв от широкой рабочей массы»» [23, с. 161–163].

Отметим еще одну метаморфозу текста: доклад из плоскости «классовой борьбы» перешел в совсем другое поле – критику *«отдельных недостатков» пролетарского государства в отдельно взятом регионе*. Региональная элита оказалась оторванной от народа и мало заботилась о жизни трудящихся.

Глава правительства продолжал расставлять акценты: очевидна и «чрезвычайная слабость» профсоюзных организаций. Лидеры профсоюзных организаций «оторваны от широких масс рабочих, профсоюзов, членов партии»; практически отсутствовала критика и самокритика. «Случаев прямого преследования рабочих за критику и самокритику очень много». Очевидна и чрезмерная централизация управления: предприятия бесправны перед трестами [23, с. 168]. Доклад завершился явно не теми словами, которых ждали Сталин

и его сторонники. По мнению докладчика, «причина болезни Донбасса («шахтинского дела») заключалась в том, что массовые (партийные, профсоюзные, советские) организации работали плохо. Демократия и самокритика ... должны быть осуществлены в первую голову, и разрешение этого вопроса, ... является предпосылкой для решения всех остальных» [23, с. 169].

Если в ходе чтения доклада тема сознательного «вредительства» специалистов перестала быть центральной, то к концу выступления председателя СНК – она исчезла совсем.

Уже в первый день обсуждения доклада А. И. Рыкова – 9 апреля – началась упорная борьба мнений. В дискуссии вступили такие видные деятели партии – сторонники Сталина, как Секретарь ЦК, член Политбюро В. М. Молотов; председатель ВСНХ, член Политбюро В. В. Куйбышев; кандидат в члены Политбюро, первый секретарь компартии Украины Л. М. Каганович и ряд руководителей губернских партийных организаций (А. А. Жданов, А. А. Андреев и др.).

Задал тон секретарь Нижегородской губкома партии А. А. Жданов, заявивший о необходимости искать «шахтинцев» в каждом регионе и на каждом предприятии (!) [23, с. 185–192, 193–197]. Откровенным «спецееством» были пронизаны речи А. А. Андреева и А. С. Бубнова [23, с. 171].

Однако на каждое подобное выступление следовало фактическое опровержение. Так в речи председателя СНХ Украины К. А. Сухомлина прозвучало предостережение: для «шахтинского дела» характерна «кампанейская ударность», приносящая только вред и дающая обратный результат. «Я боюсь, что эта кампания закончится именно кампаней, а дальше будет та же беспечность» [23, с. 174].

Попытки представить хозяйственников Донбасса в качестве вредителей были пресечены секретарем ЦК компартии Украины С. В. Косиором: «нельзя шельмовать «Донуголь»: он снабжает углем всю страну» [23, с. 198–206].

В ряде случаев занимаемая должность определяла позицию выступающего. Так председатель ВСНХ В. В. Куйбышев сделал акцент не на поисках «экономических вредителей», а на недопустимости случаев «спецеествова» и бесполезности сохранения среди выдвиненцев «комиссаров плохого типа» [23, с. 208].

Первый секретарь ЦК компартии Украины Л. М. Каганович, осудив «вредительство» в принципе, отметил успешную работу угольщиков Донбасса. Поддержав, по сути, принципиальные выводы доклада Рыкова, Л. М. Каганович указал на тяжелые условия жизни шахтеров. «Почему шахтеры работают по 10 часов? Если работать только шесть – то при существующих расценках умрешь с голоду» [23, с. 214–224].

Фельдман М. А.

Обсуждение доклада Рыкова 9 апреля явно пошло не по сценарию Сталина.

Положение должна была исправить речь В. М. Молотова [23, с. 216]. Но помимо двух шахт, затопленных в 1920–21 гг., секретарь ЦК не смог привести конкретных примеров вредительства. Куда больше оказалось фактов частой сменяемости «красных директоров», не успевающих изучить производство. «Комиссарский метод работы является типичным, во многих отношениях характерным, для наших хозяйственников» – констатировал Молотов [23, с. 218]. Тем не менее, «необходимо со всей остротой поставить вопрос о ... необходимом для коммуниста минимуме недоверия к буржуазным специалистам» [23, с. 221]. По мнению Молотова, «старые специалисты во многом сохраняли черты кастовой обособленности, что помогает прикрытию преступлений вроде «шахтинского дела» [23, с. 225].

Утро 10 апреля началось с выступления председателя правления треста «Донуголь» Г. И. Ломова. Ломов ознакомил участников заседания с сообщением о количестве арестованных специалистов: из 200–250 инженеров треста арестовано было более 120 человек. Эта же мера коснулась и сорока низших специалистов. При этом без всякого перехода было заявлено о том, что трест за 1922–1927 гг. утроил добычу угля. Если уровень добычи угля механическим путем составил в среднем по тресту порядка 23%, то «в самом архипредательском районе – в шахтах на Власовке, Донецко-Грушевском, 63% добычи идет механическим путем» [23, с. 232]. Такой вывод можно было бы отнести к театру абсурда, но далее, Ломов последовательно доказывал успешность работы «Донугля», и связь с этими успехами группы старых специалистов.

После выступления Ломова вся конструкция «шахтинского дела» оказалась под угрозой.

Выступление Сталина [23, с. 233–234] должно было переломить ситуацию. «Наши прения проходят в обстановке жесточайшей самокритики. Критики наших собственных ошибок. Эта волна самокритики поднялась в декабре 27 г.» – осторожно начал генсек [23, с. 234]. Но далее, рубленными фразами, Сталин стал вводить те определения, которые с конца 1920-х гг. прочно войдут в учебники. «Факты говорят, что «Шахтинское дело» – это экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью» [24]. «Факты говорят, далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство

от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции и от контрреволюционных антисоветских капиталистических организаций на Западе. Факты говорят, ... что эта группа буржуазных спецов действовала и разрушала нашу промышленность на деньги и по указанию капиталистических организаций на Западе»¹.

Сталин хорошо знал, что в основу рассмотрения «шахтинского дела» на Пленуме были положены следственные материалы, сфабрикованные органами ОГПУ [25]. Фактов, о которых так громко говорил генсек, не существовало в природе [26, с. 242]. Более того, сводки ОГПУ фиксировали малую степень доверия сообщениям о вредительстве людей, восстановивших шахты Донбасса [26, с. 243].

Но насколько этим «фактам» верили участники заседания Пленума? *До выступления Сталина*, все до единого, хозяйственники, включая В. В. Куйбышева; партийные работники с Украины говорили не о вредительстве специалистов, а совсем об ином. Что же изменилось после речи генсека? Практически ничего!

Первый секретарь МК ВКП (б) Н. К. Угланов предпочитал чаще собирать хозяйственников в партийных комитетах для товарищеских бесед; осудил практику проявления «небрежности, неразборчивости в нападениях на хозяйственников». Правда, говоря о специалистах, Н. К. Угланов весьма произвольно разбил их на две группы: «часть из них, грубо говоря, около 1/3, состоит из мошенников, саботажников и т.д., но большая же часть, – 2/3... – работает добросовестно» [26, С. 272–273]. В качестве же характерного примера был приведен случай с необоснованными нападениями на ученых из коллегии научно-технического управления ВСНХ [26, с. 273–274].

Заместитель председателя ВСНХ М. Л. Рухимович обратил внимание на то, что индустриализация требует «мобилизации и использования всех технических сил внутри страны, и привлечения технических сил по возможности извне». Поскольку к 1928 г. кадры молодых советских специалистов были немногочисленны, необходимо было максимально использовать знания и опыт «старых специалистов» [26, с. 294]. Кроме того, подчеркнул М. Л. Рухимович, очевидны блестящие успехи угольной промышленности Донбасса [26, с. 283–286].

Занимавший должность заместителя председателя СНК СССР С. К. Орджоникидзе, сделав акцент на многочисленных фактах бесхозяйственности на советских предприятиях, отметил: «больше надо не хозяйственников винить, а самих себя» (партийных работников) [26, с. 297].

¹ В 2000 г. Генпрокуратура РФ дала «Шахтинскому делу» государственно-правовую оценку, сняв, спустя более 70 лет, груз обвинений с подсудимых // Красильников С. А. Шахтинский процесс 1928 г.: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2009. №8. Т. 1. История. С. 60.

Другие выступавшие 10 апреля, либо обсуждали чисто профсоюзные дела, зачастую, защищая честь мундира профсоюзного работника (К. А. Акулов, М. П. Томский, Абрамов, Г. М. Жданов (Лысьва), либо – узкоотраслевые темы – вопрос о передаче части вузов в подчинение ВСНХ – (А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Н. К. Крупская, К. Е. Ворошилов). Даже верный сторонник Сталина – Е. М. Ярославский говорил преимущественно о проблемах культурных потребностей рабочих и подготовки новой смены специалистов [26, с. 297].

Как видно, 10 апреля 1928 г. тема «вредительства», несмотря на все усилия Сталина, отошла на второй план. Это заметно отразилось и в Заключительном слове А. И. Рыкова.

«Мне кажется, – заявил глава правительства СССР, – что всех выступающих можно разделить на две группы: одни, которые **искали правых и виновных** в лице отдельных лиц или учреждений; другая часть товарищей искала **коренных причины того**, что вскрылось в шахтинском деле. Между тем, «корень событий (мы должны это твердо установить) заключается в общих недостатках методов нашей работы по всей сети партийных, профессиональных, и хозяйственных организаций» [26, с. 298].

А. И. Рыков указал на наиболее болезненную для Советской власти область общественной практики: сферу взаимоотношений партии, рабочих и специалистов [26, с. 300]. Именно это направление (а не «вредительство специалистов») он назвал «коренным вопросом нашего строительства» [26, с. 326].

Отношение партии к большинству «старым специалистам» должно выстраиваться не сквозь призму классово-борьбы, а посредством использования моральных и идеологических (пролетарских) и материальных (буржуазных) методов воздействия [26, с. 327] – резюмировал председатель СНК.

Резолюция по вопросу о «Шахтинском деле» носила компромиссный характер. Она констатировала раскрытие в Донбассе «контрреволюционной вредительской организации». С учетом того, что вредительской организации предписывался «общесоюзный масштаб и связь с иностранной военной разведкой» это открывало простор для новых репрессий против инженерно-технической интеллигенции [26, с. 327]. Тем не менее, на той же странице, резолюция утверждала, что «большая часть технической интеллигенция перешла к искреннему сотрудничеству с Советской властью».

Примечателен был раздел резолюции, посвященный профсоюзам. В нем констатировалось, что советские «профорганизации не сохраняют своего «лица», т.е. не выполняют своей особой роли в защите повседневных нужд рабочих. Говорилось и о том, что «авторитет профсоюзных работников мал, повседневная

связь с рабочими в цехах, шахтах, казармах и т.п. слаба» [26, с. 328]. Выразителем был и раздел резолюции о партийных органах: им инкриминировалось «сведение руководства к общим декларативным резолюциям»; отсутствие контроля за принятыми постановлениями; «недостаток чуткости к заявлениям рабочих» [26, с. 328].

Резолюция отмечала, что центральные органы СССР допустили «грубые бюрократические ошибки и извращения, в частности запаздывание с утверждением хозяйственных планов. ... На примере Донбасса уродливо сказался чрезмерный централизм в хозяйственном управлении; очевиден излишний централизм» [26, с. 328–329].

Сопоставление вышеназванных разделов резолюции создавало *вполне определенный облик характера Советского государства*. Что же касается раздела, посвященного специалистам, в нем главное внимание уделялось мероприятиям по развитию научно-технического потенциала инженеров и техников; укреплению Промышленной академии и курсов красных директоров [27].

Задумка Сталина: дезавуировать обсуждение по первому вопросу – материалами» Шахтинского дела» не увенчалась успехом. Приведенная статистика по ходу хлебозаготовок и по тресту «Донуголь»; опасения негативной реакции крестьян на «чрезвычайные меры»; собственный опыт управленческой деятельности в годы Нэпа; подталкивали участников Пленума к сдержанной, умеренной позиции. Сказывалось и то, что даже сторонники Сталина далеко не сразу поддержали генсека в его претензиях на раскол коллективного руководства и единоначалие. В начале 1928 г. сталинская фракция существовала лишь потенциально [28].

Дискуссии на Апрельском (1928) Пленум ЦК ВКП (б) отразили два достаточно противоречивых подхода к реализации «советского проекта». Чисто внешне Пленум проходил в спокойной атмосфере, без взаимных оскорблений и даже резких выражений. В стенограмме часто встречается ремарка «смех».

Резолюции Пленума нацеливали на продолжение Нэпа, как пути наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, как, используя выражение В. П. Данилова «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [29].

Основные мысли ученых-экономистов, изложенные на страницах научных журналов [30]; в ходе дискуссий съездов работников госпланов [31] о том, что масса мелких производителей будет втягиваться в организацию социалистического производства через сель-

Фельдман М. А.

скохозяйственную кооперацию, а путь к социализму лежит через посредство рыночных отношений (через развертывание товарно-денежного оборота, позволяющего «мобилизовать все хозяйственные силы») получили отражение в выступлениях на Пленуме сторонников сохранения рациональных принципов регулирования экономики. Это означало, что часть большевистской элиты (даже при наличии внутренней цензуры и патрона-клиентских отношений) оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия.

Однако это не устраивало Сталина и ту часть партии, которая не приняла НЭп. Главные сражения 1928 г. были еще впереди.

Непосредственно на Пленуме открыто обнаружилось только различия в подходах к обеспечению хлебаготовок и отношению к инженерно-технической интеллигенции. Однако за ними просматривались различные концепции социалистического строительства.

Шесть дней в апреле 1928 г. были только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать выводы ученых-экономистов. Но из таких моментов, и таких сражений и складывается исторический путь в длительной перспективе.

Литература:

1. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000. С. 401.
2. См: Трагедия советской деревни. М., 1999.
3. Гимпельсон Е. Г. НЭп и советская политическая система. 20-е годы. 2000. С. 292.
4. Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 15–33.
5. Данилов В. П. Введение. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи // Там же. С. 6.
6. См.: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1939/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927.
7. Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58.
8. Красильников С. А. Отечественная интеллигенция в постреволюционный и раннесталинский периоды: старое и новое в исследовательских подходах // Культура и власть в СССР. 1920–1950 е годы. Материалы девятой международной научной конференции Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. С. 34.
9. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 358;
10. Гладков И. А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство . 1935 . №4. С. 115.
11. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 133.
12. Белянова А. М. О темпах экономического развития СССР. М., 1974. С. 23, 28, 29.
13. Данилов В. П. Введение . Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи // Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 9,11.
14. Красильников С. А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. №4. С. 1040.
15. Данилов В. П. Введение. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи. С. 10.
16. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 37–58.
17. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены 1917–1991. М., 2011. С. 67.
18. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 61–62.
19. Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Апрельский пленум 1928 г. С. 21–22.
20. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 78.
21. На Пленуме присутствовали 68 человек – членов ЦК ВКП (б) – подсч. по: Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 314.
22. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 3 Пленум ЦК ВКП (б). 16–24 ноября 1928 . С. 19.
23. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 317–323.
24. Данилов В. П., Хлевнюк О. В. Апрельский пленум 1928 г. С. 31.
25. Красильников С. А., Савин А. И., Ушакова С. Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М.: 2011. С. 66.

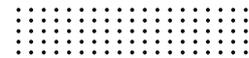
26. Как ломали НЭп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. С. 242.
27. Хлевнюк О. В. Хозяин. Жизнь одного вождя. М., 2016. С. 154.
28. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2011. С. 17.
29. Ясный Наум. Советские экономисты 1920-годов. Долг памяти. М., 2012. С. 26.
30. См. например: Резолюции пятого всесоюзного съезда плановых работников // Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1939/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927. С. 3–5.
31. Бухаринская альтернатива // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В двух частях. Часть 2. М. 2011. Там же. С. 124.
11. Suvorova L. N. Nepovskaya multi-structure economy: between the state and the market. М., 2013. P. 133.
12. Belyanova A. M. On the rate of economic development of the USSR. М., 1974. P. 23, 28, 29.
13. Danilov V. P. Introduction. Transcripts of Plenums of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: a historical source in the context of the era // How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (b) April 6–11, 1928, p. 9, 11.
14. Krasilnikov S. A. Between right and punishment: work in early Soviet society // Quaestio Rossica. 2017. №4. P. 1040.
15. Danilov V. P. Introduction. Transcripts of the Plenary Meetings of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: a historical source in the context of the era. P. 10.

References:

1. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (b.) 6–11 April 1928 М., 2000. P. 401.
2. See: The tragedy of the Soviet village. М., 1999.
3. Gimpelson E. G. NEP and the Soviet political system. 20-th years. 2000. P. 292.
4. Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. April plenum in 1928 // How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928 P. 15–33.
5. Danilov V. P. Introduction. Transcripts of the Plenary Meetings of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: a historical source in the context of the era // Ibid. P. 6.
6. See: Prospects for the Development of the National Economy of the USSR in 1926/27–1939/31. (Materials of the central commission for the five-year plan). М., 1927.
7. Golubev A. V. Soviet society and the “military alarms” of the 1920s // Russian history. 2008. №1. P. 36–58.
8. Krasilnikov S. A. Domestic intelligentsia in post-revolutionary and early Stalin periods: old and new in research approaches // Culture and power in the USSR. 1920–1950 years. Materials of the Ninth International Scientific Conference St. Petersburg, October 24–26, 2016, 2017. P. 34.
9. Tucker R. Stalin. The way to power. 1879–1929. History and personality. М., 1991. P. 358;
10. Gladkov I. A. To the history of the first five-year national economic plan // Planned economy. 1935. №4. P. 115.
16. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) 6–11 April 1928 P. 37–58.
17. Maudsley E., White S. The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members 1917–1991. М., 2011. P. 67.
18. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 61–62.
19. Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. The April Plenum of 1928. P. 21–22.
20. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 78.
21. The Plenum was attended by 68 people – members of the Central Committee of the CPSU (b) – count. on: How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 314.
22. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929 In 5 volumes. V.3 Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). November 16–24, 1928. P. 19.
23. How did they break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. V.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) 6–11 April 1928. P. 317–323.

Фельдман М. А.

24. Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. The April Plenum of 1928. P. 31.
25. Krasilnikov S. A., Savin A. I., Ushakova S. N. Shakhtinsky political process of 1928: sources in the context of the era // Shakhtinsky process of 1928: preparation, conduct, results: in 2 books. Book. 1. M.: 2011. P. 66.
26. How did they break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. In 5 volumes. T.1. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (B.) April 6–11, 1928. P. 242.
27. Khlevnyuk O. Master. Life of one leader. M., 2016. P. 154.
28. Danilov V. P. History of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works: in 2 hours. P. 1. M., 2011. P. 17.
29. Clear Naum. Soviet economists of the 1920s. Debt of memory. M., 2012. P. 26.
30. See, for example: Resolutions of the Fifth All-Union Congress of Planned Employees // Prospects for the Development of the National Economy of the USSR in 1926/27–1939/31. (Materials of the central commission for the five-year plan). M., 1927. P. 3–5.
31. Bukharin's alternative // Danilov V. P. History of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works. In two parts. P. 2. M.2011. The same. P. 124.

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сулимин А. Н.

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 414004., Россия, Астрахань, ул. Валерии Барсовой, д. 15, Kratos84@yandex.ru

УДК 342.51(470)
ББК 67.400.612(2Рос)

Цель. Изучение особенностей института президентства в системе политико-административного управления Российской Федерации.

Методы. Проанализированы положение главы государства в системе разделения властей и полномочия по отношению к основным институтам государственной власти в РФ.

Результаты. Были рассмотрены нормы конституционного права, а также федеральное законодательство, регламентирующие конституционно-правовой статус Президента РФ. Показано, что Президент РФ обладает существенными полномочиями в системе разделения властей, не относясь ни к одной ветви власти, он реализует полномочия всех высших институтов государственной власти. С помощью сравнительного анализа проведены исторические параллели властных полномочий современного института президентства с полномочиями российского монарха.

Научная новизна. Выявлено, что деятельность Президента РФ опосредована бюрократической структурой общества, которая от его лица реализует политический курс, поэтому главе государства требуется существенная политическая воля и лидерские качества для того чтобы противостоять негативным тенденциям бюрократизации системы управления российского государства.

Ключевые слова: президент, полномочия, парламент, правительство, судебная система, институты власти.

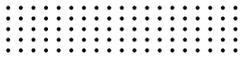
FEATURES OF THE INSTITUTE OF THE HEAD OF STATE IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sulimin A. N.

candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of Astrakhan Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 414004. Russia, Astrakhan, Valeria Barsova str., 15, Kratos84@yandex.ru

Purpose. Study of the features of the presidency in the system of political and administrative management of the Russian Federation.

Methods. The article analyzes the position of the head of state in the system of separation of powers and powers in relation to the main institutions of state power in the Russian Federation.

Сулимин А. Н.

Results. The norms of constitutional law, as well as Federal legislation regulating the constitutional and legal status of the President of the Russian Federation were considered. It is shown that the President of the Russian Federation has significant powers in the system of separation of powers, he exercises the powers of all the higher institutions of state power.

Scientific novelty. It is revealed that the activity of the President of the Russian Federation is mediated by the bureaucratic structure of society, which on his behalf realizes the political course, that is why the head of state needs significant political will and leadership qualities in order to counter negative tendencies of bureaucratization of the Russian state governance system.

Key words: President, powers, Parliament, government, judicial system, institutions of power.

В современных юридической и политических науках ведется научный спор о месте и роли Президента РФ в политической системе и в системе органов государственной власти. Наиболее актуальными представляются вопросы о том, к какой ветви власти относится глава государства, а также каковы границы политической ответственности должностного лица за принимаемые политические решения?

В современной России правовой статус главы государства впервые был закреплен в Главе 4 Конституции Российской Федерации 1993 года [1]. Стоит отметить, что с юридической точки зрения Президент РФ относится к самостоятельному институту, так как он формально не входит в состав Правительства РФ, хотя имеет право там председательствовать. Поэтому Россию часто относят к президентским республикам [2]. Чаще делаются выводы, что Россия является смешанной, парламентско-президентской республикой, так как в классической президентской республике отсутствует должность премьер-министра и президент не вправе распустить нижнюю палату Парламента [3, с. 47].

Также Основной закон не указывает, к какой ветви власти относится глава государства, хотя сама Конституция предполагает наличие в государстве системы разделения властей, а в правовой и в политической практике принято выделять три ветви государственной (политической) власти: законодательную, исполнительную, судебную: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст. 10 Конституции РФ). Это дало ряду политологов и правоведов повод выделить в политической организации российского государства независимую президентскую ветвь власти [4]. В качестве подтверждения своей позиции они ссылаются на ч. 1 ст. 11 Основного закона, в которой указано: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». То есть данной статьей определяются четыре институализированных субъекта

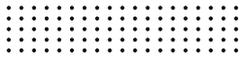
государственной власти: Президент, Правительство, Парламент и суды.

Однако стоит заметить, что структура действующей Конституции РФ не предполагает ее построения по принципу разделения властей, как например Конституция США, где разграничение исполнительной и законодательной властей является одной из основ конституционного строя. Мы можем вести речь о полномочиях, которые относятся к тем или иным ветвям власти.

Традиционно глава государства в России – будь то царь, император или генеральный секретарь всегда обладал широкими полномочиями, что является особенностью исторически сложившихся политических институтов и моделей коммуникации власти и общества, носящих автократический характер. Если обратиться к Конституции 1993 г. сложно не заметить, что заложенная в ней модель разделения властей имеет схожие черты с моделью начала XX века. Юридические и политические полномочия президента вполне сопоставимы с теми, которыми в то время обладал «конституционный» монарх. Если провести сравнительный анализ Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и Конституции 1993 г., то можно сделать выводы, что их полномочия различаются лишь по трем основаниям: в отличие от монарха, Президент РФ не имеет права передавать свой пост по наследству, чеканить собственное изображение на монетах и монопольно распоряжаться «имуществом двора» [5, с. 81]. На близость институционального устройства, закрепленного Конституцией 1993 г. и содержащегося в Основных законах 1906 г. обращают внимание и другие исследователи [6].

В современных моделях государственного управления автократические тенденции присутствуют как в развитых, так и развивающихся демократиях. В начале 1990-х годов в результате как субъективных, так и объективных закономерностей развития российского политического процесса политический кризис разрешился в пользу государственного устройства, в котором президент наделялся значительными полномочиями во всех основных сферах управления.

Сегодня Президент РФ наделен широкими полномочиями в осуществлении исполнительной власти по

Сулимин А. Н.

руководству внешней политикой государства (п. «а», ст. 86); является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ (ч. 1, ст. 87); вводит военное и чрезвычайное положение и т.д. Кроме того, президент реализует полномочия по руководству Правительством РФ. С согласия Государственной Думы назначает Председателя Правительства РФ, своим указом утверждает структуру органов исполнительной власти и состав Кабинета Министров, принимает решение об отставке правительства, имеет право председательствовать на заседаниях правительства, напрямую осуществляет руководство министерствами и ведомствами, ведающими вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, иностранных дел, юстиции, и т.д. Президент может налагать конституционно-правовые санкции на органы исполнительной власти.

Президент РФ сосредотачивает в своих руках полномочия, которые пересекаются с полномочиями других институтов власти. Глава государства является полноценным участником законодательного процесса, парафирует федеральные законы, и выступает активным участником нормотворчества, разрабатывая законопроекты, связанные с реализацией его полномочий. Важнейшим явлением в политико-правовой практике российского государства выступает указное право, направленное как на реализацию конституционных компетенций Президента РФ, так и на реализацию и детализацию отдельных федеральных законов, например «О противодействии коррупции» [7]. То есть Указы Президента РФ, являясь подзаконными актами, могут регулировать общественные отношения в различных сферах общества, способствуя осуществлению таких основных функций государства, как политическая, экономическая, социальная, функция охраны общественного порядка, обороны, борьбы с преступностью и с коррупцией.

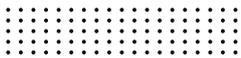
Значительными полномочиями Президент РФ обладает в правоохранительной сфере, представляя кандидатуры Генерального прокурора, председателей и судей высших федеральных судов на утверждение Государственной Думы. Прокуроры субъектов РФ и федеральные судьи республиканских, областных и районных судов назначаются президентом непосредственно без участия Парламента.

Практика разделения государственной власти на три ветви, выработанная еще в эпоху Нового времени устарела, структуры политических институтов не стоят на месте, а развиваются, так как появляются новые проблемы и вызовы, которые требуют новых структур, наделенных новыми функциями. С подобными процессами связано то, что деятельность Президента РФ обеспечивается разветвленным управленческим аппаратом, имеющим как горизонтальную, так и вертикальную организационную структуру. Отсюда появление

в структуре государственного управления современной России таких должностных лиц и федеральных органов исполнительной власти как Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченный при президенте РФ по правам предпринимателей ребенка, Федеральная служба войск национальной гвардии РФ (Росгвардия).

Нельзя не отметить и территориальную специфику России в деятельности главы государства. Огромные размеры территории государства, большое количество субъектов на федеральном уровне со сложным национальным составом предполагают наличие специальных должностных лиц и территориальных структур управления, взаимодействующих с президентом. В этом аспекте наиболее значимой выступает деятельность полномочных представителей президента в федеральных округах, участвующих в согласовании на федеральном уровне множества кадровых, правовых и организационных решений в субъектах РФ.

Таким образом, Президент РФ обладает широкими полномочиями, позволяющим ему участвовать в управлении практически всеми сторонами жизни российского общества. В этом плане стоит рассмотреть конституционно-правовую ответственность президента в реализации своих полномочий. Правовой статус Президента РФ как должностного лица предполагает, что он не является государственным служащим, а относится к государственным должностям Российской Федерации. Перечень данных должностей закреплен Указом Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации». Необходимо подчеркнуть, что деятельность лиц замещающих государственные должности регламентируются Конституцией РФ и отдельными федеральными конституционными и федеральными законами. Если говорить о Президенте РФ как о должностном лице, то его деятельность также регламентируется Конституцией РФ и отдельным федеральным законом «О выборах Президента РФ» от 10.01.2003 № 19-ФЗ. Конституционно-правовая ответственность президента как должностного лица, регулируется только Конституцией РФ. Некоторые ученые, рассматривая конституционно-правовую ответственность Президента РФ, отмечают, что президент в принципе неответствен за свою деятельность, но в отличие от монарха его неответственность имеет границы [8, с. 20]. Так для Президента РФ Конституцией РФ предусматривается парламентско-судебная форма конституционно-правовой ответственности, когда дело по обвинению президента в совершении государственной измены или совершении тяжкого преступления возбуждает парламент, а отрешение его от должности принимает высший суд государства. Однако на практике подобная процедура была инициирована комиссией Государственной Думы

Сулимин А. Н.

против действующего главы государства лишь один раз – в 1999 году, однако для начала процедуры импичмента немного не хватило необходимого числа голосов – 2/3 от общего числа парламентариев.

Стоит заметить, что конституционно-правовая ответственность Президента РФ ограничивается неприкосновенностью (иммунитетом), тем самым иммунитет главы государства несколько противоречит возможности наложения определенных санкций за нарушение высшим должностным лицом государства определенных правовых норм. Следует отметить, что Основной закон США в отличие от конституций других стран не указывает о неприкосновенности (иммунитете) президента, а также вице-президента и других должностных лиц, в том числе в связи с наличием процедуры импичмента. Однако неприкосновенность президента не означает невозможность досрочного прекращения его полномочий. Оно возможно при наличии следующих оснований предусмотренных ст. 92 Конституции Российской Федерации: в случае его отставки; стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия; отрешения от должности. Из указанных оснований только последнее можно отнести к мере конституционно-правовой ответственности президента, так как процедура досрочного прекращения его полномочий на основании стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия не отрегулирована действующим законодательством.

В заключении стоит отметить, что несмотря на то, что Президент РФ обладает широкими полномочиями, его деятельность опосредована множеством институциональных структур управления и тем самым результат многих социально-экономических преобразований и государственного строительства во многом зависит от качества управленческих кадров на всех уровнях государственного и муниципального управления. Зачастую социальные и экономические проблемы современного российского общества связаны с неудовлетворительным состоянием институтов ответственных за реализацию кадровой политики. В условиях стабильного функционирования институтов власти и высокого доверия проблема низкой юридической ответственности президента за принимаемые решения исторически не являлась существенной для российского общества, но усиливалась в период кризисов и социальных потрясений. Для разрешения имеющихся противоречий между значительной концентрацией власти в одних руках и низкой юридической ответственностью, необходимо определение границ политической ответственности. В этом аспекте на первое место выходит политическая воля политического лидера способная противостоять инерционным процессам внутри системы государственного управления, когда бюрократия живет по отношению

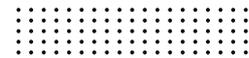
к остальному обществу своей жизнью, за счет общества решает проблемы в силу неспособности эффективно принимать управленческие решения и распоряжаться имеющимися ресурсами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Шулькина А. Л. Президентская республика в России: теоретико-правовой и исторический анализ // Философия права. 2010. №2. С. 117–120.
3. Конституционное право Российской Федерации: учебное пособие для бакалавров направления «Юриспруденция» / В. В. Никулин. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2012. С. 47.
4. Масленников К. И. Президентская власть в системе трех ветвей государственной власти: осуществление президентского контроля как одна из форм отождествления президентской власти // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №1. С. 310–312.
5. Сулимин А. Н. Роль политических традиций в российском политическом процессе: монография. Челябинск: Метеор-сити, 2013. С. 81.
6. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 656 с.
7. Гдалевич И. А. «Указное» нормотворчество в российском правовом пространстве // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2015. №2. 385–389.
8. Цалиев А. М. Конституционно-правовая ответственность Президента Российской Федерации // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. №2. Т. 8. С. 20–23.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. 25 December.
2. Shulkina A. L. Presidential Republic in Russia: Theoretical and Historical Analysis // Philosophy of Law. 2010. №2. P. 117–120.
3. Constitutional law of the Russian Federation: a manual for bachelors in the field “Jurisprudence” / V.V. Nikulin. Tambov: Publishing House of the FGBOU HPE “TSTU”, 2012. P. 47.
4. Maslennikov K. I. Presidential power in the system of three branches of state power: the exercise of presidential control as one of the forms of identifying presidential power // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2014. №1. P. 310–312.

Сулимин А. Н.

5. Sulimin A. N. The role of political traditions in the Russian political process: a monograph. Chelyabinsk: Meteor City, 2013. P. 81.
6. Medushevsky A. N. Democracy and authoritarianism: Russian constitutionalism in a comparative perspective. M.-Berlin: Direct Media, 2015. 656 p.
7. Gdalevich I. A. "Decree" norm-setting in the Russian legal space // Vestnik Taganrog Institute. A. P. Chekhov. 2015. №2. P. 385–389.
8. Tsaliev A. M. Constitutional legal responsibility of the President of the Russian Federation // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2009. №2. V.8. P. 20–23

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (1991–2008 ГОДЫ)

Молчанова Н. П.

доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия), 117149, Россия, Москва, ул. Болотниковская, д. 36, 2520641a@gmail.com

УДК 332.14(470)(091)
ББК 65.050.14(2Рос)-03

Цель. Изучение процесса формирования научных основ государственной региональной политики в условиях становления в России рыночных отношений, установление ее роли в преодолении макроэкономической нестабильности в пореформенный период (1991–2008 годы) и взаимосвязи с регулированием регионального развития.

Методология и методы: на основе применения диалектического метода познания, системного подхода и метода экспертных оценок проанализированы особенности государственной региональной политики и факторы, оказавшие влияние на создание ее законодательных и научных основ; детализированы содержание и структура, выделены объекты и субъекты региональной политики.

Результаты: выявлены обстоятельства (проблемы), затрудняющие реализацию основных положений государственной региональной политики в практике хозяйствования в течение анализируемого периода. Сравнение различных взглядов на предмет государственной региональной политики позволило пересмотреть ее концептуальные основы и состав структурных элементов (составных частей).

Научная новизна заключается во внесении уточнений в содержание государственной региональной политики и обоснование целесообразности ее практического применения в целях повышения результативности и эффективности регулирования территориального развития. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования методологии планирования и управления административно-территориальными образованиями (федеральными округами и субъектами федерации) в России.

Ключевые слова: государственное регулирование, национальная экономика, региональная политика, субъект федерации, федеральный округ.

THE SCIENTIFIC BASIS AND PRACTICE OF IMPLEMENTING THE STATE REGIONAL POLICY IN RUSSIA (1991–2008)

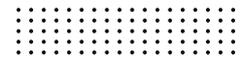
Molchanova N. P.

doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia), 117149, Russia, Moscow, Bolotnikovskaya str., 36, 2520641a@gmail.com

Purpose to study the process of forming the scientific basis of the state regional policy in the conditions of the establishment of market relations in Russia, to establish its role in overcoming macroeconomic instability in the post-reform period (1991–2008) and the relationship with the regulation of regional development.

Methodology and methods: using the dialectical method of cognition, the system approach and the method of expert assessments, the features of state regional policy and the factors that influenced the creation of its legislative and scientific bases were analysed; content and structure are detailed, objects and subjects of regional policy are highlighted.

Results: the circumstances (problems) that make it difficult to implement the main provisions of the state regional policy in the practice of management during the analysed period have been identified. Comparison of different views on the subject of state regional policy made it possible to revise its conceptual foundations and the composition of structural elements (components).

Молчанова Н. П.

Scientific novelty consists in creating an original author's formulation of state regional policy and justifying the expediency of its application in practice with a view to more effective state regulation of the territorial development of a federal state. The need for further improvement of the methodology for planning and managing administrative-territorial entities (federal districts and subjects of the federation) in Russia is justified.

Key words: state regulation, national economy, regional policy, federal subject, federal district.

Введение. Распространение рыночных отношений в России в течение 1991–2008 годов происходило под влиянием мер государственного воздействия, что проявлялось через развитие законодательной деятельности и разнообразные направления сотрудничества экономических субъектов (органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, домашних хозяйств). Особое внимание в данный период уделялось выработке экономического курса страны, развитию различных форм (видов) экономической политики, институциональному обеспечению процесса воспроизводства, определению регулятивных методов и инструментов управления национальным хозяйством. Необходимость разработки и научного обоснования региональной политики была обусловлена федеративным устройством Российского государства.

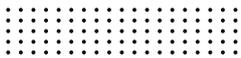
Формирование научных основ государственного регулирования в рассматриваемый период базировалось не только на известных теоретических концепциях и общемировых экономических тенденциях, но и на учете особенностей исторического развития и административно-территориального деления. В условиях становления и развития рыночных отношений специфика функционирования российской экономики определялась целым рядом факторов, влияние которых сохраняется и в настоящее время. Среди них преобладают: крупномасштабность территории, обуславливающая рационализацию взаимодействия между различными видами и элементами экономической структуры; готовность к мобилизации, рассматриваемая как ответ на воздействие факторов внешней среды природного и техногенного характера; исторически сложившаяся структура хозяйства и связанное с этим неравномерное размещение факторов производства; существенные территориальные различия природных и климатических условий и обусловленные этим особенности ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности; необходимость обеспечения безопасности (как национальной, так и экономической) и сохранения единого экономиче-

ского пространства; государствообразующий характер естественных монополий; ограниченные финансовые возможности бюджета и частного бизнеса. В современный период преодоления последствий мирового финансового кризиса (2008–2009 годов), осуществления перехода к новому технологическому укладу (Индустрии 4.0) и цифровизации экономики названные факторы сохраняются, а их влияние корректируется под воздействием неопределенности в функционировании организационно-экономической системы¹, которая проявляется в различных стадиях и аспектах воспроизводственного процесса, и в конечном итоге отражается на фазах делового цикла и динамике изменений рыночной конъюнктуры.

Согласно административно-территориальному делению, Российская Федерация состоит из равноправных субъектов, которые расположены на обширной по своим масштабам территории государства и обладают различными по своему составу факторами производства, вследствие чего существенно различаются по объему накопленного экономического потенциала и уровню социально-экономического развития. В работе исследователей В. Н. Овчинникова и Ю. С. Колесникова подчеркивается необходимость применения научно обоснованных и практически приемлемых положений государственной региональной политики: «В России из-за суровых природных условий и огромных расстояний доля коммерчески неэффективного пространства выше, чем в других странах. А это значит, что создание равных стартовых условий для граждан и равных условий для конкуренции может быть обеспечено только развитием территории, т. е. средствами региональной политики» [1, с. 40].

Видный российский ученый-регионовед О. С. Печлинец рассматривал регионы «как специализированные воспроизводственные системы». Понимая под устойчивым развитием «переход от «экономики использования ресурсов» к экономике их системного воспроизводства» он подчеркивал, что «роль ведущего звена в этом процессе ... должны играть не производствен-

¹ *Неопределенность* организационно-экономической системы традиционно рассматривается в нескольких аспектах: как мера информации и ее качество; как отсутствие детерминированности системы; как возможность выбора альтернатив будущего развития; как атрибутивный источник риска; как неоднозначность реализации событий; как естественный ограничитель управляемости и стабильности системы.

Молчанова Н. П.

ные структуры – предприятия, а воспроизводственные – регионы и системы расселения» [2, с. 37]¹. Такой ракурс приводит к пониманию регионального управления как процесса «согласования и интенсификации воспроизводственных циклов», а региональной политики – как процесса «территориальной организации производства ресурсов» [2, с. 38]. Из этого следует, что регион (субъект Федерации) целесообразно рассматривать в качестве относительно самостоятельной организационно-экономической подсистемы мезоуровня², которая в качестве составного элемента входит в организационно-экономическую систему государства с федеративным устройством.

Особенности государственного регулирования регионального развития в историческом контексте. Основание Российской Федерации (25 декабря 1991 года) и становление субъектов Федерации как территориальных единиц верхнего уровня инициировало необходимость разработки соответствующей периоду рыночных преобразований концепции региональной политики и инструментария государственного регулирования. В документе «Основные положения региональной политики в Российской Федерации» под региональной политикой понимается «система целей и задач органов власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации»³. Согласно оценке академика А. Г. Гранберга, «это определение сужает обычное (общепринятое в мировой практике – *прим. автора*) представление о предмете государственной региональной политики: оно не включает управление (или регулирование) территориальным (пространственным) развитием всей страны» [5, с. 423]. В специальных литературных источниках (экономических, социальных, социологических, демографических и др.) содержательный смысл политики государства в данной области активно дискутируется. Применение междисциплинарного подхода⁴ в исследовании региональной политики приводит к ее понима-

нию как самостоятельного вида общей экономической политики, призванной сглаживать межрегиональные диспропорции в развитии административно-территориальных образований, поддерживать сбалансированное развитие организационно-экономической системы государства в территориальном разрезе.

Особенности целей и задач, содержания и приоритетов региональной политики обусловлены нововведениями, которые были объективно необходимы в рассматриваемый период. Среди них ключевое место принадлежит переходу от административно-командной (характерной для бывшего СССР) системы управления к рыночным механизмам хозяйствования, распространенным в развитых зарубежных странах. Данный процесс обусловил трансформацию структуры собственности в направлении превалирования частной собственности на средства производства. Произошли изменения в распределении доходов владельцев факторов производства. Создание федеративного государства инициировало расширение экономических прав формирующих его субъектов Российской Федерации как первичных объектов государственной региональной политики, которые получили соответствующие полномочия в распоряжении экономическим потенциалом.

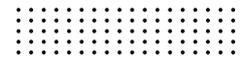
Для рассматриваемого периода характерными были децентрализация экономики, рост самостоятельности административно-территориальных образований, частичное перераспределение функций между органами государственной власти различных уровней и органами местного самоуправления. Анализ особенностей проводимой в 1990-х годах в России региональной политики нашел отражение в ряде исследовательских работ. Например, Б. М. Штульберг и В. Г. Введенский описывают этот период как «деятельность органов государственной власти и управления по обеспечению оптимального развития субъектов Федерации и решению территориальных проблем межрегионального и общегосударственного характера» [6, с. 18]. В данном контексте, цель государственной региональной политики состояла в формировании

¹ По мысли О. С. Пчелинцева, субъекты этого специфического воспроизводства – «региональные и местные администрации – являются с экономической точки зрения: а) некоммерческими структурами, ориентированными, в основном, на политические цели; б) монополистами (просто потому, что в одном регионе или городе не может быть двух администраций)» [2, с. 37–38]. Данные положения основаны на фундаментальной работе Д. Бекеманна по вопросам территориального планирования в рыночной экономике [3].

² Под мезоуровнем экономической деятельности в научной литературе понимается региональная экономика, а также экономика межрегиональных корпораций (включение последнего из двух названных структурных элементов в содержание термина «мезоуровень», согласно суждениям некоторых ученых, представляется достаточно спорным) [см., например, 4, с. 7].

³ «Основные положения региональной политики в Российской Федерации». Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 [электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons.../e49aa1c61289cae1d386cb6a4454e11c1a940d03/ (дата обращения 22.07.2018).

⁴ Целесообразность междисциплинарных исследований определяется пониманием регионов, во-первых, как многомерных, эколого-социально-экономических структур; во-вторых, как звеньев пространственной (территориальной) структуры экономики, функционирование которых основано на взаимосвязанном развитии производства, населения и ресурсного потенциала.

Молчанова Н. П.

в субъектах Российской Федерации равных политических и социально-экономических условий, которые были необходимы для осуществления ими гарантированных Основным Законом и другими законодательными актами правомочий в целях обеспечения жизнедеятельности граждан страны на уровне минимальных социальных стандартов.

В работе Н. И. Лариной и А. А. Кисельникова сформулированы некоторые типичные для этапа перехода к рыночной экономике проблемы, которые поддаются решению средствами государственного регулирования на региональном уровне: «1) адаптация к местным условиям мероприятий экономической реформы, проводимых федеральным правительством; 2) координация региональной политики федерального правительства, субъектов Российской Федерации и местных властей; 3) стабилизация социально-экономического состояния и поиск путей выхода из кризиса; 4) сведение к минимуму региональных различий в условиях жизни, работы и развития предпринимательства» [7, с. 11]. Названные проблемы были характерными для анализируемого периода функционирования Российского государства (1991–2008 годы).

До середины 2000-х годов сохранялась дифференциация российских регионов по уровню важнейших социально-экономических показателей. Поэтому в среднесрочной программе Правительства Российской Федерации¹ в разделе «Цели и задачи региональной политики социально-экономического развития» приоритетное внимание было сконцентрировано на разработке мер по формированию человеческого потенциала, обеспечению единства экономического пространства страны, продолжению реформ. В практическом плане внимание было сосредоточено на создании экономических стимулов, которые способствовали бы сглаживанию сохраняющихся проблем на региональном и муниципальном уровнях.

Сформулированный комплекс целевых установок (так называемых «перспективных задач») был ориентирован прежде всего на упрочение экономической базы для поддержания Российского государства в стабильном состоянии, сохранении целостности его территории. Актуальными для целого ряда регионов оставались вопросы формирования многоукладной экономики, функционирования рынков факторов производства, создания институтов финансового рынка, инфраструктурных объектов. Была предусмотрена система мер по снижению дифференциации соци-

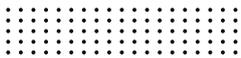
ально-экономических показателей, направленная на повышение благосостояния населения. Помимо этого, внимание акцентировалось на вопросах построения более рациональной системы расселения. Данная мера реализовывалась в целях обеспечения комплексного подхода к формированию структуры хозяйства регионов и муниципальных образований. Было проведено ранжирование административно-территориальных образований, которые обладали весомыми преимуществами в обеспечении элементами экономического потенциала (научно-технического, производственного, трудового) и могли бы стать «локомотивами» и «точками роста» экономики субъектов Российской Федерации.

В результате становления отношений федеративного типа существенно расширились социально-экономические функции субъектов Российской Федерации, укрепилось восприятие первоочередности рассмотрения интересов регионов в увязке с общегосударственными интересами. Данный процесс сопровождался применением согласительных процедур и расширением функций регионального уровня управления по реализации целей государственной региональной политики. Существовавшая в этот период дифференциация между различными регионами по уровню макроэкономических показателей социально-экономического развития, по мнению ученых ЦПАиГУП² свидетельствовала о том, что «одними из главных причин сложившихся региональных диспропорций являются неудовлетворительное состояние государственного управления и несовершенство нормативно-правовой базы в сфере регионального развития» [8, с. 7].

Трансформация содержательных основ региональной политики. В экономической науке наблюдается разнообразие суждений по вопросам теоретико-методологического обоснования региональной политики и ее осуществления на практике. «Новая экономическая энциклопедия» определяет политику как «совокупность экономических, правовых и организационных мер, форм и методов управления экономикой и обществом, отдельными организациями и группами организаций в условиях борьбы за власть, ее использования и удержания». Экономическая политика представляется как «общее название всей системы мер государственного управления экономикой посредством ресурсов, имеющихся в распоряжении государства» [9, с. 397–398].

¹ Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы) и план действий Правительства Российской Федерации по реализации в 2006 году положений Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу. – М.: Минэкономразвития России, 2006. – 242 с.

² Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН.

Молчанова Н. П.

Формы экономической политики¹ и их субординация определяются выбранной социально-экономической моделью развития страны и базовыми установками экономического курса правительства. Для анализируемого периода (1991–2008 годы) характерным было нахождение форм экономической политики, соответствующих условиям хозяйственной деятельности экономических субъектов. Постепенно, по мере утверждения рыночных отношений, происходил переход от поиска приемлемых мер и инструментария экономического воздействия, к построению сбалансированной системы методов государственного регулирования в целях выстраивания оптимальных вариантов деятельности экономических субъектов. К концу рассматриваемого периода в основном сформировалось новое понимание экономической роли государства как системного регулятора процесса воспроизводства.

На наш взгляд, в работах по региональной экономике не представлено строгое разграничение содержания терминов «экономическая политика» и «региональная политика»; не раскрывается специфика их взаимосвязи на региональном уровне управления. При сопоставлении (сравнении) названных категорий целесообразно исходить из того, что экономическая политика является более общим, системообразующим понятием, в то время как региональная политика выступает одной из ее форм. Осуществление региональной экономической политики следует рассматривать как ключевое направление деятельности государства, важность которого определяется сущностным содержанием (типом) организационно-экономической системы, степенью ее развития.

Описательная сторона экономической политики и ее форм применительно к региональному уровню представлена в научных трудах (отечественных и зарубежных). Например, в работе А. Г. Гранберга, посвященной основам региональной экономики, региональная экономическая политика позиционируется как «специализированная часть общей региональной политики и одновременно ядро системы государственного регулирования регионального и территориального экономического развития» [5, с. 423]. В исследовании Н. W. Armstrong и J. Taylor региональная политика характеризуется как форма государственного вмешательства в разные подсистемы региона, предназначенная для минимизации объективно существующего неравенства, следствием которого могут

стать социальные конфликты, стагнация экономики в территориальном разрезе (как внутри страны, так и на межгосударственном уровне). Выяснение причин сложившегося положения и констатация объектов, в деятельность которых требуется вмешательство, служат основанием при постановке задач и абсорбировании средств для реализации региональной политики [10].

Традиционно выделяются две основные цели государственного вмешательства в развитие территорий, которые описываются в работе Н. И. Лариной и А. А. Кисельникова: «1) «справедливость», т.е. такое размещение (пространственная организация) экономической деятельности, при котором жители всех регионов имеют более или менее равные возможности достичь желаемого благосостояния; 2) «эффективность», которая требует рационального использования производственного потенциала каждого региона в целях общенационального благосостояния» [7, с. 9]. Однако, необходимо обеспечивать определенную согласованность действий органов власти различных уровней (федеральных, региональных и муниципальных), иначе пространственные неравенства будут нарастать.

Объекты и субъекты региональной политики.

В течение рассматриваемого периода постепенно сложилось представление о логике выстраивания региональной политики России как многонационального государства с федеративным устройством, но с учетом менталитета российского населения. Это предполагает, с одной стороны, проведение региональной политики как федеральными, так и региональными властными структурами. С другой стороны, это иллюстрирует соблюдение равных прав субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей) в использовании макроэкономических инструментов денежно-кредитной (монетарной), финансовой (налогово-бюджетной), тарифной и других видов экономической политики.

Вследствие названных причин идентификация объектов и субъектов государственной региональной политики является важным методологическим вопросом. Согласно устоявшемуся пониманию, в перечень *объектов* государственной региональной политики России входят: субъекты федерации и муниципальные образования², особые экономические зоны; особо охраняемые эколого-экономические территории (зоны).

¹ Формы экономической политики можно классифицировать по различным признакам: уровням экономики и способам воздействия (институциональная; микроэкономическая как антимонопольная и инфраструктурная; макроэкономическая как бюджетно-налоговая, кредитно-денежная, промышленная, структурная и стабилизационная), сферам воздействия (отраслевая, социальная, внешнеэкономическая, *региональная*), временным интервалам (краткосрочная антициклическая, долгосрочная стратегическая), функциональной роли в экономике (инвестиционная, антиинфляционная, налоговая, инновационная и др.).

² К муниципальным образованиям относятся городские и сельские поселения различных типов, в том числе закрытые административно-территориальные образования, на территории которых расположены объекты Минатома России и Минобороны России, имеющие федеральное значение; муниципальные образования с градообразующими научно-производственными комплексами (наукограды).

Молчанова Н. П.

Поскольку в Российском государстве управление развитием регионов сосредоточено между несколькими центральными ведомствами, с выделением ведущих (координирующих) органов, то субъектами региональной политики правомерно считать органы государственной власти федерального уровня в лице Президента Российской Федерации и его администрации, включая аппарат полномочных представителей Президента в федеральных округах, законодательные (Федеральное Собрание¹) и исполнительные (Министерства экономического блока в Правительстве Российской Федерации²) органы власти.

Федеральные органы власти координируют две основные функции, которые определяют порядок осуществления различных форм и видов экономической деятельности на всех уровнях управления. Первая функция предполагает обеспечение равноправия субъектов экономики и баланс интересов посредством применения ключевых инструментов: налоговой и бюджетной политики, обеспечивает децентрализацию процесса управления регионами и передачу им соответствующих полномочий. Вторая функция поддерживает соблюдение «фоновых» условий предпринимательской деятельности в направлении повышения результативности работы всех участников рыночных отношений в территориальном разрезе.

В середине 2000-х годов наступил новый этап эволюции взаимоотношений центра и регионов, для которого было характерным появление в системе федеральных органов управления структур, занимающихся преимущественно региональной тематикой на принципах аутсорсинга, что подчеркивает возрастание заинтересованности государственной власти в решении региональных проблем. Это можно проиллюстрировать на примере организации Министерства регионального развития Российской Федерации³ и Департамента государственных целевых программ и капитальных вложе-

ний Министерства экономического развития Российской Федерации⁴.

Постановлением Правительства было установлено, что вновь созданное Министерство занимается осуществлением государственной политики и нормативно-правовым регулированием территориального социально-экономического развития, включая федеративные и национальные отношения, а также вопросами разграничения полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, местного самоуправления, осуществлению приграничного сотрудничества и рядом других⁵. Следует обратить внимание, что Минрегион России принял часть функций по ряду вопросов, которые ранее выполнялись другими центральными ведомствами (Минэкономразвития России, Миндрагсоцразвития России и др.). Позднее, в развитие названного Постановления, Минрегион России получил дополнительные функции:⁶ по осуществлению поддержки регионам и федеральным округам за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации, координации целевых программ (федеральных и ведомственных) в вопросах обеспечения комплексного территориального развития и устойчивого экономического и социального положения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Однако позднее данное Министерство было расформировано. Одной из причин послужило отсутствие четкого разграничения функций региональной тематики с другими федеральными ведомствами, что и обусловило их существенное дублирование⁷.

Круг *субъектов* государственной региональной политики сформировался как достаточно широкий: в него вошли региональные органы власти⁸, органы местного самоуправления, территориальные общественно-государственные структуры, ассоциации

¹ Высший законодательный орган страны – Федеральное Собрание Российской Федерации в составе двух палат – занимается вопросами регионального развития. Государственная Дума имеет в своем составе комитет по делам региональной политики. Совет Федерации является по существу палатой регионов.

² Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Министерство регионального развития Российской Федерации.

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 сентября 2004 г. № 1168 (ред. от 24 сентября 2007 г.) «О Министерстве регионального развития Российской Федерации».

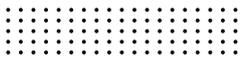
⁴ Приказ Минэкономразвития России от 13 мая 2009 г. № 161 «Об утверждении Положения о Департаменте государственных целевых программ и капитальных вложений Министерства экономического развития Российской Федерации».

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2004 г. № 501 (ред. от 30 июня 2010 г.) «Вопросы Министерства регионального развития Российской Федерации».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 24 сентября 2007 г. № 1274 (ред. от 12 мая 2008 г.) «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти».

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 8 сентября 2014 года № 612 «Об упразднении Министерства регионального развития Российской Федерации».

⁸ Например, Законодательное собрание субъекта Федерации, губернатор и др.

Молчанова Н. П.

межрегионального экономического взаимодействия¹. Наряду с этим, повысилась роль консультативных, проектных, экспертных и исследовательских организаций, крупных информационных центров. Более целенаправленным стало участие организаций предпринимательского сектора, например, естественных монополий (РАО «ЕЭС России»); корпораций (РАО «ЕЭС России»); крупнейших банковских структур (ПАО «Сбербанк»). Выросло влияние органов местного самоуправления, различных общественных организаций, в частности, Ассоциаций муниципальных образований, которые формируются либо по отраслевому признаку (союзы шахтерских городов, наукоградов), либо в рамках определенной территории.

Дискуссионные вопросы управления региональным развитием. Исторически сложилось, что регионы (субъекты Российской Федерации) и муниципальные образования являются основными (первичными) объектами политики, проводимой государством на региональном уровне управления. Вместе с тем, в рамках принятых концептуальных документов, в качестве ее объектов могут рассматриваться и качественно иные таксономические единицы². На наш взгляд, в качестве таковых целесообразно рассматривать федеральные округа, которые (как административные единицы – объекты управления) были образованы по Указу Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849³. Организация института полномочных представителей Президента страны в укрупненных административных образованиях (федеральных округах) стала результатом поиска органами государствен-

ной власти новых форм территориального управления на федеральном уровне. В качестве целей создания федеральных округов предусматривалось повышение эффективности государственного управления, правового и финансового контроля, укрепления исполнительной дисциплины в территориальном разрезе. Образование федеральных округов не повлияло на сложившееся административно-территориальное устройство России: конституционные права и территориальные границы субъектов Федерации были полностью сохранены⁴.

Проблемы, накопившиеся в региональном развитии, инициировали поиск вариантов дальнейшего совершенствования территориального управления государством. На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, которое состоялось 30 ноября 2007 года, В. В. Путин объявил о целесообразности более глубокого изучения вопросов, связанных с термином «макрорегион»⁵, определением его пространственных границ, обусловленных характерными признаками территории данного типа, чтобы определить вероятность и последствия укрупнения различных региональных образований⁶. Необходимость обсуждения экономического районирования России, под которым понимается «не политическое решение и не изменение административного деления страны», а «определение экономической специализации крупных регионов», руководствуясь которой следовало бы проводить корректировку территориального разреза стратегических документов долгосрочного развития страны, обосновывается, например, в выступлении вице-преьера Д. Н. Козака⁷.

¹ Например, ассоциации «Сибирское соглашение», «Дальний Восток и Забайкалье», «Северный Кавказ» и др. Одна из задач регионов-участников ассоциаций – мобилизация финансовых ресурсов для поддержки приоритетных направлений территориального социально-экономического развития.

² В научных публикациях «таксономическая единица» соотносится с общим пониманием термина «территория»: «район», «муниципальное образование», «ареал», «зона», «регион» (субъект Российской Федерации), «макрорегион» (федеральный округ).

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» с учетом изменений и дополнений, внесенных Указом Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 82.

⁴ В настоящее время в России функционируют восемь федеральных округов: Центральный (центр – Москва), Северо-Западный (Санкт-Петербург), Южный (Ростов-на-Дону), Приволжский (Нижний Новгород), Уральский (Екатеринбург), Сибирский (Новосибирск), Дальневосточный (Хабаровск), Северо-Кавказский (Пятигорск).

⁵ Экономическая дефиниция «макрорегион» в хозяйственной практике используется в различных аспектах. Например, макрорегионом называют «объединение субъектов Федерации, имеющее общие особенности в виде экономико-географического положения, более тесных хозяйственно-рыночных и других связей внутри объединения, чем вне его, природно-климатических и других условий» [11, с. 13]. Данное понятие имеет универсальный характер, поскольку применяется не только на внутри-, но и на межгосударственном уровне для характеристики либо нескольких близкорасположенных, географически соседствующих стран, либо значительных по масштабам территорий отдельных крупных стран. При этом, в рамках макрорегионов подлежат объединению группы регионов или даже группы стран; в основу может быть положен какой-либо признак: функциональное предназначение, географическое местоположение, политическая организация, экономическое устройство и др.

⁶ Положение о совете [электронный ресурс]. URL: <http://state.kremlin.ru/council/6/statute> (дата обращения 29.07.2018)

⁷ Министерство регионального развития РФ [электронный ресурс]. URL: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?NewsID=803> (дата обращения 29.07.2018)

Молчанова Н. П.

Изучение информационных источников приводит к выводу о том, что постановка задачи по укрупнению регионов может стать одним из возможных путей для снижения уровня территориальных различий социально-экономического характера. Это находит применение на практике, например, посредством присоединения слабых в экономическом отношении субъектов Российской Федерации к более сильным, а также придания ряда функций по управлению экономикой созданным федеральным округам.

Из изложенного следует, что федеральные округа (после подготовки соответствующих нормативных правовых документов) можно было бы позиционировать как полноценные, наделенные соответствующими полномочиями, *объекты* государственной региональной политики. При таком подходе региональную политику можно будет разрабатывать и реализовывать не только на уровне субъектов Российской Федерации, но и федеральных округов. Однако, до настоящего времени соответствующие условия (нормативные документы, методические положения и инструкции) пока не созданы и, кроме того, «в федеральных округах не в полной мере сформировались такие характерные для регионов (субъектов РФ) признаки, как комплексность хозяйства, целостность управления территорией в рамках административных единиц, стабильность хозяйственных связей, кооперация и производственная специализация, единая социальная политика» [12, с. 74].

Вместе с тем, следует учитывать, что согласно установленной иерархии, именно федеральный округ в настоящее время является высшим звеном современной системы экономического районирования¹. В этой связи данный раздел регионоведения нуждается в дальнейшем развитии научных основ и практических положений в целях содействия эффективному развитию экономики в установленных пространственных границах, т.е. в территориальном разрезе. Возрастание роли экономического районирования в региональных исследованиях должно основываться на системном подходе, сопровождаться расширением применения научного инструментария, учитывать историческую специфику расселения в определенных пространственных границах. Необходимо углубленное изучение проблемных вопросов функционирования городских и сельских поселений, анализ влияния природно-климатических особенностей на возможности максимального задействования располагаемых факторов производства, а также экологической составляющей на условия жизнедеятельности населения.

Обобщенное представление о содержании исследуемой научной категории подготовлено экспертами ЦПАиГУП: «под государственной региональной политикой ... понимается деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления по управлению пропорциями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и решению проблем регионального развития» [13, с. 8]. Особенность этой формулировки состоит в акцентировании внимания на деятельности органов местного самоуправления, которая концентрируется на решении территориальных задач экономического и социального характера. Это обуславливает ориентирование положений государственной региональной политики на вопросы координации экономической деятельности мезоуровня, в направлении развития нормативной правовой базы и создания регулятивных механизмов; определяет ее ясное, четкое содержание и ресурсное обеспечение.

При исследовании специфики территориального развития актуальным является вопрос о рассмотрении структуры государственной региональной политики. По поводу ее поэлементного состава в научных источниках существуют различные точки зрения. Наиболее обоснованной и развернутой представляется формулировка, изложенная в Доктрине регионального развития Российской Федерации. Здесь государственная региональная политика подразделяется на следующие направления: федеративное устройство Российской Федерации; пространственное развитие Российской Федерации; бюджеты и налоги в региональной политике; инвестиции в региональную политику; социальное развитие регионов Российской Федерации; административные центры субъектов Российской Федерации в решении задач региональной политики; местное самоуправление и межмуниципальное сотрудничество; развитие территорий с особым статусом: особые экономические зоны, закрытые административно-территориальные образования, наукограды, монопрофильные города; развитие проблемных регионов России: Дальний Восток, Кавказ, северные территории, депрессивные регионы; миграционные вопросы в региональной политике и обеспечение сбалансированной структуры расселения; внешнеэкономическое сотрудничество субъектов Российской Федерации; развитие инфраструктурных объектов; государственное управление региональным развитием; формирование

¹ Современное экономическое районирование России включает три основных звена (таксономические единицы): федеральные округа (высшее звено); субъекты Российской Федерации – республики, края, области (среднее звено); муниципальные образования (нижнее звено).

Молчанова Н. П.

и реализация федеральных, межрегиональных и региональных целевых программ [8, с. 73].

Иной взгляд на региональную проблематику представлен в работе А. П. Градова. В ней разграничиваются региональные факторы, которые определяют территориальные конкурентные преимущества (население, климатогеографические условия, природные ресурсы, хозяйство, социально-экономическое положение) и структурные элементы региональной экономической политики (налоговая, бюджетная, ценовая, инвестиционная, социальная, негосударственная) [14, с. 60]. В данной концепции рассматривается устоявшаяся градация состава экономической политики, которая осуществляется органами государственной власти на различных уровнях. Однако, на наш взгляд, представленный вариант формирования экономической политики не создает о ней целостного представления. Учет исторически сложившейся структуры национального хозяйства России и влияние на нее отечественной промышленности позволяют сделать вывод о необходимости выделения промышленной политики как системообразующего вида государственной экономической политики.

Более разносторонней выглядит систематизация направлений государственной региональной политики, содержащаяся в Доктрине регионального развития Российской Федерации. Однако, следует указать, что в названном документе в составе региональной политики не разграничены структурные части, отражающие сущностное содержание и аспекты, определяющие разные позиции ее рассмотрения. Исходя из данного предположения, в качестве элементов, формирующих региональную политику, нами рекомендуется рассматривать: «федеративное устройство и пространственное развитие Российской Федерации, местное самоуправление, развитие территорий с особым статусом и проблемных регионов, государственное управление, формирование и реализацию целевых программ. Вместе с тем, бюджеты и налоги, инвестиции, социальное развитие, миграционные вопросы и обеспечение сбалансированной структуры расселения, внешнеэкономическое сотрудничество, развитие инфраструктуры следует считать важнейшими аспектами региональной политики, поскольку каждый из них соотносится с самостоятельными формами экономической политики государства» [15, с. 13].

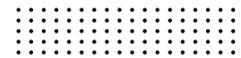
Заключение. Время рыночных преобразований (1991–2008 годы) характеризуется становлением науч-

ных основ экономической политики в России и ее важнейшей составной части – региональной политики. Результатом произошедшей в течение данного периода трансформации принципов и подходов к проведению государственной региональной политики стало формирование ее основных методов и инструментов, а также ее практическое осуществление на различных уровнях управления. Специфика региональной политики состоит в ее многоуровневости, что проявляется в заинтересованности и практическом участии различных по роду деятельности государственных органов и общественных организаций. В качестве базового *объекта* региональной политики целесообразно рассматривать территорию страны, разделенную на федеральные округа, в составе которых выделяются административно-территориальные единицы (субъекты Российской Федерации), в свою очередь состоящие из муниципальных образований. *Субъектами* государственной региональной политики служат законодательные и исполнительные органы власти (федеральные и региональные), органы местного самоуправления, различного рода меж- и внутрирегиональные союзы и ассоциации.

Процесс формирования и реализации государственной региональной политики включает определенную последовательность управленческих действий: во-первых, постановку ценностных целей¹, выявление проблем, формулирование управленческих задач и обоснование возможных вариантов их реализации; во-вторых, разработку комплекса нормативных правовых документов, согласование процедур их принятия и выполнения; в-третьих, составление многовариантного прогноза вероятных последствий и выбор методологии квалитметрической оценки принимаемых решений; в-четвертых, выработку механизма мониторинга реализации принятых к исполнению действий; в-пятых, определение мер ответственности и правовое закрепление санкций за недостижение целевых ориентиров регионального развития.

Главную цель региональной политики необходимо сфокусировать на поиске консенсуса между обеспечением высокой результативности функционирования ее объектов и эффективной работы ее субъектов для выравнивания социально-экономических условий и поддержки жизнедеятельности населения на уровне научно обоснованных социальных стандартов. Искомый результат может быть достигнут на основе систематизации инновационного инструментария, учета накопленного отечественного и зарубежного опыта при

¹ К ценностным целям, на основе которых должны формироваться управленческие решения, можно отнести: обеспечение уровня и качества жизни населения согласно государственным социальным стандартам; создание инфраструктурных и иных условий жизнедеятельности независимо от места проживания, преодоление тенденций депопуляции; налаживание сбалансированного функционирования и стабильного социально-экономического развития административно-территориальных образований; достижение экономической, продовольственной и экологической безопасности, сохранение целостности территории.

Молчанова Н. П.

согласованном применении всей совокупности инструментов государственного регулирования социально-экономического развития. Основой одного из направлений междисциплинарных научных исследований в области региональной экономики должно стать формирование комплекса рекомендуемых научных положений и практических рекомендаций по определению объема требуемых ресурсов для решения задачи сбалансированного территориального социально-экономического развития (с учетом фактора времени).

Литература:

1. Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 176 с.
2. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития М.: Наука, 2004. 258 с.
3. Boeckemann D. Theorie der Raumplanung. R. Oldenbourg Verlag, Muenchen-Wien, 1984.
4. Маннапов Р. Г., Ахтариева Л. Г. Организационно-экономический механизм управления регионом: формирование, функционирование, развитие: монография. М.: КНОРУС, 2008. 352 с.
5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: Высшая школа экономики, 2000. 495 с.
6. Штульберг Б. М., Введенский В. Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации: монография. М.: Гелиос АРВ, 2000. 206 с.
7. Ларина Н. И., Кисельников А. А. Региональная политика в странах рыночной экономики: учеб. пособие. М.: Экономика, 1998. 172 с.
8. Доктрина регионального развития Российской Федерации: макет-проект: монография / под общ. ред. Малчинова А. С. М.: Научный эксперт, 2009. 256 с.
9. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 2011. 882 с.
10. Armstrong H. W. and Taylor J. (2000). Regional Economics and Policy, 3rd edition, Blackwell, Oxford.
11. Решиев С. С. Федеральный округ как центральное звено государственной региональной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 15 (108). С. 7–15.
12. Молчанова Н. П., Молчанов И. Н. Федеральный округ как ведущее звено в системе государственного управления региональным развитием // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 6. С. 72–80.
13. Региональное измерение государственной экономической политики России / под общ. ред. Малчинова А. С. М.: Научный эксперт, 2007. 200 с.
14. Градов А. П. Национальная экономика: учеб. пособие для вузов. СПб.: Питер, 2005. 240 с.
15. Молчанова Н. П. Методологические основы управления федеральным округом // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 37. С. 11–20.

References:

1. Ovchinnikov V. N., Kolesnikov Yu. S. Silhouettes of regional economic policy in the South of Russia. Rostov-on-Don: Publishing house SFU, 2008. 176 p.
2. Pchelintsev O. S. Regional economy in the system of sustainable development. M.: Nauka, 2004. 258 p.
3. Boeckemann D. Theorie der Raumplanung. R. Oldenbourg Verlag, Muenchen-Wien, 1984.
4. Mannapov R. G., Akhtarjeva L. G. Organizational and economic mechanism of regional management: formation, functioning, development: monograph. M.: Knorus, 2008. 352 p.
5. Granberg A. G. Bases of regional economy: the textbook for high schools. M.: Higher School of Economics, 2000. 495 p.
6. Shtulberg B. M., Vvedensky V. G. Regional policy of Russia: theoretical foundations, tasks and methods of implementation: monograph. M.: Helios ARV, 2000. 206 p.
7. Larina N. I., Kisel'nikov A. A. Regional policy in countries of market economy: Textbook. allowance. M.: Economics, 1998. 172 p.
8. Doctrine of regional development of the Russian Federation: a model project: monograph / under Ed. Malchinova A. S. M.: Scientific expert, 2009. 256 p.
9. Romyantseva E. E. New economic encyclopedia. M.: INFRA-M, 2011. 882 p.
10. Armstrong H. W. and Taylor J. (2000). Regional Economics and Policy, 3rd edition, Blackwell, Oxford.
11. Reshiev S. S. Federal District as the central link of state regional policy // Regional economy: theory and practice. 2009. № 15 (108). P. 7–15.
12. Molchanova N. P., Molchanov I. N. Federal District as a leading link in the system of public administration of regional development // Economics. Taxes. Right. 2011. № 6. P. 72–80.
13. The regional dimension of the state economic policy of Russia / under Ed. Malchinova A. S. M.: Scientific expert, 2007. 200 p.
14. Gradov A. P. National Economy: Textbook. manual for universities. SPb.: Peter, 2005. 240 p.
15. Molchanova N. P. Methodological bases of management of the federal district // Regional economy: theory and practice. 2011. № 37. P. 11–20.

ИСТОРИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТОРЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С 1934 ПО 1980 ГГ.

Никитина А. С.

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, alena.nikitina@ui.ranepa.ru

УДК 347.963(470.54)(091)
ББК 67.721.2(2Рос-4Све)-1

Цель. Изучение на основе архивных материалов процесса формирования и развития кадровой политики советской прокуратуры в Свердловской области, ее кадрового состава и основных направлений деятельности с 1934 по 1980 года.

Методы: эмпирическую базу исследования составили материалы архива прокуратуры Свердловской области с 1920–1980 года, материалы партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК, Бюллетень Управления исправительно-трудовых учреждений Уральской области и Областной прокуратуры и Областного суда, а также журналы, газеты и иные периодические издания, освещающие работу Свердловской прокуратуры в советский период.

Результаты: автором приводятся обобщающие выводы о значимости и роли института кадровой политики в жизни советской прокуратуры, а также приведены примеры заимствования успешного исторического опыта для совершенствования работы с кадрами в органах прокуратуры Российской Федерации, либо ее субъектов в настоящее время.

Научная новизна: автором изучен институт кадровой политики в органах прокуратуры Свердловской области, предпринят попытку восполнить неполноту исследований формирования института кадровой политики Свердловской прокуратуры в отечественном правоведении конкретно в советский период.

Ключевые слова: история прокуратуры, кадровая политика, кадровый потенциал, управление кадровой политикой.

HISTORY OF STAFF POLICY IN ORGANS OF PROSECUTORS OF THE SVERDLOVSK REGION FROM 1934 TO 1980

Nikitina A. S.

candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Management of Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, 8 March str., 66, alena.nikitina@ui.ranepa.ru

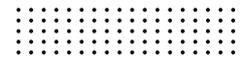
Purpose. The study, based on archival materials, of the formation and development of the personnel policy of the Soviet prosecutor's office in the Sverdlovsk Region, its personnel and its main activities from 1934 to 1980.

Methods: the empirical base of the research was compiled from the archives of the Sverdlovsk Oblast Prosecutor's Office from 1920–1980, the materials of party congresses, conferences, Plenums of the Central Committee, the Bulletin of the Department of Corrective Labor Institutions of the Urals and the Regional Prosecutor's Office and the Regional Court, as well as magazines, newspapers and other periodicals illuminating the work of the Sverdlovsk Prosecutor's Office in the Soviet period.

Results: the author gives generalizing conclusions about the significance and role of the institution of personnel policy in the life of the Soviet prosecutor's office, as well as examples of borrowing successful historical experience for improving work with cadres in the bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, or its subjects at present.

Scientific novelty: the author has studied the institution of personnel policy in the bodies of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk region, made an attempt to fill the incomplete studies of the formation of the personnel policy institute of the Sverdlovsk Prosecutor's Office in the domestic jurisprudence in the Soviet period.

Key words: history of the prosecutor's office, personnel policy, personnel potential, personnel policy management.

Никитина А. С.

Изучение и исследование архивных материалов процесса формирования и развития кадровой политики советской прокуратуры (на примере Свердловской области) в период с 1934 по 1980 годы имеет важное значение, поскольку исторические аспекты тех или иных общественных отношений могут быть актуальны и для сегодняшнего дня с целью совершенствования этой работы в российской прокуратуре. В этой связи актуальность избранной автором темы не вызывает сомнения.

Проанализируем эволюцию кадрового развития института кадровой политики прокуратуры в разрезе нескольких этапов советского времени.

1 этап (30–40-е гг.)

Кадровая политика в органах прокуратуры Свердловской области в 30–40 годы осуществлялась образованной в 1936 году Группой (отделом) кадров, входившей в новую структуру Свердловской прокуратуры.

Группа (отдел) кадров занималась учетом личного состава прокурорских и следственных работников, укомплектованием аппарата областной прокуратуры и районных прокуратур, выдвижением на вышестоящую должность и продвижением работников, вопросами их учебы, расследованием и наблюдением за расследованием преступлений, совершенных работниками прокуратуры и следствия [1, с. 25].

Важно отметить, что кадровой работе в органах прокуратуры отводилось больше значение. Именно с целью улучшения работы 3 августа 1937 года из ведения отдела кадров прокуратуры Свердловской области в целях концентрации внимания на основных вопросах изучения учета и распределения кадров, повышения квалификации прокурорско-следственных работников, и во исполнение приказа Прокуратуры СССР от 31 июля 1937 года № 52/6 были переданы [2, с. 14]: вопросы привлечения к уголовной ответственности прокурорско-следственных работников, в зависимости от признаков, – уголовно-следственный и уголовно-судебный отдел (однако, начальникам указанных отделов вменялось в обязанность о каждом таком случае ставить в известность отдел кадров); вопросы исключения или отвода из состава членов коллегии защитников – в отдел общего надзора.

Анализируя численный кадровый состав, можно предположить о высокой укомплектованности свердловской прокуратуры в анализируемый период. В 1938 году на службе в Свердловской областной прокуратуре (данные по списку работников Управления Свердловской областной прокуратуры на 23 июня 1938 г.) состояло 87 человек [3, с. 23].

В то же время, наблюдалось движение кадрового состава, особенно это было характерно в предвоенное

время. Так, в ноябре 1940 года в прокуратуре Свердловской области состоялось крупное сокращение штата [4, с. 25].

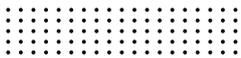
В 30–40 года большое значение в работе с кадрами отдавалось вопросам обучения, повышения квалификации, переподготовки персонала. Эти же тенденции были свойственны и для системы советской прокуратуры данного периода в целом.

В первую очередь, обучение персонала было вызвано высоким уровнем безграмотности населения. К примеру, по списку наличного состава прокурорско-следственных работников по облпрокуратуре за 1935 год в графе «образование» у большинства работников стоит отметка «самообразование» или «низшее», реже – «среднее». Лишь незначительный круг работников имел юридическую подготовку. Большинство следователей назначались на должность по окончании двухмесячных курсов.

Более того, забегая вперед, отметим, что в 1937 году во многие районные прокураторы на должности помощников прокурора, а в ряде случаев (например, прокуратуры Егоршинского, Чернушинского районов – приказ прокурора Свердловской области от 01.11.1937 г. № 317), назначались студенты Юридического института [5, с. 7].

Одним из путей разрешения проблемы низкой грамотности работников были образование и работа в областной прокуратуре специальных кружков. Так, по результатам проверки состояния технической учебы по аппарату прокуратуры области заместителем областного прокурора 31 марта 1937 года был издан приказ № 104 об организации для технических канцелярских работников областной прокуратуры двух кружков.

17 декабря 1937 года в целях повышения квалификации было введено обязательное обучение без отрыва от производства всех ответственных работников аппарата областной прокуратуры и районных прокуратур города Свердловска. К числу данной категории работников были отнесены: заместители, старшие помощники, помощники областного прокурора, старшие следователи, районные прокуроры, их помощники и народные следователи районных прокуратур. Обучение осуществлялось на базе Института права и включало в себя курс лекций по циклам в соответствии с программой, специально разработанной научными работниками Института права. Лекции проходили в утренние часы (с 08:30 до 10 часов) два раза в неделю и включали в себя по 2 академических часа. Их посещение для работников было обязательным. Опоздание и прогул рассматривались как нарушение трудовой дисциплины. А, с 15 ноября 1937 года в целях срочной подготовки прокурорско-следственных кадров из числа мобилизованных партийной организацией в распоряжение прокуратуры Свердловской

Никитина А. С.

области граждан были организованы по специально разработанной программе кратковременные курсы (их продолжительность составляла 2 недели или 1 месяц) [4, с. 15].

Интересны требования по прохождению студентами Свердловского юридического института (СЮИ) производственной практики в органах прокуратуры. Так, в соответствии с Инструкцией о производственной практике студентов 4 курса цивилистической специальности СЮИ, направленных на практику в прокуратуру Свердловской области с 01.04.1937 г. по 29.04.1937 г. целями производственной практики были определены: ознакомление и углубление теоретических знаний по специальным юридическим дисциплинам; теснейшая увязка теории с практикой посредством проработки материалов новейшей судебной практики, в том числе путем составления обзора дел, изученных практикантом; подробное ознакомление с новой системой построения органов прокуратуры. Уяснение роли и задач прокуратуры в осуществлении общего и судебного надзора, а также участия в работе судебных органов; ознакомление с порядком работы следственных органов. В задачи студента входило ознакомление в ходе практики со следующими категориями дел: в порядке вынесения протеста – жилищные (не менее 30 дел), алиментные (не менее 20 дел), трудовые (не менее 20 дел), транспортные (не менее 10 дел). Помимо этого студент-практикант должен был составить обзор по трем из указанных категорий дел, рассмотренных и изученных в порядке надзора. Примечательно предписание Инструкции, что за время практики желательно было выступление практиканта не менее 2-х раз в качестве государственного обвинителя, а также его присутствие на оперативных совещаниях работников прокуратуры. Три последних дня практики отводились практиканту на составление отчета, который включал в себя сведения о продолжительности практики, содержании и последовательности работы, характеристике дел и т.д. [6, с. 25].

Система обучения эволюционировала, и 25 марта 1938 года при курсах по подготовке советских работников была организована специальная группа для подготовки прокурорских работников. Группа включала в себя 25 человек и занималась по специально утвержденной областным прокурором программе, рассчитанной на 4 месяца. В числе учебных дисциплин предусматривались: основы уголовного права (91 ч.), уголовный процесс (80 ч.), основы гражданского права (70 ч.), гражданский процесс (50 ч.), трудовое право (30 ч.), криминалистика (40 ч.), общий надзор (50 ч.) [12, с. 12].

В 30–40 годы кадровая политика была нацелена не только на обучение и развитие персонала, но и формирование основ трудовой и исполнительской дисциплины.

Так, с 16 августа 1940 года по областному аппарату прокуратуры была вменена обязанность всем помощникам областного прокурора и техническому персоналу при уходе с места работы в город по поручениям прокурора области или его заместителей, начальников отделов делать об этом запись в журнале регистрации, который находился в секретариате. При записи надлежало указывать: с чьего разрешения допущена отлучка с места работы, куда, время ухода и возвращения на работу. Отлучки по личным делам, как правило, не разрешались. Начальники отделов и помощники областного прокурора были вправе отлучаться только с разрешения прокурора области, технические работники с разрешения начальников отделов [6, с. 11].

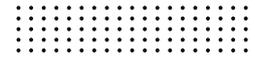
Вопросам гигиены и режима труда также уделялось большое значение. Приказом от 25 апреля 1939 года №95 прокурор Свердловской области, оставляя регулирование очередных отпусков районных прокуроров [4, с. 14]. за собой, закрепил право последних решать вопросы о предоставлении очередных отпусков помощникам районных прокуроров, народным следователям, техническому персоналу с последующим уведомлением отдела кадров прокуратуры области.

Продолжительность отпусков составляла: для прокурора, помощника районного прокурора, народного следователя – 24 рабочих дня; для машинистки с нормированным рабочим днем – 18 рабочих дней; для шофера, сторожа, рассыльного, уборщицы, помощника секретаря, счетовода – 12 рабочих дней; для секретаря районной прокуратуры, конюха – от 12 рабочих дней. [7, с. 25].

В июне 1940 года в очередной раз претерпели изменения правила внутреннего распорядка областной прокуратуры. Продолжительность рабочего дня составила 8 часов: с 9 часов утра до 17 часов вечера, с перерывом на полчаса с 1 часа до 1 часа 30 минут. Для сотрудников, достигших 16-летнего возраста, продолжительность рабочего дня также была установлена 8 часов. Днем отдыха являлось воскресенье. Для помощников областного прокурора предусматривались дежурства по выходным дням: с 20 часов накануне выходного дня до 10 часов утра выходного дня; с 10 часов утра до 15 часов (в выходные дни) дежурили районные прокуроры города Свердловска; с 20 часов в выходной день до 08 часов следующего дня – помощники областного прокурора. Дежурившему в выходной день предоставлялся отдых до 13 часов следующего (за днем дежурства) дня.

2 этап (военное и послевоенное время)

Тяжелое военное время полностью изменили цели и задачи кадровой политики Свердловской прокуратуры. Основные задачи, стоящие перед кадровыми

Никитина А. С.

службами – переобучение кадров в виду военного положение, сокращение штата, а после войны – восстановление кадрового состава.

Кадровая численность и ротация кадров. В 1944 году решением штатной комиссии при СНК Союза ССР для прокуратуры Свердловской области была увеличена штатная численность прокуроров следственного отдела на 3 единицы, а народных следователей сначала на 32, а затем еще на шесть единиц.

В то же время 2 февраля 1951 года в аппарате областной прокуратуры были сокращены должности помощника прокурора области по спецделам и прокурора отдела по надзору за местами заключения. [8, с. 53].

Функционирование прокуратуры Свердловской области в 1954 году сопровождалось неоднократными сокращениями штата.

Сохранялись отдельные случаи, когда из органов прокуратуры увольнялись или понижались в должности работники по дискредитирующим их основаниям (распитие спиртных напитков в помещениях прокуратуры, появление на улицах и в иных общественных местах в нетрезвом состоянии, аморальное поведение). Но, несмотря на это, большинство работников прокуратуры характеризовались с положительной стороны. Многие из них успешно сочетали свою профессиональную деятельность с учебой. По итогам года прокурором области отмечались лучшие прокуроры и следователи.

В 1960 году в прокуратуре Свердловской области состоялось увеличение штата. В аппарате на 3 должности: прокурор отдела общего надзора, прокурор следственного отдела, старший следователь. В прокуратурах города Н. Тагила, Железнодорожного и Октябрьского районов города Свердловска по одной должности помощника прокурора [4, с. 31].

Обучение и оценка кадров. В первую очередь, первоочередной задачей являлось обучение и оценка кадров, была организована учеба по противовоздушной и противохимической обороне. В период 1942–1943 года на базе Свердловского юридического института и прокуратуры Свердловской области регулярно организовывались межобластные трехмесячные юридические курсы. Посещение занятий было обязательным. Контроль за этим осуществлял начальник отдела кадров, который сам входил в число слушателей кружка.

1945 год в деятельности прокуратуры Свердловской области отличителен большим вниманием к профессиональной подготовке прокурорских работников и ее совершенствованию, частыми кадровыми перестановками и множеством увольнений работников по дискредитирующим их обстоятельствам (выход на работу в нетрезвом состоянии, участие в драках и др.). [9, с. 11].

В областной прокуратуре были организованы обязательные занятия с оперативным составом работников, направленные на повышение их квалификации. Занятия проводились по специальной программе, разработанной отделом подготовки кадров Прокуратуры СССР, по каждому отделу отдельно с 20 до 22-х часов один раз в неделю (по понедельникам). Проведение занятий возлагалось на заместителей прокурора области и соответствующих начальников отделов, которые систематически проверяли успеваемость слушателей, вели журналы их успеваемости с указанием по пятибалльной системе оценок.

Отдельное внимание уделялось знаниям и практическим навыкам работников прокуратуры (как и населения) по защите от атомного, химического и бактериологического оружия.

Однако, несмотря на активную политику в области обучения кадров, общий уровень образования работников прокуратуры, не говоря об их профессиональной подготовке, оставался достаточно низким. Согласно спискам прокурорско-следственных работников прокуратуры Свердловской области за 1951 год [10, с. 113]:

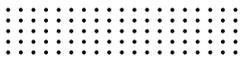
- не имели общего среднего образования и нигде не обучались: аппарат – 1 человек, горрайпрокуроры – 4 человека, помощники прокурора – 9 человек, народные следователи – 9 человек;
- имели незаконченное среднее и низкое образование, и нигде не обучались: всего 23 работника;
- имели общее среднее образование и нигде не обучались: аппарат – 2 человека, горрайпрокуроры – 2 человека, помощники прокурора – 5 человек, народные следователи – 10 человек.

Материальное стимулирование работников Свердловской таможни было достойным. Так, в июне 1941 года оклад прокурора составлял 900 руб., помощника прокурора – 700 руб., следователя – 665 руб., секретаря – 200 руб., сторожа-курьера – 80 руб.

В 60-х годах оклады значительно увеличились: прокурор отдела общего надзора, прокурор следственного отдела, старший следователь были с окладом у каждого в размере 1200 рублей. В прокуратурах города Н. Тагила, Железнодорожного и Октябрьского районов города Свердловска по одной должности помощника прокурора был с окладом 1150 рублей. Должности следователей и старших следователей оклад в зависимости от прокуратуры составлял от 1000 до 1150 руб. [4, с. 74].

Однако в 63-м году оклад значительно сократился. В организованной прокуратуре Артинского района в 1963 году прокурор имел оклад в размере 130 руб., помощник прокурора – 110 руб., следователь – 110 руб., секретарь – 37,50 руб., курьер-уборщица – 30 руб.

В 1968 и далее наблюдалось незначительное повышение должностных окладов: в феврале 1966 года

Никитина А. С.

в недавно образованной прокуратуре Таборинского района прокурор имел оклад в размере 135 руб., следователь – 105 руб., секретарь – 50 руб., уборщица – 42 руб.

В 1969 году в прокуратуре г. Качканар оклад прокурора составлял 140 рублей, помощника прокурора – 105 рублей, старшего следователя – 105 руб., секретаря-машинистки – 65 руб., уборщицы – 60 руб..

Трудовая дисциплина. В целях улучшения состояния трудовой дисциплины в январе 1949 года в аппарате областной прокуратуры был заведен журнал учета явки на работу и ухода с работы. В данном журнале были обязаны расписываться все оперативные работники (за исключением начальников отделов) при их явке на работу и уходе с работы с указанием конкретного времени. Помимо этого в каждом отделе были заведены журналы уходов с целью фиксации времени ухода и времени возвращения, а также учреждения или организации, куда направлялся работник в рабочее время по служебным поручениям. В случае неявки работника на работу по болезни или иной уважительной причине он обязан был в тот же день поставить об этом в известность старшего референта. [6, с. 18].

В декабре 1967 года в очередной раз претерпел изменения внутренний распорядок работы прокуратуры в связи с переходом на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями (суббота и воскресенье), рабочим временем с 09:00 до 18:00 часов, с 48 минутным перерывом на обед с 13:00 до 13:48 часов [12, с. 6].

3 этап – 60–80 гг.

В октябре 1976 года в штате прокуратуры Свердловской области были дополнительно установлены 5 должностей заместителя горрайпрокурора, 17 должностей помощника горрайпрокурора, 33 должности старшим следователей и следователей, 5 должностей секретаря-машинистки. В соответствии с приказом прокурора РСФСР от 16 августа 1976 года № 849 в аппарате прокуратуры области организовано следственное управление со штатом в количестве 34 единиц (функционировавший ранее следственный отдел был упразднен).

В целях повышения идейно-политического уровня и деловой квалификации прокуроров и следователей в органах прокуратуры Свердловской области в период 1971–1972 учебный год были организованы объединенные постоянно действующие семинары в городах Свердловске, Артемовске, Асбесте, Ивделе, Ирбите, Каменске-Уральском, Камышлове, Красноуфимске, Кушве, Нижнем Тагиле, Нижней Туре, Первоуральске, Серове, Тавде, Туринске [5, с. 11].

Подготовку здесь проходили не только работники прокуратур указанных городов, но и работники прокуратур

иных близлежащих населенных пунктов и специализированных прокуратур. Например, постоянно действующий семинар в городе Первоуральске был организован для повышения квалификации прокуроров и следователей прокуратур городов Первоуральска и Ревды, Нижнесергинского и Шалинского районов; прокуроры и следователи Тавдинской городской прокуратуры и прокуратуры района повышали свою квалификацию на семинаре в городе Тавде; и т.д.

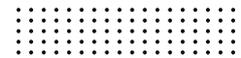
Семинарские занятия в прокуратурах города Алапаевска и Верхотурского района проводились самостоятельно под руководством прокуроров. Занятия проходили один раз в месяц согласно квартальным планам, которые высылались в отдел кадров областной прокуратуры к 10 числу первого месяца каждого квартала. По аналогичной схеме постоянно действующие семинары организовывались и в последующие годы. [10, с. 64].

Оклады оперативных работников к концу 70-х составляли: у прокурора – 220 рублей, у заместителя прокурора – 190 рублей, у старшего помощника прокурора – 160 рублей, у помощника прокурора – 147 рублей 50 копеек, у следователя – 180 рублей.

Таким образом, проведенный анализ кадровой политики Свердловской прокуратуры позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, необходимо отметить эволюционность и постепенность проводимых изменений в структуре и численности персонала. Также необходимо отметить влияние внешне-политических факторов на становление и развитие института прокуратуры.

Исследование кадровой политики и кадрового потенциала сотрудников прокуратуры Свердловской области в советское время позволило выявить численность, динамику и движение кадров на разных этапах развития Свердловской прокуратуры, познакомиться с системой оценки, обучения, подготовки и переподготовки кадров, проанализировать материальные и нематериальные стимулы к труду, изучить условия и гигиену труда, познакомиться с элементами трудовой и исполнительской дисциплины.

Анализ истории кадровой политики важен с точки зрения заимствования успешного исторического опыта для совершенствования работы с кадрами в органах прокуратуры Российской Федерации, либо ее субъектов в настоящее время. В частности, весьма успешна, на наш взгляд, практика в работе с кадрами по вопросам обучения, повышения квалификации, и переподготовки персонала, вопросам внутренней дисциплины и корпоративной культуры. Особенно стоит отметить успешность проводимого обязательного обучения без отрыва от производства всех ответственных работников аппарата областной прокуратуры и районных прокуратур города Свердловска.

Никитина А. С.

Литература:

References:

1. Беляев В. П., Борисов Г. А., Грячкова Ю. М., Теплов В. И. Прокурорский надзор в России: историко-теоретический очерк. Белгород, 2001.
  2. Горшенин К. П. Советская прокуратура. М.: Юр. изд-во Министерства Юстиции СССР, 1947. С. 43.
  3. Архив прокуратуры Свердловской области.
  4. Шобухин В. Ю. История прокуратуры Свердловской области (1934–2009 гг.): монография. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2010. 86 с.
  5. Еженедельник советской юстиции: Орган НКЮ РСФСР, 1922. № 5; 1923.
  6. Крыленко Н. В. Доклад о прокуратуре // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. С. 11–12.
  7. Шеуджен Н. А., Яблонский И. В. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы // Общество и право. 2016. № 3 (57).
  8. Кожевников М. В. Органы, выполнявшие функции советской прокуратуры до ее учреждения // Ученые записки МГУ. М. 1949. № 144. С. 37–84.
  9. Панкратов А. С. Кадры советской прокуратуры // На страже советских законов / под ред. Р. А. Руденко. М., 1972.
  10. История Урала: XX в. / Под ред. Б. В. Личмана и В. Д. Камынина. Екатеринбург, 1996.
  11. Положение о прокуратуре Союза ССР: 1933. 8 декабря. ЦИК СССР // СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 26 и 213.
  12. Угроватов А. П., Юров Г. Ф. Реализация прокуратурой Сибирского края компетенции по укреплению законности в период индустриализации // Компетенция прокуратуры СССР: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1985.
1. Belyaev V. P., Borisov G. A., Gryachkovskaya Yu. M., Teplov V. I. Prosecutor's supervision in Russia: a historical and theoretical essay. Belgorod, 2001.
  2. Gorshenin K. P. The Soviet Prosecutor's Office. M.: Yur. Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1947. P. 43.
  3. Archive of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region.
  4. Shobukhin V. Yu. History of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region (1934–2009): monograph. Yekaterinburg: UMC UPI, 2010. 86 p.
  5. Weekly of Soviet Justice: Body of the NKJ of the RSFSR, 1922. № 5; 1923.
  6. Krylenko N. V. Report on the Prosecutor's Office // Weekly of the Soviet Justice. 1922. № 5. P. 11–12.
  7. Sheugen N. A., Yablonsky I. V. Organizational and legal basis for the activities of the Soviet prosecutor's office in the fight against crime in the post-war years // Society and Law. 2016. № 3 (57).
  8. Kozhevnikov M. V. The bodies that performed the functions of the Soviet prosecutor's office before its establishment // Uchenye zapiski MSU. M. 1949. № 144. P. 37–84.
  9. Pankratov A. S. Personnel of the Soviet prosecutor's office // On guard of Soviet laws / ed. R. A. Rudenko. M., 1972.
  10. History of the Urals: XX century / Under ed. B. V. Lichman and V. D. Kamynin. Yekaterinburg, 1996.
  11. Regulations on the Prosecutor's Office of the USSR: 1933. December 8. Central Executive Committee of the USSR // CL USSR. 1934. № 1. Art. 26 and 213.
  12. Ugrovatov A. P., Yurov G. F. Implementation of the competence of the prosecutor's office of the Siberian region to strengthen law in the period of industrialization // Competence of the Prosecutor's Office of the USSR: inter-university. Sat. sci. tr. Sverdlovsk, 1985.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ

Аслаева С. Ш.

кандидат экономических наук, научный сотрудник, сектор экономики и управления развитием территории, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Россия), 450054, Россия, Уфа, Проспект Октября, д. 71, salima2006a@mail.ru

Гатауллин Р. Ф.

доктор экономических наук, заведующий сектором экономики и управления развитием территории, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Россия), 450054, Россия, Уфа, Проспект Октября, д. 71, salima2006a@mail.ru

Каримов А. Г.

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, сектор экономики и управления развитием территории, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Россия), 450054, Россия, Уфа, Проспект Октября, д. 71, karaigal@gmail.com

Гайсина А. Ш.

кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры математики, Уфимский государственный нефтяной технический университет (Россия), 414004., Россия, Уфа. ул. Космонавтов, д. 1, aminagai@mail.ru

УДК 332.12(470.57)
ББК 65.049(2Рос.Баш)

Цель. Исследовать гетерогенность экономического пространства Республики Башкортостан для улучшения качества и эффективности управленческих решений.

Методы. Системного подхода, экономико-математические и статистические методы.

Объект. Объектом исследования является экономическое пространство Республики Башкортостан.

Предмет. Совокупность организационно-экономических отношений, возникающих в процессе управления.

Результаты. Произведена оценка гетерогенности экономического пространства Республики Башкортостан такими важнейшими экономическими показателями, как валовая продукция и прибыль (убыток) на 1 занятого в экономике. Определено влияние фондовооруженности, фондоотдачи, численности занятых, инвестиций на них в пространстве и в динамике. Построены уравнения линейной множественной регрессии и производственные функции по типологическим группам, сформированных с учетом структурно-динамических типов воспроизводственных механизмов. Построен картографический профиль республики по ним.

Научная новизна. Исследована гетерогенность экономического пространства Республики Башкортостан для улучшения качества и эффективности управленческих решений

Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

Финансирование. Работа выполнена в рамках гранта: «Урал: история, экономика, культура 2017 – Республика Башкортостан». Номер: 17-12-02010. Название: Нивелирование гетерогенности экономического пространства как фактор обеспечения национальной безопасности

Ключевые слова: президент, полномочия, парламент, правительство, судебная система, институты власти.

OVERCOMING THE HETEROGENEITY OF THE ECONOMIC SPACE AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF MANAGEMENT OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Aslaeva S. Sh.

candidate of Economics, Researcher, Sector of Economics and Territorial Development Management, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia), 450054, Russia, Ufa, Oktyabrya prospect, 71, salima2006a@mail.ru

Gataullin R. F.

doctor of Economics, Researcher, Sector of Economics and Territorial Development Management, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia), 450054, Russia, Ufa, Oktyabrya prospect, 71, salima2006a@mail.ru

Karimova A. G.

candidate of Sociology, Senior Researcher, Sector of Economics and Territorial Development Management, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia), 450054, Russia, Ufa, Oktyabrya prospect, 71, karaigal@gmail.com

Gaysina A. Sh.

candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Teacher of the Department of Mathematics, Ufa State Petroleum Technical University (Russia), 414004, Russia, Ufa, Cosmonauts str., 1, aminagai@mail.ru

Purpose. The analysis of the heterogeneity of the economic space of the Republic of Bashkortostan is carried out in order to improve the efficiency of management.

Methods. System method, economic-mathematical and statistical methods.

The object. Economic space of the Republic of Bashkortostan.

The subject. Subject. System of organizational-economic relations, in the process of management.

Results. The heterogeneity of the economic space of the Republic of Bashkortostan is estimated as such important economic indicators as gross production and profit (loss) per 1 employed in the economy. The influence of the fund-raising ratio, the return on assets, the number of employees, investments on them in the statics and in the dynamics is determined. Equations of linear multiple regression and production functions based on typological groups that were constructed according to the reproductive mechanism are constructed. A map of the republic has been constructed on them.

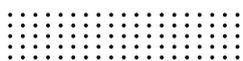
Scientific novelty. The heterogeneity of the economic space of the Republic of Bashkortostan is investigated to improve the efficiency of management.

Financing. The work was carried out within the framework of the grant: “Ural: history, economy, culture 2017 – Republic of Bashkortostan” № 17-12-02010. Title: Leveling the heterogeneity of the economic space as a factor in ensuring national security.

Key words: economic space, imbalance, structural and dynamic types, the regression equation.

Об экономике можно говорить, как о системе, состоящей из трех ипостасей: наука, хозяйственная система и управленческая деятельность, при этом,

положение дел каждой из этих сфер вызывает некоторую тревогу [1, с. 41]. В контексте заявленной темы исследования научный интерес представляет рас-

Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

смотрение экономики с позиции системы управления. Эффективность системы управления заключается в создании условий для устойчивого экономического развития. Научное обоснование стратегии устойчивого развития требует четкого определения соответствующих критериев, отражающих изменяющиеся внутренние и внешние условия. Актуальность стратегического управления в современных условиях обусловлено множественностью задач устойчивого развития, их усложнением в связи с процессами глобализации, обострением проблемы продовольственного обеспечения в мире, возрастанием роли высшего звена управления в иерархии управленческой структуры, необходимостью согласования макро-, микро- и региональных стратегий и возрастающих рисков в принятии управленческих решений [2, с. 14–16]. Государство принимает активное участие в управлении экономикой, ни одно из направлений экономической теории не отрицает влияние на экономику государством посредством управления. Многие из них настаивают на балансе между рыночными механизмами и государственным управлением и придерживаются мнения, что современные механизмы рынка не возможны без вмешательства государства. Управлять экономикой необходимо [3, с. 6].

В условиях переходной экономики, резко повысился уровень гетерогенности или неоднородности в развитии территорий [4, с. 73]. Уровень неоднородности в развитии территорий может оцениваться в различных критериях: экономическом, социальном, демографическом и экологическом. В рамках тематики нашего исследования исследовательское внимание акцентировано на вопросах экономического развития. Дефрагментированность развития экономического пространства Российской Федерации, определяется неравномерной структурой экономики, а также доминирующей ролью рыночной конъюнктуры при неэффективном государственном управлении. Существующие программы нивелирования: особые зоны, территории опережающего развития, территориальные программы социально-экономического развития и т.д. сводятся к предоставлению финансовых льгот. Но если не выяснить причины существующего положения, не произвести его оценку и не предложить стратегию социально-экономического развития, то это приведет к неэффективному управлению. Дефицит инвестиционных ресурсов в рамках государственных органов, особенно на региональном уровне требует полного учета характера неоднородности или гетерогенности в развитии территорий.

Данный этап развития России характеризуется гетерогенностью. Перевод с греческого – разнородность, инородность, одним из значений этого слова является противопоставление или разрыв. Этот тер-

мин не является новым для физической и химической системы, характеризует разнородность состава. В социально-экономических системах речь идет о качественно разных способах организации экономической и социальной жизни. Гетерогенность экономики явно прослеживается в ресурсной и инновационной сфере, в социально-экономических системах мы говорим о качественно разнородных способах организации экономической и социальной жизни [5].

Республика Башкортостан является гетерогенным регионом [6, с. 163]. Первоначально оценим гетерогенность экономического пространства РБ в разрезе муниципальных образований (МО) с помощью факторного анализа, определим влияние фондоотдачи и фондовооруженности на валовый продукт (ВП), которые характеризуют экономическую эффективность использования средств и материальных условий процесса труда, по формуле:

прирост ВП за счет изменения фондоотдачи

$$\Delta ВП_{\Phi O} = (\Phi O_1 - \Phi O_0) \cdot ЧЗ_1 \cdot \Phi B_0, \quad (1)$$

прирост ВП за счет изменения фондовооруженности

$$\Delta ВП_{\Phi B} = (\Phi B_1 - \Phi B_0) \cdot ЧЗ_1 \cdot \Phi O_1, \quad (2)$$

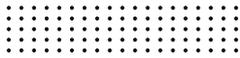
где ВП – валовая продукция, ΦO_1 и ΦO_0 – фондоотдача, ΦB_1 и ΦB_0 – фондовооруженность, $ЧЗ_1$ и $ЧЗ_0$ – численность занятого населения в экономике соответственно за текущий и базисный период.

Расчет, произведенный по данным с 2005 г., выявил рост ВП в РБ, демонстрирует большое влияние данных факторов на валовую продукцию в МО РБ. Некоторые МО в течение этого времени занимают предельные значения по приросту валовой продукции. Максимальный прирост ВП за счет фондоотдачи среди МО РБ наблюдался в г. Стерлитамак и в г. Уфе. Из года в год в РБ наибольший максимальный прирост ВП за счет фондовооруженности происходил в г. Уфе, а в г. Агидель наблюдался наибольший отрицательный прирост за счет фондовооруженности.

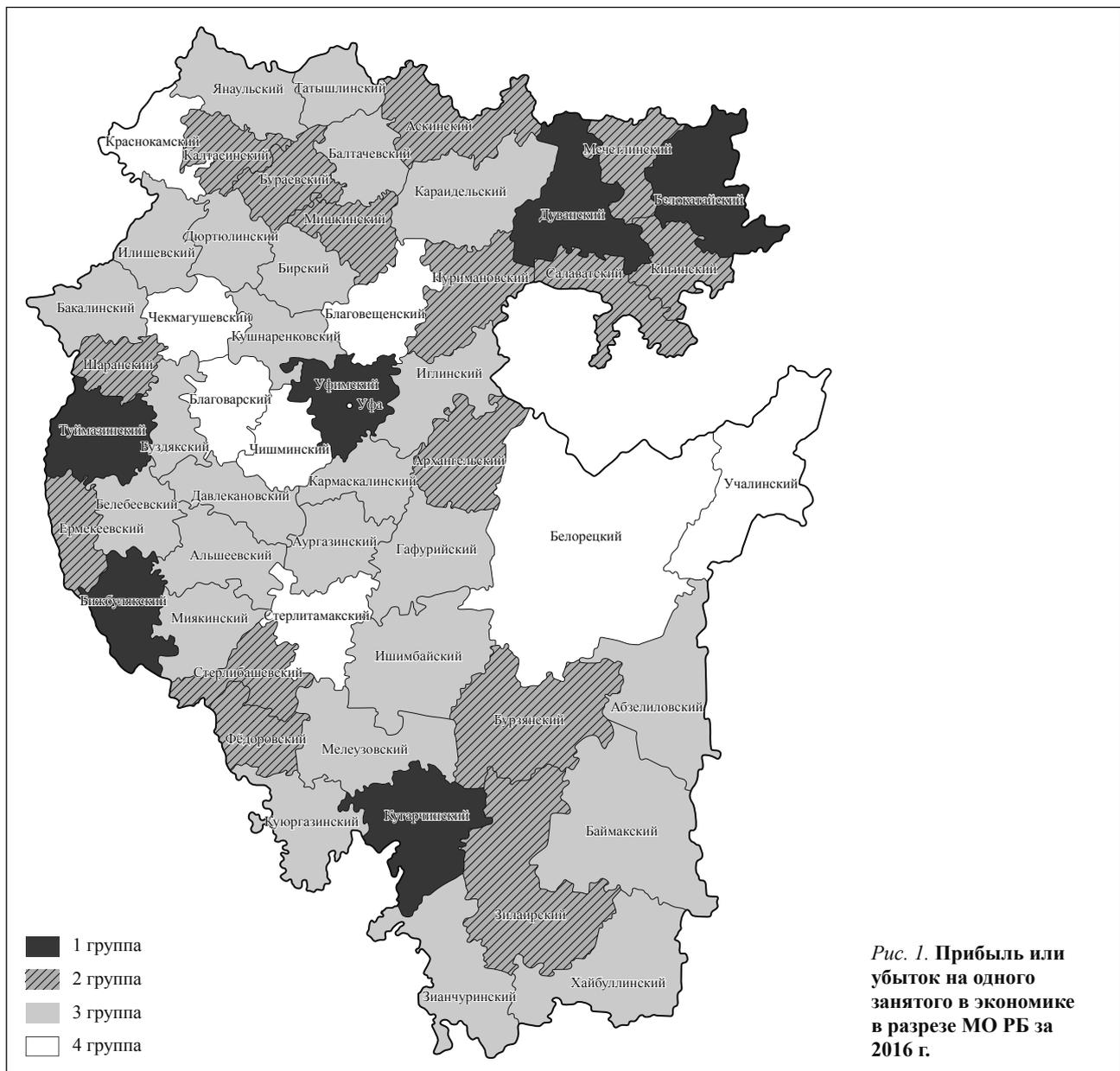
Рассмотрим прирост ВП за счет изменения численности занятых в экономике:

$$\Delta ВП_{ЧЗ} = (ЧЗ_1 - ЧЗ_0) \cdot \Phi O_0 \cdot \Phi B_0, \quad (3)$$

происходит сокращение численности занятого населения в РБ, максимальный прирост ВП за счет данного фактора с 2012 г. происходит в г. Октябрьском, в г. Уфе периодически наблюдаются наибольшие минимальные приросты. Наибольший максимальный прирост валовой продукции за счет численности занятых наблюдался в 2007–2008 гг. в г. Нефтекамске, наименьший

Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

минимальный прирост в 2008–2009 гг. в этом же городском округе.

На гетерогенность экономического пространства РБ наибольшее влияние оказывают показатели фондоотдачи и фондовооруженности посредством влияния на основной экономический показатель валовую продукцию.

Так же гетерогенность экономического пространства характеризуется прибылью или убытком экономики, это важнейший показатель эффективности развития экономического пространства. Наибольший удельный вес в структуре экономического пространства республики имеют города. Например,

в 2016 г. отгружено товаров и услуг в г. Уфе было 54% от общего по республике, в г. Салават – 12%, в г. Стерлитамак – 7%, в двадцати МО удельный вес отгруженных товаров и услуг меньше 0,1%. Для оценки эффективности развития МО, рассмотрим данный показатель на одного занятого в экономике. В группу 1 вошли МО, закончившие 2016 г. убытком, во 2 группу вошли МО, не имеющие ни прибыли, ни убыток, в 3 группу вошли МО, прибыль у которых ниже среднего значения по республике на одного занятого в экономике в 2016 г., в 4 группу МО, прибыль которых выше среднего значения. На рис.1 представлен картографический профиль Республики Башкортостан по прибыли или убытку на

Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

1 занятого в экономике в 2016 г. Характер распределения МО в динамике относительно устойчив.

Рассматривая данный показатель в динамике, видим, что состав групп МО остается практически неизменной в динамике, только г. Салават до 2015 г. имел прибыль и находился в 4 группе с наилучшими результативными показателями.

Исследуем структуру экономического пространства РБ с учетом структурно-динамических типов воспроизводственных механизмов. Выделим три типологические группы, учитывающие типы поселений: состоящую из городских округов, с городским и сельскими поселениями и только с сельскими поселениями. В каждой из сформированной группы определим типы воспроизводства и МО, имеющие резко отличающую динамику показателей эффективности развития исключаем из имеющих групп. Для этого рассчитываем уровень инвестиционной нагрузки и уровень МО по типу воспроизводства. Так, в первую группу вошли ГО с трудоемким производством, во вторую группу МО с трудоемким производством, в третью группу – с капиталоемким производством с низкой инвестиционной нагрузкой [7, с. 66].

Факторный анализ по представленным группам показывает, что МО, характеризующиеся снижением прироста ВП за счет изменения численности занятых, сосредоточены в третьей группе МО. В первой группе нет муниципальных образований с постоянным снижением ВП за счет фондоотдачи, во второй группе происходило постоянное увеличение ВП за счет фондоотдачи в Благовещенском и Давлекановском районах, в остальных районах не наблюдалось устойчивого положительного или отрицательного прироста ВП за счет фондоотдачи. В третьей группе – положительный прирост ВП за счет фондоотдачи в Балтачевском и Мишкинском районах. Города Уфа и Салават характеризуются устойчивым повышением ВП за счет фондовооруженности. Во второй группе устойчивое повышение наблюдалось в Благовещенском, Баймакском, Дюртюлинском, Мелеузовском и Янаульском районах, в остальных же районах наблюдается то повышение, то понижение ВП за счет фондовооруженности. В третьей группе в основном наблюдаются положительные изменения ВП.

Таким образом, получив обобщенную характеристику динамики основных показателей эффективности экономического развития в муниципальных образованиях РБ, принятых в существующей статистической методологии, обратимся к исследованию гетерогенности экономического пространства с помощью универсальных воспроизводственных механизмов.

Уравнения регрессии выступают, как конвертеры, аппроксимирующие статистическую связь между его входами и выходами [8, с. 11]. Составим простран-

ственную модель зависимости ВП от основных фондов и инвестиций. Фактор численность занятого населения в экономике исключили, так как индексный метод показал, что данный показатель не имеет большого влияния на гетерогенность экономического пространства. Полученные линейные модели множественной регрессии статистически значимы, пригодны для прогнозирования. В 2016 г. уравнения множественной регрессии выглядят так:

для группы 1 с городскими поселениями

$$Y = 19449162 + 3,42X_1 + 0,30X_2, \\ R^2 = 0,96;$$

для группы 2 с городским и сельскими поселениями

$$Y = -893401 + 1,81X_1 + 0,91X_2, \\ R^2 = 0,82;$$

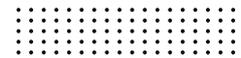
для группы 3 с сельскими поселениями

$$Y = 713450 - 0,28X_1 + 0,47X_2, \\ R^2 = 0,88,$$

где Y – валовая продукция, X_1 – инвестиции в основной капитал, X_2 – основные фонды, тыс.руб.

Связь между валовой продукцией, инвестициями и основными фондами во всех группах весьма высокая, тесная. Коэффициент детерминации показывает, что в 2016 г. во всех трех типологических группах более чем на 80% валовая продукция обусловлена представленными выше показателями. Для всех трех групп характерно уменьшение численности занятых в экономике, увеличение стоимости ОФ и при этом ВП увеличивается. В первой группе при увеличении инвестиций в экономику на 3,42 тыс.руб. или увеличении средней стоимости ОФ на 0,3 тыс.руб. ВП увеличится на 1 тыс.руб., увеличивая таким образом поляризацию экономического пространства РБ. Во второй группе при увеличении инвестиций на 1,81 тыс.руб. или ОФ на 0,91 тыс.руб. ВП увеличится на 1 тыс.руб., в третьей группе несмотря на уменьшение инвестиций на 0,28 тыс.руб. ВП увеличится на 1 тыс.руб., произойдет нивелирование поляризации экономического пространства РБ.

Исследуем в динамике гетерогенность экономического пространства РБ, так как на ВП большое влияние оказывают такие показатели как ОФ и инвестиции, для этого рассмотрим зависимость темпов роста ВП от темпов роста инвестиций в экономике и основных фондов. Построим линейные уравнения регрессии. Для групп с городским населением уравнения получаются статистически не значимы, для третьей группы,

Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

в которой находятся МО только с сельским поселением уравнение статистически значимо, пригодно для принятия некоторых решений, при этом связь между показателями заметная. Так по исходным данным за 2011–2015 гг. уравнение линейной множественной регрессии выглядит следующим образом:

$$Y(t) = 65,02 + 0,48X_1 - 0,05X_2. \quad (4)$$

При увеличении темпов роста инвестиций в основной капитал на 0,48 тыс.руб., валовая продукция увеличится на 1 тыс.руб. Только на 26% темп роста валовой продукции объясняется темпом роста инвестиций в основной капитал и темпом роста основных фондов.

Далее исследуем зависимость между темпами роста валовой продукции в расчете на одного занятого и темпами роста инвестиционной отдачи. Для группы МО только с городским поселением линейная зависимость выглядит следующим образом:

$$Y = 0,90X + 24,78, \quad (5)$$

Темп роста ВП на 1 занятого в экономике объясняется 70% темпами роста инвестиционной отдачи.

Для группы с городским и сельскими поселениями:

$$Y = 0,35X + 85,40, \quad (6)$$

темп роста ВП на 1 занятого в экономике объясняется 60% темпами роста инвестиционной отдачи.

Для группы МО только с сельским поселением темп роста ВП на 1 занятого в экономике на 51% объясняется темпом роста инвестиционной отдачи и лучше всего описывается нелинейной зависимостью:

$$Y = 0,003X^2 - 0,47X + 132,4. \quad (7)$$

В этой группе нелинейная модель более статистически надежна. Это означает, что при равномерном возрастании темпов роста инвестиционной отдачи валовая продукция на 1 занятого в экономике возрастает ускоренно.

Как видно, инвестиции в основной капитал дают большую отдачу в городских округах, которые имеют большую потенциальную возможность стать центрами экономического роста.

Производственные функции являются необходимым элементом построения многосекторных моделей, также данный инструмент возможно концептуально рассматривать и как средство многофакторной оптимизации, в рамках которой возможным становится получение оценок эффективности осуществляемых затрат в экономической системе [9, с. 130]. Производственные функции являются основным инструментом ана-

лиза и планирования технико-экономических процессов в объектах, относящихся к различным уровням иерархии общественного производства. В общем виде степенная производственная функция выражает зависимость выпуска продукта от затрат ресурсов в различные моменты времени [10, С. 1]:

$$Y(t) = a_0 [x_1(t)]^{a_1} [x_2(t)]^{a_2} [x_n(t)]^{a_n}. \quad (8)$$

Построим функции Кобба-Дугласа по группам МО Республики Башкортостан за 2016 г.:

1 группа МО, состоящая из ГО с трудоемким производством:

$$Y = 17,57 \cdot X_1^{0,60} \cdot X_2^{0,54}, \quad (9)$$

где Y – валовая продукция, x_1 – основные фонды, x_2 – инвестиции, с увеличением стоимости основных фондов на 1% ВП увеличится на 0,6%, с увеличением инвестиций на 1% стоимость ВП увеличится на 0,54%.

2 группа МО, состоящая из МО с городским и сельскими поселениями, характеризующими трудоемким производством:

$$Y = 0,15 \cdot X_1^{0,76} \cdot X_2^{0,4}, \quad (10)$$

с увеличением стоимости основных фондов на 1% ВП увеличится на 0,76%, с увеличением инвестиций на 1% стоимость ВП увеличится на 0,4%.

3 группа МО, МО с сельскими поселениями, характеризующие капиталоемким производством с низкой инвестиционной нагрузкой:

$$Y = 1,38 \cdot X_1^{0,75} \cdot X_2^{0,20},$$

с увеличением стоимости основных фондов на 1% ВП увеличится на 0,75%, с увеличением инвестиций на 1% стоимость ВП увеличится на 0,2%.

Получившиеся модели адекватны, демонстрируют высокую связь между рассматриваемыми показателями. В первой и второй группе, в которых имеются городские поселения, функция Кобба-Дугласа показывает возрастающую отдачу, в группе, состоящую только из поселений сельского типа, убывающую [11, с. 21].

Рассмотрим зависимость валовой продукции от численности занятых в экономике и инвестиции в 2016 г.

1 группа МО, состоящая из ГО с трудоемким производством:

$$Y = 13,07 \cdot X_1^{0,22} \cdot X_2^{0,71}, \quad (11)$$

где Y – валовая продукция, x_1 – численность занятых в экономике, x_2 – инвестиции. С увеличением числен-

Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

ности занятых в экономике на 1% от своего среднего значения ВП увеличится на 0,22%.

2 группа МО, состоящая из МО с городским и сельскими поселениями, характеризующиеся трудоемким производством:

$$Y = 0,05 \cdot X_1^{0,56} \cdot X_2^{0,94}, \quad (12)$$

с увеличением численности занятых в экономике на 1% от своего среднего значения ВП увеличится на 0,56%.

3 группа МО, состоящая из МО с сельскими поселениями, характеризующие капиталоемким производством с низкой инвестиционной нагрузкой:

$$Y = 95,37 \cdot X_1^{0,07} \cdot X_2^{0,67}, \quad (13)$$

с увеличением численности занятых в экономике на 1% от своего среднего значения ВП увеличится на 0,07%.

Построены уравнения множественной линейной регрессии и производственные функции Кобба-Дугласа для совокупности однородных МО РБ, условием включения в группу которых являлся структурно-динамический тип его воспроизводственного механизма. Полученные эконометрические модели достаточно адекватны и в группах имеющих городские поселения, функция Кобба-Дугласа показывает возрастающую отдачу, в группе, состоящую только из поселений сельского типа, убывающую.

Исследования показали, что для более эффективного управления гетерогенным экономическим пространством Республики Башкортостан необходимо учитывать, как изменяются социально-экономические показатели эффективности деятельности МО РБ, а также позволили конкретизировать спектр тех факторов, которые определяют изменения в развитии экономики, И показали, что в инвестициях нуждаются не только перспективные МО, приносящие прибыль, но и так же бюджетные инвестиции в современных условиях должны шире использоваться для стимулирования развития сельских МО, что будет способствовать нивелированию гетерогенности экономического пространства. Таким образом, возможно, преодолеть гетерогенность экономического пространства и повысить качество управления экономическим развитием территорий.

Литература:

1. Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Журнал экономической теории. 2010. №3. С. 41–58.
2. Исянбаев М. Н. Устойчивое развитие региональных социально-экономических систем: приоритетные

направления, механизмы управления // Проблемы востоковедения 2017. №4(66). С. 12–17.

3. Пигулевская Е. А. Новые течения в экономической мысли Японии // М: Наука: Вост. лит., 1992. 166 с.
4. Резепин А. В. Экономический кризис в России: координация федеральных и региональных мер стабилизационной политики в условиях неоднородности экономического пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. №2. С. 71–75.
5. Фокин Н. И. Гетерогенность [электронный ресурс]. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/Гетерогенность> (дата обращения 14.08.2018)
6. Иванов П. А. Оценка жизненного цикла территории (на примере муниципальных образований Республики Башкортостан) // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. №3 (20). С. 160–163.
7. Аслаева С. Ш. Типологизация структуры экономического пространства Республики Башкортостан // Вопросы управления. №5(23). С. 62–68.
8. Самотаев А. А., Дорощенко Ю. А. Структурный анализ экономических систем (теория и практика) // Тюмень: ИстКонсалтинг, 2010. 300 с.
9. Аксянова А. В. Моделирование и анализ структурной динамики региональных экономических систем. Казань: КГТУ. 2010. 216 с.
10. Гафарова Е. А. Моделирование регионального развития на основе производственных функций // интернет-журнал Науковедение. 2013. №3(16). С. 10.
11. Талапкалиева А. Н., Алибеков Г. К. Производственные функции Кобба-Дугласа // сборник статей VII Международной научно-практической конференции «Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования». 2016. С. 21–23.

References:

1. Kleiner G. B. The New Theory of Economic Systems and Its Applications // Journal of Economic Theory. 2010. №3. P. 41–58.
2. Issyanbaev M. N. Sustainable development of regional socio-economic systems: priority areas, governance mechanisms // Problems of Oriental Studies 2017. №4 (66). P. 12–17.
3. Pigulevskaya E. A. New trends in the economic thought of Japan // M: Science: Eastern Literature, 1992. 166 p.
4. Rezepin A. V. The economic crisis in Russia: coordination of federal and regional measures of stabilization policy in the conditions of heterogeneity of economic space // Vestnik of South Ural State University. Series: Economics and Management. 2016. V. 10. №2. P. 71–75.
5. Fokin N. I. Heterogeneity [e-resource]. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/Heterogeneity> (date of reference 14.08.2018)

Аслаева С. Ш., Гатаулин Р. Ф., Каримов А. Г., Гайсина А. Ш.

6. Ivanov P. A. Assessment of the life cycle of the territory (on the example of municipal entities of the Republic of Bashkortostan) // Azimuth of scientific research: economics and management. 2017. № 3 (20). P. 160–163.
7. Aslaeva S. Sh. Typologization of the structure of the economic space of the Republic of Bashkortostan // Management issues. № 5 (23). P. 62–68.
8. Samotayev A. A. Doroshchenko Yu. A. Structural analysis of economic systems (theory and practice) // Tyumen: EastConsulting, 2010. 300 p.
9. Aksyanova A. B. Modeling and analysis of structural dynamics of regional economic systems. Kazan: KSTU. 2010. 216 p.
10. Gafarova E. A. Modeling of regional development on the basis of production functions // Internet Journal of Science. 2013. № 3 (16). P. 10.
11. Talapkalieva A. N., Alibekov G. K. Production functions of Cobb-Douglas // collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference “Competitive potential of the region: assessment and efficiency of use”. 2016. P. 21–23.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ
КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ
В НАУЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ШКОЛАХ:
ОТ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА
ДО ПОСТКЕЙНСИАНА**

Кинаш А. Э.

аспирант кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, alina_kinash@mail.ru

Качанова Е. А.

доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, elena.kachanova@ui.ranepa.ru

УДК [338.124.4:336.7]:330.8

ББК 65.262.1г-971

Цель. Изучение и систематизация теоретических основ и классических подходов к экономическому кризису в истории экономических учений для целей разработки современного антикризисного регулирования кредитной организацией в России.

Методы. Используются исторический подход: нарративный метод, сравнительный метод, структурный метод; метод формальной логики.

Результаты. В работе автор рассмотрел и систематизировал существующие в экономических школах взгляды на природу кризисных явлений в экономике на примере учений: классического марксизма, неоклассической экономической теории, австрийской научной школы, институционализма, кейнсианства, монетаризма и посткейнсианства. В рамках посткейнсианства выделяется центральный агент экономических отношений, которым является банковская система. Роль Центрального банка рассматривается как поддержка усилий правительства по стабилизации экономики путем создания стабильной финансовой среды с низкими процентами для инвестиционного планирования. Выводы авторов позволяют повысить актуальность исследования и разработки реабилитационных моделей для поддержания коммерческих банков. Реабилитационный механизм должен являться совместным трудом регулятора и субъектов банковского сектора.

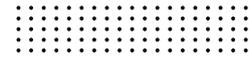
Научная новизна. Научная новизна заключается в авторских причинах кризисных явлений в банковском секторе, которые основаны на концептуализации идей научных школ. Выдвигается идея раннего выявления нестабильности кредитной организации и поддержка субъектов сектора до ситуации, когда для банка остается только два пути: отзыв лицензии или санация.

Ключевые слова: экономический кризис, банковский сектор, реабилитационная модель, банковский надзор.

**THE SYSTEMATIZATION OF CONCEPTS OF ECONOMIC CRISIS
IN SCHOOLS OF ECONOMIC THOUGHT: FROM THE MARXIAN
ECONOMICS TO THE POST-KEYNESIAN ECONOMICS**

Kinash A. E.

Postgraduate Student, Department of Economics and Management of Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, 8 March str., 66, alina_kinash@mail.ru

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

Kachanova E. A.

Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Management of Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, 8 March str., 66, elena.kachanova@ui.ranepa.ru

Purpose. Research and systematization of the theoretical foundations and classical approaches to the economic crisis in the history of economic thought for the development of modern crisis management for the set of commercial banks in Russia.

Methods. Historical approach is used: narrative method, comparative method, structural method; formal logic method.

Results. In this paper, the author considered and systematized the views existing in schools of economic thought on the nature of crisis phenomena in the economy on the example of the economic thought of the Marxian economics, the Neoclassical economics, the Austrian School, the Institutional economics, the Keynesian economics, the Monetary economics and the Post-Keynesian economics. The Post-Keynesian approach allocated such type of agent as a set of traditional banks. The role of the central bank is therefore seen as supporting government efforts to stabilise the economy by creating a stable, low-interest financial environment for investment planning. The authors' conclusions allow to increase the relevance of research and development of rehabilitation models for the set of commercial banks. The rehabilitation mechanism should be a general work of the regulator and the banking sector.

Scientific novelty. Scientific novelty lies in the author's reasons of the crisis in the banking sector, which are based on the conceptualization of the ideas that underlie by the Schools of economic thought. The idea of early detection of the instability and support of the sector to a situation where the Bank has only two ways: revocation of the license or rehabilitation.

Key words: economic crisis, banking sector, rehabilitation model, banking supervision.

Актуальность публикации определяется тем, что на сегодняшний день экономическая среда, в которой пребывает современное общество не поддается закономерностям, установленным в прошлом веке: прогнозируемость кризисных явлений в условиях радикальной неопределенности невозможна, а стабилизация экономики в рамках «новой нормальности» значительно затруднена. Для подготовки качественных рекомендаций по совершенствованию элементов системы антикризисного регулирования необходима концептуализация основных положений исследований экономических кризисов.

Происходящее в прошлом веке в теории кризиса не уделяло столько внимания коммерческим банкам, так как ранее банковская система не была настолько сложной и масштабной, домашним хозяйствам не были доступны многие финансовые инструменты. Любой дисбаланс, происходящий в банковской системе, влечет за собой дисбаланс в экономике в целом. Именно поэтому антикризисному регулированию банков, отношения между банками и Центральным Банком, а так же банками и правительством уделяется особое внимание.

Целью данной статьи является концептуализация идей научных школ в вопросах причин возникновения экономических кризисов и вероятных способов их разрешений для формирования авторских предложений антикризисных мер, применимых для банковского сектора.

В работе рассматриваются учения школ, относящиеся к временному интервалу от первого кризиса в Англии (1825 г.) до современных взглядов представителей посткейнсианства. Рассматривать более ранние труды, в частности Адама Смита, не представляется рациональным, поскольку они не основываются на изучении опыта происходящего кризисного явления в экономике. Первое отражение экономического кризиса в теории зафиксировано в «Капитале» Карла Маркса. Именно кризис 1825 г. охватил несколько отраслей промышленности и затронул экономику других стран (США, Франция). В «Капитале» определена цикличность кризиса: «Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1825 по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной и хронической депрессии» [1, с. 43]. Действительно, то, что происходило на тот момент в экономике, было объективно описано Марксом, однако, после кризиса 1866–1867 гг. длина цикла сократилась, а продолжительность кризиса увеличилась.

Причиной возникновения такого явления как кризис сторонники марксистской школы считали противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения: именно это является основным противоречием капитализма. Если рассматривать более конкретное проявление

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

ление кризиса, то, прежде всего, наблюдается диспропорциональность производства: один товар является дефицитным, а другой, наоборот, в переизбытке. Так же отмечается несогласованность производства и потребления: в условиях максимизации прибыли каждый отдельный капиталист прибегает к расширению производства за счёт сокращения расходов (в частности на оплату труда) и демпингованию цен. Но в экономике, спрос порождает предложение, и спрос должен быть платёжеспособным, покупательная способность рабочего класса не должна снижаться. Конечной причиной всех действительных кризисов остаётся всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества [2, с. 26].

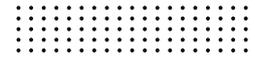
В конце XIX века, в ответ на идеи Маркса, появилась Австрийская научная школа во главе с Карлом Менгером. Представители австрийской школы выделили, что причиной «кризиса перепроизводства» являются «ошибочные инвестиции». В книге Ротбарда Мюррея «Человек, экономика и государство с властью и рынком» определяется, что доступное кредитование выступает в качестве ресурса для быстрого расширения производства. В случае, когда завываются будущие доходы или занижаются ожидаемые расходы, мы склонны необоснованно завывать плановую прибыль. На фоне максимизации прибыли будущих периодов возникают «ошибочные инвестиции», в частности за счёт кредитных средств под низкий ссудный процент. Низкая ставка кредита приводит к «кредитной экспансии», получается, что доступность кредита появляется как для производителей товаров и услуг, так и для потребителей – повышается платёжеспособный спрос [3, с. 995–996]. Склонность к сбережениям сокращается и происходит трата как собственных, так и заёмных средств со стороны потребителей, а со стороны предпринимателей наблюдается рост цен и расширение производства. В какой-то момент происходит перенасыщение товарами и услугами, падение цен, сокращение производства, а значит и сокращение трудовых ресурсов. В итоге мы имеем тотальную закредитованность тех, кто обеспечивал предложение и тех, кто обеспечивал спрос. Согласно данной теории выделяют три этапа: бум, кризис и депрессия.

Австрийская научная школа разделяет позицию, согласно которой искусственные попытки правительства «улучшить» общественные институты, как правило, обречены на неудачу, и уж тем более нельзя придумать и реализовать некое «общество», более совершенное, чем существующее [4, с. 9]. Представители австрийской школы выделяли одной из ключевых

проблем кризиса – неопределенность. В рамках теории денег, на которой тоже основывается теория экономических циклов, австрийская научная школа выделяет банки и Центральные банки, как негативный фактор. В частности Ротбард указывает, что банковская система вытесняет фидуциарные деньги [4, с. 23].

В 1930 г. теория бизнес-цикла австрийской школы отождествлялась с теорией Мизеса-Хайека. Работа Мизеса «Теория денег и фидуциарных средств обращения» посвящена теории цикла. Согласно теории цикла, стремление максимально удовлетворить потребности людей выступает в качестве основной цели функционирования экономической системы. Удовлетворение потребностей осуществляется посредством увеличения предложения, то есть экспансии производства потребительских товаров. Отказ от текущего потребления создает возможность направления высвободившихся ресурсов на совершенствование методов производства, в будущем это способно привести к росту его потенциала. Увеличение объема фидуциарных средств в экономике по сравнению с доверенными банкам сбережениями вкладчиков и собственными средствами происходит, в виде «производства» кредитных денег [4, с. 28]. Далее запускается механизм увеличения спроса на первичные факторы производства (труд, земля, капитал), который запускает рост доходов домашних хозяйств, а это, в свою очередь увеличивает потребление. Мизес указывал, что фидуциарный кредит снижает банковскую ставку процента по сравнению с естественной ставкой, что стимулирует инвестиционную активность. В данном случае инвестиционная активность не является положительным фактором, если она обеспечена фидуциарными деньгами, так как инвестируются проекты, не являвшиеся прибыльными до кредитной экспансии, но именно экспансия позволяет им реализовываться. Мизес такие инвестиции называет ошибочными. Поскольку дополнительные инвестиции еще не привели к увеличению выпуска, то в этой ситуации просто увеличивается потребительская цена. Но проблема заключается не сколько в цене, а в отвлечении комплиментарных трудовых ресурсов.

Неоклассическая экономическая теория в вопросе кризисных явлений центральное место отвела психологической теории цикла. Альфред Маршалл, как представитель неоклассиков, отличился от современников отсутствием значительного интереса к кризисным явлениям. Тем не менее, Маршал считал, что факторы нестабильности конкурентной экономики берут своё начало в природе психологических явлений [5]. Развитие идеи последовало в трудах Уильяма Джемсона, который полагал, что циклы экономических кризисов напрямую связаны со сменой настроений уныния, оптимизма, ажиотажа, разочарования и паники [6], то есть обладают психологической природой. Психологи-

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

ческая теория цикла в дальнейшем разработана Артуром Пигу, который полагал, что ошибочные производственные капиталовложения связаны, прежде всего, с «оптимистичными» личными ожиданиями предпринимателя на фоне отсутствия корректной информации о конъюнктуре рынка. Поскольку ожидания предпринимателей не соответствуют фактической величине дохода (фактический доход существенно ниже ожидаемого) наступает сокращение производства и инвестиций. Ситуация осложняется, когда инвестиции обеспечены кредитными средствами. Кризис перепроизводства наступает в результате кумулятивного эффекта ошибочных инвестиций по причине завышенных ожиданий предпринимателей [7]. В дальнейшем психологическая теория цикла становится составной частью кейнсианской концепции.

Анализируя взгляды институционалистов, стоит выделить представителей социально-психологического направления и институционально-статистического. Торстейн Веблен, представитель социально-психологического направления, в теории благосостояния указал: «Непосредственной причиной кризиса является реальный разрыв между капитализацией предыдущей стадии, на основе которой кредиторы принимают залог, и последующей капитализацией того же залога, отраженной в рыночной котировке продаваемых ценных бумаг» [8]. Веблен обращает внимание на цепной характер кризисных явлений: требование по платежу предъявляется по цепочке от одного заемщика к другому, рыночная котировка залогов участников всей цепи снижается [9, с. 114]. Качество жизни участников цепи ухудшается, что приводит к снижению работоспособности и стимулирует кризис в экономике. Кроме того Веблен отрицал наличие материально-физического перепроизводства, акцентируя внимание на финансовой причине ощущения излишек: экономика сталкивается с «трудностью потребления» [8] со стороны общества на фоне сокращения доходов общества. Материально предложение потребительских благ не превышает способность потребления.

Последователем Торстейна Веблена является Уэсли Клэр Митчелл, представитель институционально-статистического направления. В частности Митчелл занимался изучением циклических процессов в экономике, основные идеи опубликовал в труде 1913 г. – «Деловые циклы». Митчелл обращает внимание читателей, что на основе проанализированных кризисных циклов не стоит выделять единые и постоянные причины кризиса в экономике. Каждый кризис уникален и порождается множеством факторов [10]. Джон Морис Кларк, как и Митчелл, изучал процесс цикличности кризисов. Кларк разделял идею Митчелла о необходимости государственного регулирования циклов, акцентируя внимание на встроен-

ных стабилизаторах экономики. Налоговую политику государства Кларк считал эффективным стабилизатором. Джон Кеннет Гэлбрейт, аналогично остальным представителям институционализма, отмечал многофакторность причин, порождающих кризисы. В труде Гэлбрейта «Великий крах 1929 года» консолидировано пять взаимодополняющих причин: неравенство доходов населения, «разрушительный эффект обратного рычага» (закредитованность крупных холдингов, и их зависимость от регулярных поступлений филиалов), несбалансированность банковской системы, несбалансированность торгового баланса, низкий уровень экономической грамотности представителей правящего класса [11]. Научно-техническую революцию институционалисты считают эффективным инструментом преодоления кризиса, поскольку научно-техническая революция изменяет характер труда, повышает качество жизни общества.

Ядром теории Джона Мейнарда Кейнса служит идея эффективного государственного регулирования рыночной экономики. В рамках своей книги «Общая теория занятости, процента и денег», Кейнс указал, что основной причиной инфляции выступают избыточные расходы населения. На этой стадии посредством налогообложения должно вмешаться государство, как основной стабилизатор и регулятор, и склонить население к сбережению. Но если наступает рецессия, то ее причиной являются недостаточные расходы, а при таком положении дел государство должно увеличить свои собственные расходы, лучше всего посредством бюджетного дефицита, обеспечивая совокупный национальный поток расходов. Получается, что как только спрос населения падает, государство его восполняет посредством инвестирования в производство, производители осуществляют найм работников, обеспечивают их заработной платой, как следствие рабочий класс начинает увеличивать спрос. Именно недостаточный совокупный спрос, по мнению Кейнса, являлся первопричиной возникновения кризисов в экономике. Недостаточный совокупный спрос не возник стихийно, а выступал в качестве следствий двух причин: основного психологического закона общества и невысокой нормой прибыли на капитал.

Кейнс утверждал, что предельная склонность к сбережению фиксирована и зависит от дохода, а не от каких-то изменений в предпочтениях, что в корне противоречило теории австрийской школы [12]. В качестве основы экономических процессов у Кейнса выступает психологическая характеристика природы человека, то есть «основной психологический закон». Суть психологического закона состоит в том, что рост дохода и потребления не пропорционален, а именно: увеличение потребления при росте дохода, увеличивается в меньшей мере, чем доход [12]. Получается, опережа-

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

ющий потребление рост дохода приводит экономику к состоянию недостаточного совокупного спроса. Более того, по мнению кейнсианской научной школы, любое увеличение сбережений ведет к сокращению дохода, а не к увеличению инвестиций, с точки зрения кейнсианской теории, чем больше вы сберегаете, тем меньше вы зарабатываете, и наступает рецессия в экономике. В этом и заключается «парадокс бережливости» [12].

Если рассматривать вторую причину недостаточного совокупного спроса, как невысокую норму прибыли на капитал, более подробно, то суть данной причины заключается в следующем: невысокая норма прибыли на капитал является следствием высокого уровня процента; капиталисты предпочитают держать капитал в ликвидной, то есть денежной, форме; инвестиции минимизируются, не обеспечивается занятость в обществе и наступает сокращение совокупного спроса. При одновременном воздействии на экономику роста сбережений общества и нежелания инвестировать в производство со стороны капиталистов возникает недостаточное потребление, которое уменьшает совокупный спрос – экономика рецессирует.

Кейнс делает вывод, что стихийный рыночный механизм обрекает экономику на кризис, следовательно, необходимо вмешательство государства с целью регулирования эффективного спроса, как потребительского, так и инвестиционного. Сильная сторона кейнсианской школы заключается в математическом моделировании процессов в экономике.

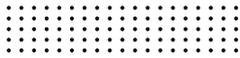
На смену кейнсианства во второй половине XX века приходит монетаризм. Революционная теория Кейнса подверглась сомнению в результате кризисных явлений в экономике США 1970–1980 гг. Милтон Фридман центральным положением антикризисного управления считал сдерживание темпов роста денежной массы. Анализируя регулирующее воздействие государства на экономику, Фридман обозначил его негативное влияние при вмешательстве в рыночную систему, которая является саморегулирующейся. Резюмируя основные положения концепции Фридмана, опубликованные в совместном с Анной Шварц труде «Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960» мы приходим к выводу, что вмешательство государства в экономику должно заключаться в контроле денежной массы и подавлении инфляции. Налоговая и бюджетная политика должна стимулировать рост производства. По причине того факта, что рынок обладает способностью к самоорганизации и саморегулированию, роль налогового регулирования должна снизиться. Кроме того, Фридман предлагает отказаться от краткосрочной денежной политики в пользу долгосрочной, так как влияние государства на денежную массу обладает пролонгированным эффектом и не пре-

доставит мгновенных результатов. В части анализа банковской сферы именно Фридман подтвердил необходимость резервирования для целей стабилизации банковской системы в случае кризиса [13].

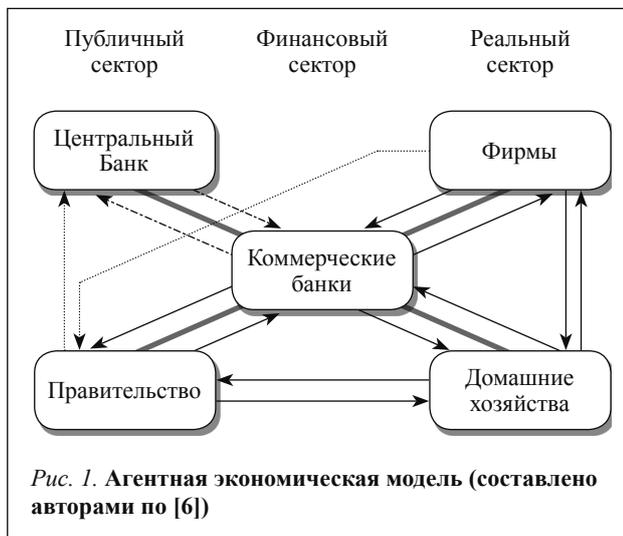
Реконструкция идей государственного регулирования для обеспечения стабильности экономики нашла своё отражение в посткейнсианстве. В качестве представителей научного направления, занимающихся антикризисным управлением, предлагаем рассмотреть взгляды Хаймена Мински и Шейлы Доу. Критика ими ортодоксального кейнсианства явилась вынужденным признанием того факта, что традиционная кейнсианская доктрина государственного регулирования не в состоянии обеспечить сбалансированный, безинфляционный рост экономики и нуждается в серьезном обновлении.

Мински видел проблему в схожести кейнсианства и неоклассической теории: обе теории основаны на «бартерной парадигме» [14] и не достаточно отражают сложность и специфичность финансового сектора. Подход Мински основывается на «спекулятивно-финансовой парадигме». Гипотеза финансовой нестабильности, являющаяся главным вкладом Мински, демонстрирует, как «медвежий тренд» экономической динамики усугубляется снижением уровня «цен предложения», что приводит к неплатежеспособности и банкротству многих субъектов экономики, потому что такое снижение утяжеляет бремя «реальных» долгов [15]. Модель взаимодействия между заёмщиком и кредитором, порожденная капитализмом, подвержена финансовым кризисам, что обосновывается в гипотезе финансовой нестабильности. По мнению Мински экономические кризисы возникают периодически не только по причине «оптимистичных ожиданий» предпринимателей, а в большей степени из-за снижения кредитоспособности реального сектора, невозможности выполнения обязательств перед финансовым сектором. В данной ситуации Мински выступал за активное вмешательство государства, в частности путём проведения институциональной политики. Институциональная политика должна способствовать увеличению доли потребления в совокупном спросе, улучшение технологий производства и упрощению финансовой системы. В частности сектор должен сокращать объём высокорискованных сделок, ограничить краткосрочное кредитование долгосрочных инвестиционных проектов [15].

Антикризисное регулирование на сегодня включает в себя мероприятия по стабилизации отношений между экономическими агентами. Современные представители посткейнсианства уделяют огромное внимание вопросам антикризисного управления в рамках новой нормальности. Себастьян Круг, в своей работе, посвящённой оценке регулирующего воздействия правительства и Центральных банков на экономику страны, продемонстрировал модель, содер-

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

жащую пять агентов экономики: домашние хозяйства, фирмы, правительство, Центральный банк и коммерческие банки, которым отведено центральное место, как агенту, с помощью которого осуществляются денежные потоки между другими агентами.

Рис. 1 демонстрирует, что в современном мире в качестве центрального агента экономических отношений выступают банки. Круг выделяет проблему создания новых денег. В конкурентной среде частный выбор банков в отношении создания денег (предоставления кредитных средств субъектам) не является социально оптимальным, обременяя экономику внешними последствиями и оставляя систему уязвимой к финансовым кризисам. В этом контексте основное внимание уделяется тому, «как использовать магию кредита для роста, не подстрекая банки к неблагоприятной кредитной практике», как выразился Джаннини [17], и «как избежать состояний финансовой системы, которые являются макроэкономически разрушительными, а не благоприятными для роста» [16].

Недавний банковский кризис открыл дискурс о Центральной банковской системе. Известный экономист и методолог, работающий в русле посткейнсианства, Шейла Доу, провела масштабное исследование, в рамках которого рассматривались вопросы Центральной банковской системы. Цель работы состоит в том, чтобы пересмотреть принципы Центральной банковской системы и теоретические основы их применения в свете этих измененных условий после кризиса. Шейла Доу фокусируется на различном понимании экономического процесса и того, как он соотносится с принципами Центральной банковской системы, сравнивая доминирующий технократический подход к теории центральной банковской системы с более традиционным политическим экономическим подходом.

В своей работе Доу доказывает, что Центральная банковская система нуждается в новой структуре, которая признает взаимозависимость между условиями денежно-кредитной стабильности, финансовой стабильности и экономической стабильности и между мерами политики, с помощью которых эти цели могут быть решены [18].

С точки зрения посткейнсианства, кризис был следствием того, что Центральные банки уделяли чрезмерное внимание обеспечению денежно-кредитной стабильности в ущерб финансовой стабильности, поддерживаемой теорией, которая отрицала актуальность последнего, и невниманием к вопросам управления банком (и Центральным банком). На теоретическом уровне, кризис обнажил слабости в практике Центрального банка по денежно-кредитной стабильности посредством математического моделирования. Когда ударил кризис, Центральные банки не имели выбора, кроме как принять возникшие трудности, противоречащие подходу моделирования.

Те центральные банки, которые сфокусировали своё внимание на таргетировании инфляции за счет внимания к финансовой стабильности, не были в состоянии справиться с кризисом. Первоначальная реакция Центральных банков на возможность банкротства коммерческих банков заключалась в отказе от поддержки, на том основании, что это усиливало бы моральный риск [18]. Сложные зависимости между экономическими агентами обнажили проблему. Власти столкнулись с перспективой краха финансовой (и экономической) системы, и продолжать отрицать зависимость систем стало невозможно. Политика Центрального банка сместилась в сторону поддержки ликвидности банковской системы в целом, то есть стремление к финансовой стабильности.

В результате автор предлагает систематизировать идеи научных школ в таблицу 1 (стр. 70).

Систематизация взглядов представителей различных экономических школ подтверждает сложность природы экономического кризиса. Третье столетие ведется активный дискурс о роли государства в стабилизации экономики, но учёные до сих пор не могут прийти к единому мнению. Авторская позиция заключается в том, что под антикризисным регулированием должна пониматься перманентная политика государства, направленная на обеспечение мер для стабилизации экономики на всех стадиях кризиса и защита экономических субъектов от последствий кризиса. При этом, мероприятия, обладающие благоприятным эффектом на одного экономического агента зачастую не подходят в полной мере для другого.

Банковский сектор экономики специфичен по своей природе, но обладает влиянием на экономические отношения между остальными агентами. Рос-

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

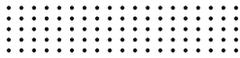
Таблица 1. Эволюция взглядов основных научных школ на природу возникновения кризиса

Научная школа, период развития, представители	Основная причина возникновения кризиса (научная концепция)	Основные выводы
Марксизм, конец XIX – XX вв. (К. Маркс)	Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения	Кризис носит периодический характер, по итогу наступает обновление элементов основного капитала
Неоклассическая экономическая теория, конец XIX – XX вв. (А. Маршалл, У. Дживонс, А. Пигу)	Природа психологических явлений: «оптимистичные ожидания» предпринимателей, приводящие к ошибочному инвестированию («Психологическая теория цикла» Пигу)	Кризис самоликвидируется, когда доверие субъектов к экономической системе восстанавливается. «Экономическая теория благосостояния» Пигу предлагает добиться социального баланса путём государственного вмешательства: справедливого налогообложения и бюджетно-кредитной политики
Австрийская научная школа, XIX – XX вв. (Л. Мизес, Ф. Хайек)	Кредитная экспансия, позволяющая осуществлять ошибочное инвестирование	Кризис порождается политикой Центрального банка, необходимо сдерживание государственного вмешательства в экономику
Институционализм, XX–XXI вв. (Т. Веблен, У. Митчелл, Дж. Кларк, Дж. Гэлбрейт)	Многофакторность причин (каждый кризис уникален). Цепной характер кризисных явлений: требование по платежу предъявляется по цепочке от одного заёмщика к другому, рыночная котировка залогов участников всей цепи снижается	Необходимо государственное регулирование циклов, акцентируя внимание на встроенных стабилизаторах экономики (налоговая политика – эффективный стабилизатор). Научно-техническая революция способствует выходу из кризиса
Кейнсианство, XX–XXI вв. (Дж. Кейнс)	Недостаточный совокупный спрос, являющийся следствием двух причин: основного психологического закона общества и высокой нормы прибыли на капитал	Государство и Центральный банк должны посредством политики стабилизировать экономику, эффективно использование математического моделирования
Монетаризм, XX–XXI вв. (М. Фридман, А. Шварц)	Неправильное управление денежной массой со стороны государства, кризис банковской системы	Вмешательство государства в экономику должно заключаться в контроле денежной массы и подавлении инфляции. Рыночный механизм саморегулирующийся. Отмечается важность резервирования для поддержания банковской системы
Посткейнсианство, конец XX – XXI вв. (Х. Мински, Ш. Доу)	Радикальная неопределенность. финансовая нестабильность («гипотеза финансовой нестабильности Мински»)	Активное вмешательство государства, в частности путём проведения институциональной политики и сбалансированное обеспечение государством денежно-кредитной и финансовой стабильности

сийский банковский сектор можно охарактеризовать тремя ключевыми параметрами: высокие нормы резервирования, рост расходов на соответствие регуляторной нагрузке, установление стоимости привлечения финансовых ресурсов и кредитования субъектов. «Новая экономическая нормальность» дополняет перечень политикой стабилизации инфляции и низким темпом экономического роста. Совокупность характеристик приводит к сокращению маржи бизнеса в целом, а для отдельных кредитных организаций – к банкротству. Поскольку ситуация не подвластна специфике финансового рынка, а является результатом политики государства, то одной из первых причин возникновения кризисных явлений выступает активное государственное вмешательство. Авторы предполагают, что в банковском секторе сбалансированно должны суще-

ствовать элементы свободного рынка и элементы, подвергающиеся жёсткому регулированию государства. В частности, «ошибочные инвестиции» в производстве способны привести в нестабильность экономическую систему в целом, поэтому регулирование кредитования юридических лиц со стороны государства необходимо, как и необходим контроль финансовых потоков. Кредитование физических лиц способно регулироваться рынком, обеспечивая совокупный спрос: только рыночный механизм установит справедливую цену, обеспечит максимальный охват рынка.

Попытки управлять поведением общественных масс экономическими методами работают неэффективно. Представители австрийской школы отмечали влияние изменений предпочтений людей на экономику [19]. В современном мире, когда существует множество

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

способов реализации сбережений, человек накапливает денежные средства, преследуя собственную определенную цель: он планирует потратить свои средства в будущем, поэтому сейчас ограничивает потребление. Ситуация с кредитованием аналогична: низкая ставка процента не гарантирует бесконечную кредитную экспансию – существует определенный предел в потребностях отдельного индивида, который невозможно спрогнозировать. Однако, потребность в безопасности, всегда является приоритетной, поэтому методы психологического воздействия на общество способны стимулировать кризис. Скорость распространения информации предельна, а информационные атаки подвергают экономику нестабильности. В банковском секторе искажённая информация способна привести к коллапсу системы: снятие средств со счетов, валютные операции, прекращение обслуживания долгов и пр. Подтверждением тому служат реакции клиентов банка на информацию о возможности санации банка, или публикации ошибочных прогнозов об изменении курса национальной валюты. Поведение человека ставит под сомнение способность математических методов планирования прогнозировать и преодолевать кризисы. Как отмечал Маршалл, доверие субъектов к экономической системе обеспечивает стабильность: при внедрении изменений в систему управления необходимо учитывать фактор «ответа» общества на изменения, а так же сокращать объём искажённой информации в глобальной сети.

Третьим фактором, побуждающим к кризису банковскую систему, с позиции авторов, является несвоевременное пруденциальное регулирование. Примером служит микрофинансовое кредитование, на которое долгие годы не действовали методы регулирования сопоставимые с методами, применимыми к банковскому сектору. Ситуация обострилась, когда сдерживание кредитной экспансии в банковской системе влияло положительно на рост объемов микрофинансового кредитования. Микрофинансовые организации не обладали возможностью качественной оценки потенциальных заёмщиков, которая применялась в банках, нивелировали риски за счёт высокой стоимости кредитных средств – что уже запрещалось в коммерческих банках. На наш взгляд следующей сомнительно применимой финансовой инновацией в России выступает краудфандинг – несмотря на то, что механизм уже работает, нормативно-правовое регулирование отсутствует. Краудфандинг в России не подпадают под регулирование и надзор Банка России – регулятора финансового рынка [20].

Проблемы, возникающие в секторе, осложняются неправильной внутренней политикой коммерческих банков, ошибочно принятыми решениями руководства. Не исключено сокрытие информации от регулятора. Когда ситуация доходит до «точки невозврата» у кредитной организации отзывают лицензию, или, в лучшем

случае, банк подвергается процедуре санации. Механизм контроля и надзора, существующий на сегодня в России, не позволяет идентифицировать старт проблем в кредитной организации на начальной стадии. Требуется разработки реабилитационных программ в рамках механизма санации направленных на стабилизацию бизнеса кредитной организации, что позволит не доводить ситуацию до отзыва лицензии или санации на стадии, когда для выхода банка на рентабельный уровень необходимы значительные финансовые ресурсы и долгосрочные планы санации (более 10 лет). Реабилитационные программы могут предоставлять поддержку путем: сниженной стоимости андеррайтинга, обновления программного обеспечения банка на льготных условиях, юридической поддержки, помощи в реорганизации бизнес-процессов для сокращения цикла внедрения требований Банка России и пр. После реабилитации и восстановления относительной стабильности допустимо рассматривать возможность слияния кредитных организаций для укрупнения бизнеса и сокращения числа банков на рынке, что упростит процедуру контроля.

Важно понимать, что цепной характер кризиса банковского сектора будет обладать негативным влиянием на других агентов экономических отношений, поэтому необходимо сосредоточить ресурсы на обеспечении стабильности системы, масштабность которой постоянно увеличивается. Кризисы имеют не только экономическое, но и социальное, политическое значение.

В результате концептуализации идей научных школ удалось продемонстрировать дифференциацию взглядов и сложность природы кризисных явлений в экономике. Каждая из описанных концепций актуальна времени, в которое она была разработана, но изменения, перманентно происходящие в экономике, не позволяют использовать один и тот же механизм дважды. Финансовые инновации требуют внедрения новых подходов регулирования банковского сектора, и изменения принципов управления бизнесом кредитными организациями, ориентированных на стабильность. Неизбежность и цикличность кризисов не опровержима, однако исход напрямую зависит от участников процесса, и степени их подготовленности к развитию наиболее пессимистичного сценария.

Литература:

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый: трактат. М.: АСТ, 2001. 565 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий: трактат. М.: Издательство политической литературы, 1985. 153 с.
3. Ротбард М. Человек, экономика и государство с властью и рынком [электронный ресурс]. URL: <https://mises.org/sites/default/files/Man,%20Economy,%20>

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

- and%20State,%20with%20Power%20and%20Market_2.pdf (дата обращения 23.04.2018)
4. Ковалёв А. В. Австрийская школа: от методологии к объяснению кризисов: монография. М.: Институт экономики РАН, 2015. 49 с.
  5. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли [электронный ресурс]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/marshall/lectures/marshall_11.txt&img=lectures_small.jpg&name=marshall (дата обращения 30.06.2018)
  6. Гринин Л. Е. Психология экономических кризисов // Историческая психология и социология истории: научный журнал. 2009. [электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15175211> (дата обращения 30.06.2018)
  7. Белкин В. А., Полуяхтов С. А. Нетрадиционные теории цикличности: цикличность солнечной активности и цикличность развития экономики // Вопросы управления. 2011 [электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2011/02/08/> (дата обращения 30.06.2018)
  8. Веблен Т. Теория делового предприятия [электронный ресурс]. URL: <http://baguzin.ru/wp/torstejn-veblen-teoriya-delovogo-pred/> (дата обращения 30.06.2018)
  9. Минервин И. Г. Культура и этика в экономике: социокультурные факторы экономического роста: монография. М.: ИНИОН, 2011. 245 с.
  10. Митчелл У. К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка [электронный ресурс]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/mitchell/works/mitchell_w1.txt&name=mitchell&img=brief.gif (дата обращения 30.06.2018)
  11. Гэлбрейт Дж. К. Великий крах 1929. Минск: Попурри, 2009. 256 с.
  12. Кейнс Дж. Общая теория занятости процента и денег. [электронный ресурс]. URL: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf> (дата обращения 23.04.2018)
  13. Нельсон Э. Монетарная экономика Фридмана на практике. [электронный ресурс]. URL: <https://www.federalreserve.gov/Pubs/feds/2011/201126/201126rap.pdf> (дата обращения 25.06.2018)
  14. Мински Х. Джон Мейнард Кейнс практике. [электронный ресурс]. URL: <https://bookofraX.tech/download/John%20Maynard%20Keynes%20Minsky%20Human> (дата обращения 23.04.2018)
  15. Розмаинский И. В. Вклад Х. Ф. Мински в экономическую теорию и основные причины кризисов в поздней индустриальной денежной экономике. [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-h-f-minski-v-ekonomicheskuyu-teoriyu-i-osnovnye-prichiny-krizisov-v-pozdneindustrialnoy-denezhnoy-ekonomike> (дата обращения 30.06.2018)
  16. Круг С. Взаимодействие денежно-кредитной и макропруденциальной политики: должны ли центральные банки «дуть против ветра», чтобы способствовать макрофинансовой стабильности? [электронный ресурс]. URL: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2017-85> (дата обращения 01.05.2018)
  17. Джаннини С. Возраст центральных банков [электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.4337/9780857932143> (дата обращения 01.05.2018)
  18. Доу Ш. Центральный банк в XXI веке [электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/cje/article/41/6/1539/4057600> (дата обращения 01.05.2018)
  19. Гаррисон Р. Время и деньги: макроэкономика структуры капитала (Основы рыночной экономики). [электронный ресурс]. URL: [ftp://nozdr.ru/biblio/kolxo3/G/GK/Garrison%20R.W.%20Time%20and%20money..%20The%20macroeconomics%20of%20capital%20structure%20\(Routledge,%202001\)\(ISBN%200415079829\)\(O\)\(289s\)_GK_.pdf](ftp://nozdr.ru/biblio/kolxo3/G/GK/Garrison%20R.W.%20Time%20and%20money..%20The%20macroeconomics%20of%20capital%20structure%20(Routledge,%202001)(ISBN%200415079829)(O)(289s)_GK_.pdf) (дата обращения 01.05.2018)
  20. Кузнецов В. А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования. // Деньги и кредит: научный журнал. 2017 [электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/26473/kuznetcov_01_16.pdf (дата обращения 30.06.2018)

References:

1. Marx K. Capital. Criticism of political economy. Volume one: a treatise. M.: AST, 2001. 565 p.
2. Marx K. Capital. Criticism of political economy. Volume three: a treatise. M.: Publishing house of political literature, 1985. 153 p.
3. Rothbard M. Man, the economy and the state with power and the market. [e-resource]. URL: https://mises.org/sites/default/files/Man,%20Economy,%20and%20State,%20with%20Power%20and%20Market_2.pdf (date of reference 23.04.2018)
4. Kovalev A. V. Austrian school: from methodology to explaining crises: monograph. M.: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2015. 49 p.
5. Seligmen B. The main trends of modern economic thought. [e-resource]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/marshall/lectures/marshall_11.txt&img=lectures_small.jpg&name=marshall (date of reference 30.06.2018)
6. Grinin L. E. Psychology of economic crises // Historical psychology and sociology of history: a scientific journal. 2009. [e-resource]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15175211> (date of reference 30.06.2018)
7. Belkin V. A., Poluyakhtov S. A. Nonconventional theory of cyclicity: the cyclicity of solar activity and the cyclical nature of economic development // Management

Кинаш А. Э., Качанова Е. А.

- issues. 2011 [e-resource]. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2011/02/08/> (date of reference 30.06.2018)
8. Veblen T. Theory of a business enterprise [e-resource]. URL: <http://baguzin.ru/wp/torstejn-veblen-teoriya-delo-vogo-pred/> (date of reference 30.06.2018)
  9. Minervin I. G. Culture and ethics in economics: socio-cultural factors of economic growth: monograph. M.: INION, 2011. 245 p.
  10. Mitchell W. K. Economic cycles. The problem and its setting [e-resource]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/mitchell/works/mitchell_w1.txt&name=mitchell&img=brief.gif (date of reference 30.06.2018)
  11. Galbraith J. K. Great collapse of 1929. Minsk: Potpourri, 2009. 256 p.
  12. Keynes J. The general theory of employment of interest and money. [e-resource]. URL: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf> (date of reference 23.04.2018)
  13. Nelson E. Monetary economy Fridman in practice. [e-resource]. URL: <https://www.federalreserve.gov/Pubs/feds/2011/201126/201126pap.pdf> (date of reference 25.06.2018)
  14. Minsky H. John Maynard Keynes practice. [e-resource]. URL: <https://bookofrax.tech/download/John%20Maynard%20Keynes%20Minsky%20Hyman> (date of reference 23.04.2018)
  15. Rozmainsky I. V. The contribution of HF Minsky to economic theory and the main causes of crises in the late industrialized monetary economy. [e-resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-h-f-minski-v-ekonomicheskuyu-teoriyu-i-osnovnye-prichiny-krizisov-v-pozdneindustrialnoy-denezhnoy-ekonomike> (date of reference 30.06.2018)
  16. Krug C. Interaction of monetary and macroprudential policies: should central banks “blow against the wind” to promote macrofinance stability? [e-resource]. URL: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2017-85> (date of reference 01.05.2018)
  17. Giannini S. Age of central banks [e-resource]. URL: <http://dx.doi.org/10.4337/9780857932143> (date of reference 01.05.2018)
  18. Dow C. Central Bank in the 21st Century [e-resource]. URL: <https://academic.oup.com/cje/article/41/6/1539/4057600> (date of reference 01.05.2018)
  19. Harrison R. Time and money: macroeconomics of capital structure (Fundamentals of market economy). [e-resource]. URL: [\(ISBN% 200415079829\) \(O\) \(289s\) _GK_.pdf](ftp://nozdr.ru/biblio/kolxo3/G/GK/Garrison%20R.W.%20Time%20and%20money..%20The%20macroeconomics%20of%20capital%20structure%20(Routledge,%202001)) (date of reference 01.05.2018)
  20. Kuznetsov V. A. Kraudfanding: current regulatory issues. // Money and credit: a scientific journal. 2017 [e-resource]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/26473/kuznetcov_01_16.pdf (date of reference 30.06.2018)

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)¹

Гуляев П. В.

кандидат экономических наук, директор, Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера, Северо-Восточного федерального университет (Россия), 677000, Россия, Якутск, пр. Ленина, д. 1, petr_gulyaev@mail.ru

УДК 332.142.4(571.56)
ББК 65.049(2Рос.Яку)

В статье представлены результаты исследования ресурсного потенциала территорий на субрегиональном уровне. Предложен методологический подход к агрегированию первичной информации, характеризующей потенциал муниципального образования на основе классической триады экономических ресурсов: труд, земля, капитал. Расчет интегральных показателей (в том числе «промежуточных» характеристик) по каждому муниципальному району производится «стандартным», общепринятым в квалиметрии способом, включающим процедуру нормирования показателей, балльную оценку и расчет интегральной оценки в виде средней арифметической (или средней геометрической). Для формализации тенденций, иллюстрирующих изменения потенциалов муниципальных районов Республики Саха (Якутия) использована сопоставительная оценка и динамические ряды данных за период с 2006 по 2016 гг. Предлагаемый методологический подход и методика оценки ресурсных потенциалов позволяют провести достоверный сравнительный анализ ресурсного потенциала и конкурентоспособности территорий на субрегиональном уровне «в разрезе» муниципальных районов.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, оценка, агрегирование информации, асимметрия.

RESOURCE POTENTIAL OF THE TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Gulyaev P. V.

candidate of Economics, director, Research Institute of Regional Economics of the North, North-Eastern Federal University (Russia), 677000, Russia, Yakutsk, Lenin Ave., 1, petr_gulyaev@mail.ru

The article presents research results of territories resource potentials on the subregional level. The methodological approach is suggested to aggregate primary data indicating a potential of a municipal entity based on the classic triad of economic resources: Labour, Land, Capital. Integrated indexes (including intermediate characteristics) for every municipal district are calculated based on generally accepted qualimetry method including setting of indexes, point rating system, and calculation of integral criterion as an arithmetic (or geometric) average. To formalise trends illustrating changes in potentials of municipal districts of Republic Sakha (Yakutia), comparative appraisal and data time series for the time period from 2006 to 2016 were implemented. The methodological approach proposed and the methodology to estimate resource potentials allow to conduct a comparative study of resource potentials and competitiveness of territories on the subregional level in the context of municipal districts.

Key words: resource potential, estimation, aggregation of information, asymmetry.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований» (проект № 16-02-00426-ОГН «Оценка степени влияния результатов хозяйственной деятельности добывающей корпорации на бюджетный процесс в ресурсном регионе (на примере Республики Саха (Якутия))»).

Введение. В современных системах управления региональной экономикой одним из основных объектов управления является процесс рационального и эффективного вовлечения в хозяйственный оборот ресурсов различного характера с учетом сложившейся асимметрии в социально-экономическом развитии административно-территориальных единиц на субрегиональном уровне. Особое значение данное обстоятельство имеет для регионов с «ресурсной» экономикой, чей потенциал во многом зависит от объема и качества запасов полезных ископаемых, а также институциональной среды, сформированной в условиях исторически сложившейся специализации экономики [1–2].

Актуальность. Таким образом, в региональных системах управления в числе основных решаемых задач выделяется особая задача оценки потенциала той или иной территории, определяющего конкурентные преимущества на глобальных рынках (в том числе на рынке инвестиций), на межрегиональном и субрегиональном уровнях. Общетеоретические аспекты решения подобных задач хорошо исследованы и изложены в научных трудах исследователей Сибирского и Дальневосточного отделения РАН: А. Г. Гранберга, П. А. Минакира, В. И. Сулова, С. А. Суспицына и др. [3–6]. При решении данной задачи должны учитываться множество факторов, как экзогенного, так и эндогенного характера, в том числе сложившаяся асимметрия социально-экономического развития территорий [7].

Постановка задачи. В сложившихся условиях оценку ресурсного потенциала муниципальных районов Республики Саха (Якутия) целесообразно производить методом межтерриториальных сопоставлений. Результаты такой оценки могут служить ориентирами для органов государственного управления при реализации государственного регулирования экономики на субрегиональном уровне [5–6, 8–10]. Сопоставительные оценки ресурсных потенциалов необходимы для определения перспектив развития тех или иных территорий, для корректировки экономической политики региональных органов государственного управления и местного самоуправления, для выработки новых ориентиров в современных быстро меняющихся условиях.

Исследуемые объекты и процессы сгруппированы в соответствии с классификацией ресурсной базы (факторы производства, экономические ресурсы): «ЗЕМЛЯ», «ТРУД», «КАПИТАЛ». Выделено 15 частных объектов исследования. Выделенные объекты исследований формируют (или гипотетически могут формировать) ресурсный потенциал Республики Саха (Якутия) в целом, экономических зон республики

и муниципальных районов, а также обеспечивают (или гипотетически могут обеспечивать) реализацию Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года.

Теоретическая часть. Для количественной оценки объектов исследования, влияющих на потенциал в рамках классификации ресурсной базы (факторы производства, экономические ресурсы) «ЗЕМЛЯ», «ТРУД», «КАПИТАЛ» предложена схема агрегирования информации, применяемая при расчете интегральных оценок (рис. 1, стр. 76).

Расчет интегральной оценки, характеризующей ресурсный потенциал муниципального района в «текущий момент времени» производится по совокупности показателей («потенциалов») X_1, X_2, X_3 , («ЗЕМЛЯ», «ТРУД», «КАПИТАЛ»), которые являются интегральными оценками, учитывающими «промежуточные» характеристики (показатели) $X_{11} \dots X_{1m}, X_{21} \dots X_{2m}, X_{31} \dots X_{3m}$. Расчет интегральных показателей (в том числе «промежуточных» характеристик) по каждому муниципальному району производится «стандартным», общепринятым в квалиметрии способом, включающим процедуру нормирования показателей (линейное масштабирование), балльную оценку и расчет интегральной оценки в виде средней арифметической (или средней геометрической).

Например – «промежуточная» характеристика («промежуточный» показатель), характеризующая налоговый потенциал i -го муниципального района рассчитывается следующим образом:

$$X_{33i} = \frac{\sum_{j=1}^m k_j \cdot a_{ij}}{m}, \quad (1)$$

где i – порядковый номер муниципального района ($i = 1 \dots n$, n – количество муниципальных районов);

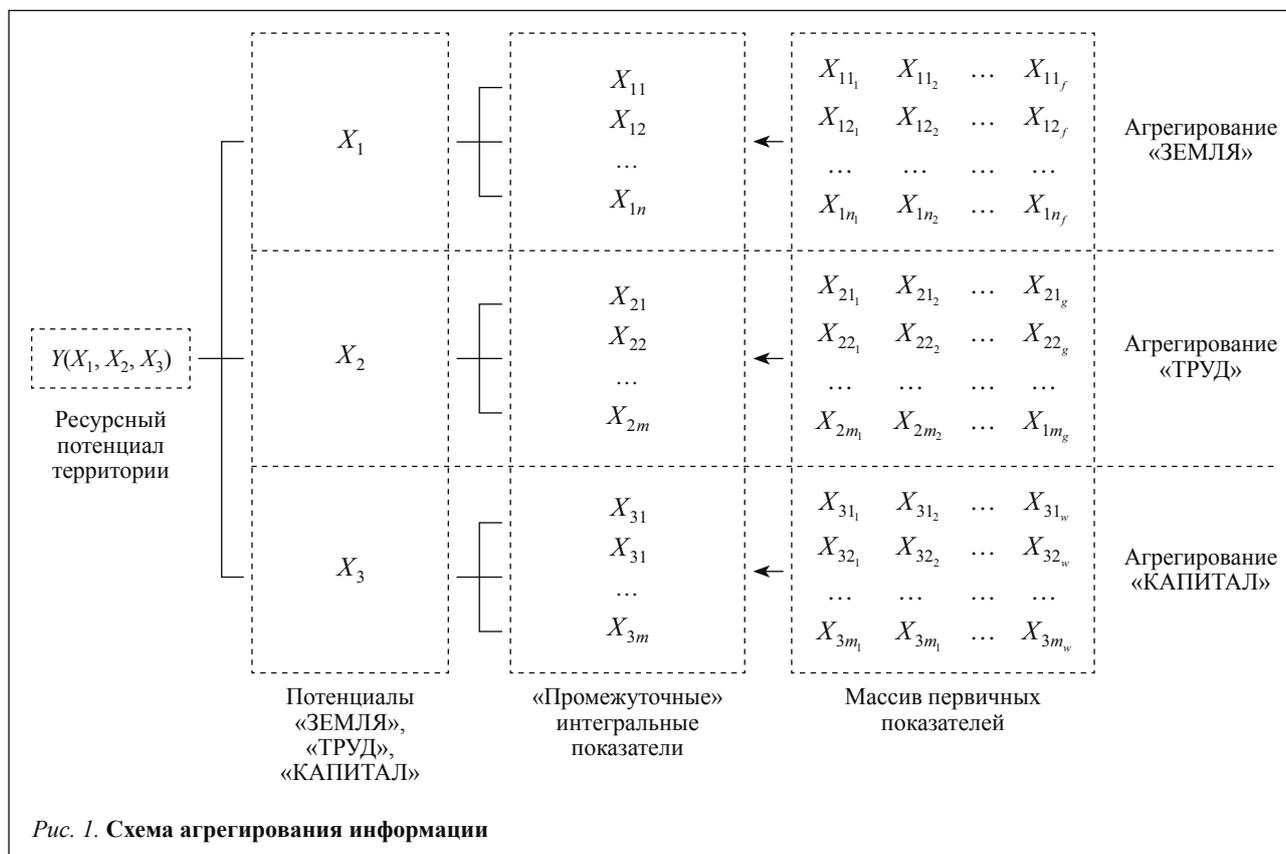
m – количество первичных показателей, используемых в расчете «промежуточной» характеристики;

k_j – весовой коэффициент (коэффициент предпочтения) первичного показателя, используемого в расчете «промежуточной» характеристики (определяется по фактически сложившимся условиям или экспертным методом);

a_{ij} – балльная оценка муниципального района «по первичному показателю», используемому в расчете «промежуточной» характеристики.

Далее, «промежуточные» характеристики муниципального района используются при расчете потенциалов X_1, X_2, X_3 , («ЗЕМЛЯ», «ТРУД», «КАПИТАЛ») i -го муниципального района в «текущий момент времени»

$$X_{1i} = \frac{\sum_{j=1}^m K_{1j} \cdot X_{1j}}{m}, \quad (2)$$

$$X_{2_i} = \frac{\sum_{j=1}^m K_{2_j} \cdot X_{2_j}}{m}, \quad (3)$$

$$X_{3_i} = \frac{\sum_{j=1}^m K_{3_j} \cdot X_{3_j}}{m}, \quad (4)$$

где $K_{1_j}, K_{2_j}, K_{3_j}$ – весовые коэффициенты «промежуточных» характеристик $X_{1_j}, X_{2_j}, X_{3_j}$ соответственно ($j = 1 \dots m$);

m – количество «промежуточных» характеристик

Комплексная оценка ресурсного потенциала i -го муниципального района, учитывающая потенциалы $X_{1_j}, X_{2_j}, X_{3_j}$ («ЗЕМЛЯ», «ТРУД», «КАПИТАЛ») в «текущий момент времени» рассчитывается следующим образом

$$Y_i(X_{1_j}, X_{2_j}, X_{3_j}) = \frac{\sum_{j=1}^m K_j \cdot X_{j_i}}{m}, \quad (5)$$

где m – количество потенциалов, используемых в расчете комплексной оценки ресурсного потенциала i -го муниципального района ($m = 3$);

K_j – весовые коэффициенты потенциалов (X_1, X_2, X_3)

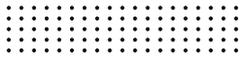
Результаты. Расчеты проведены в редакторе электронных таблиц Excel.

По результатам расчетов определены ресурсные потенциалы муниципальных образований Республики Саха (Якутия) (рис. 2, рис. 3, рис. 4, стр. 78).

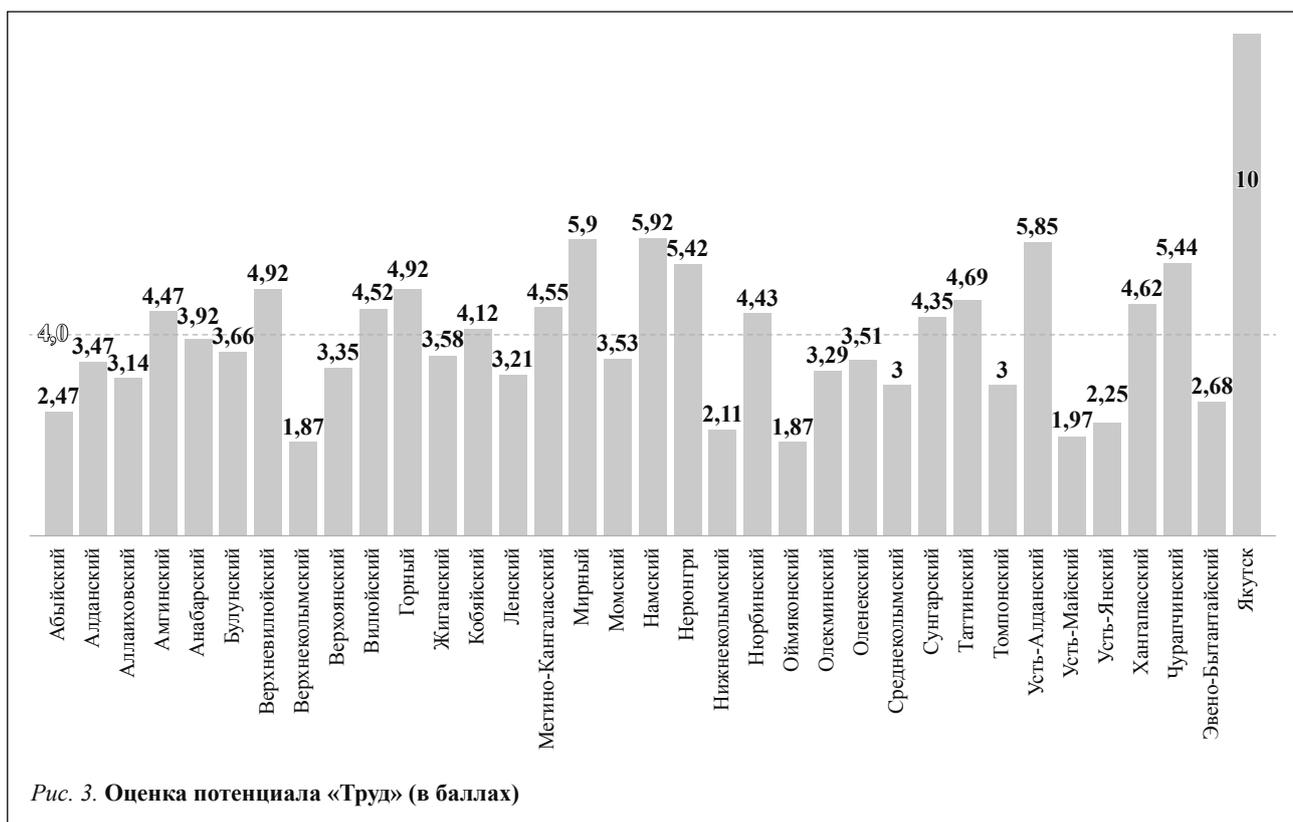
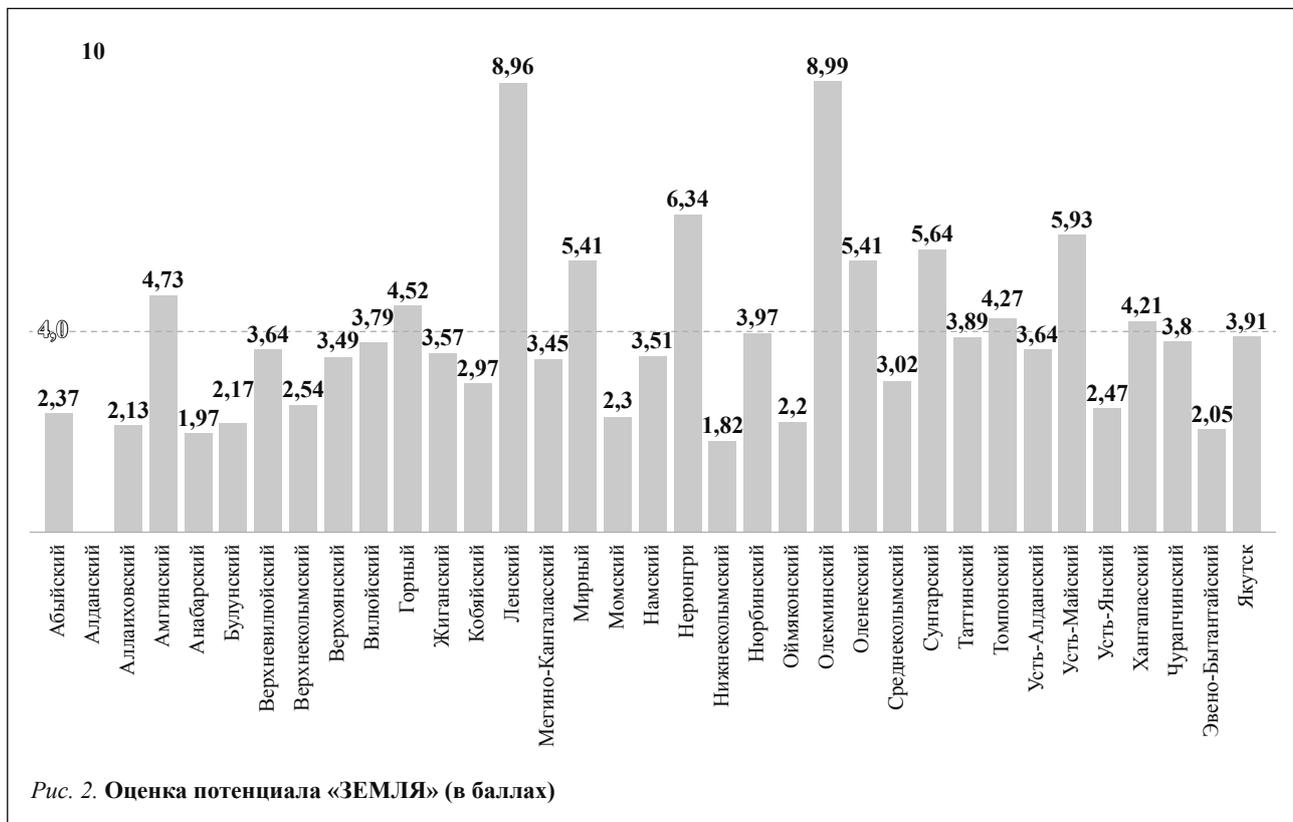
Выводы. В результате проведенного исследования и анализа выявлена значительная асимметрия в значениях ресурсных потенциалов муниципальных районов (рис. 5, стр. 78).

Путем сопоставительной оценки ресурсного потенциала за период с 2006 по 2016 гг. были получены динамические ряды, позволяющие выявить (формализовать) тенденции, иллюстрирующие изменения потенциалов муниципальных образований на уровне районов и экономических зон Республики Саха (Якутия).

Предлагаемый методологический подход и методика оценки ресурсных потенциалов позволяют провести сравнительный анализ ресурсного потенциала и конкурентоспособности территорий на субрегиональном уровне «в разрезе» муниципальных районов на основе количественной оценки различных объектов и процессов, имеющих отношение к основным факторам производства: «ЗЕМЛЯ», «ТРУД», «КАПИ-

Гуляев П. В.

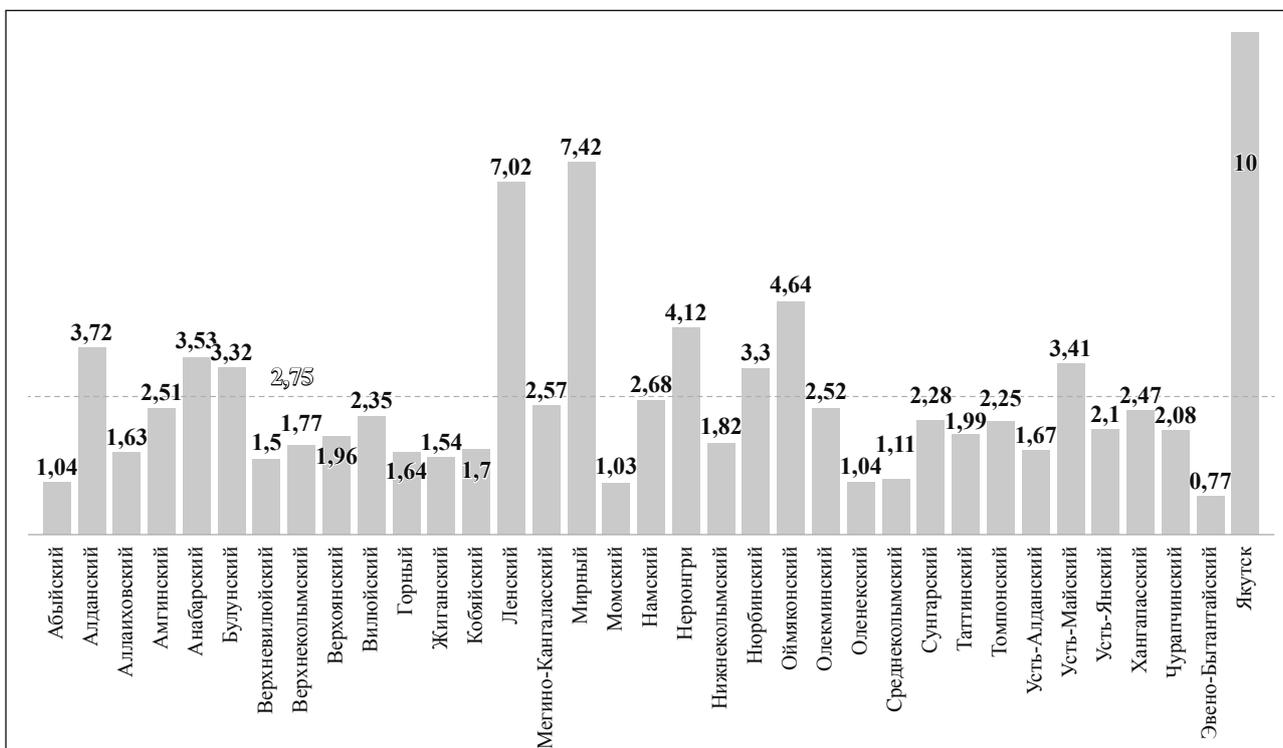

Рис. 4. Оценка потенциала «Капитал» (в баллах)

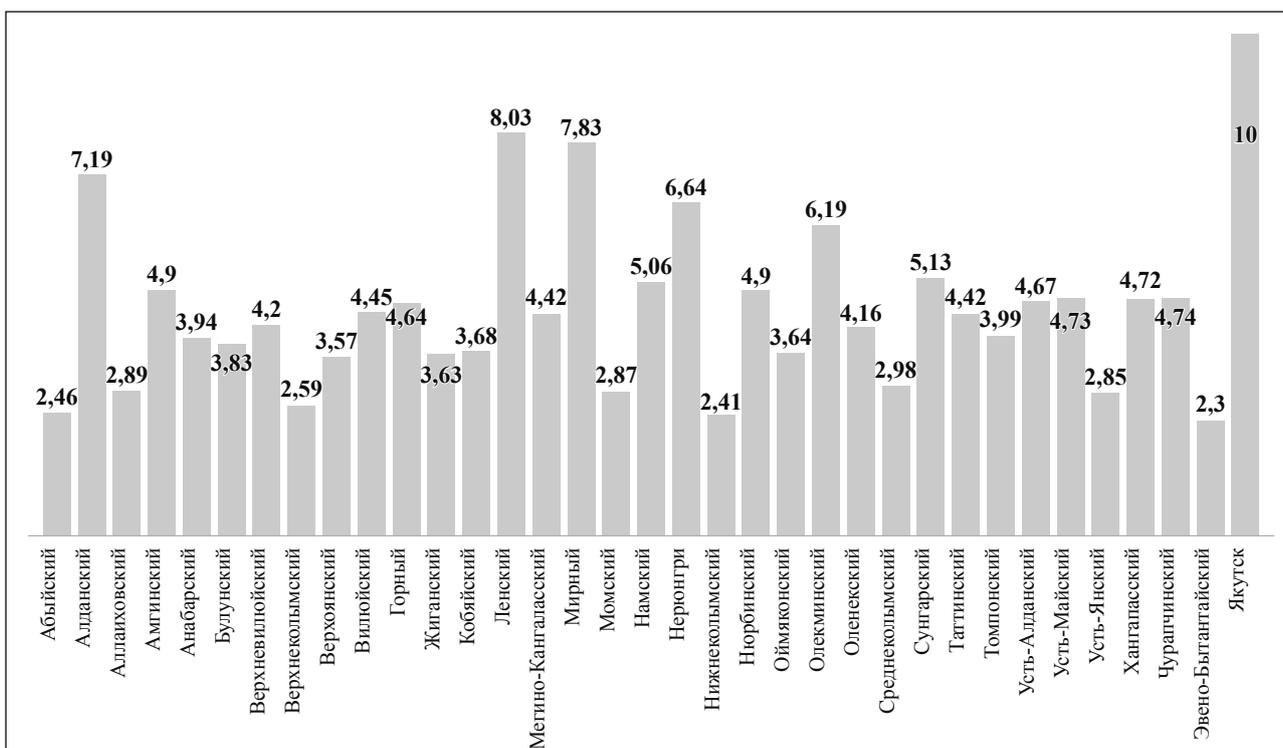

Рис. 5. Оценка ресурсного потенциала (в баллах)

Гуляев П. В.

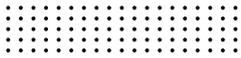
ТАЛ». Динамические ряды данных, сформированные на интервале с 2006 по 2016 гг. позволяют выявить тенденции в возможном изменении ресурсного потенциала в целом и отдельных потенциалов муниципальных образований и экономических зон. Формализованные тенденции определяют в том числе функциональные зависимости потенциалов от различных факторов, как эндогенного, так и экзогенного характера.

Литература:

1. Крюков В. А. Сырьевые территории в новой институциональной реальности // *Пространственная экономика*. 2014. №4. С. 26–60.
2. Нефёдкин В. И. «Бюджетное проклятие» ресурсных регионов // *ЭКО*. 2015. №6. С. 5–24.
3. Гранберг А. Г. Социально-экономическое пространство России: трансформационные тенденции и перспективы. Цикл публичных лекций. М.: Гос. университет управления, 2004.
4. Минакир П. А. Пространственные трансформации экономики. Владивосток: Дальнаука, 2001.
5. Суспицын С. А. Барометры социально-экономического положения регионов России / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2004. 123 с.
6. Суспицын С. А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы». Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 296 с.
7. Гуляев П. В., Кугаевский А. А., Николаев М. В. О некоторых институциональных предпосылках социально-экономического развития арктической зоны РФ // *Проблемы современной экономики*. 2016. №3. С. 141–144
8. Капустин О. Н. Определение механизма управления социально-экономическим потенциалом региона // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2013. Т. 169. С. 213–220
9. Карасева Л. А. // В сборнике: Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики Сборник материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2015). 2015. С. 158–168.
10. Кушнаренко Т. В. Типологизация территорий регионов по экономическому потенциалу хозяйственных укладов // *Крымский научный вестник*. 2015. №4-1. С. 124–138.
11. Боташева А. С. Методы оценки и классификации регионов по их инвестиционному и экономическому потенциалу / В сборнике: Стратегическое планирование и развитие предприятий Материалы Пятнадцатого всероссийского симпозиума. Под ред. Г. Б. Клейнера. 2014. С. 39–41
12. Bryden J., Hart J. Why local economies differ? The Dynamics of Rural Areas in the European Union. Lampeter: The Edwin Mellen Press.
13. Development Report Card for the States. [электронный ресурс]. URL: http://cfed.org/knowledge_center/research/DRC/ (дата обращения 15.07.2012).
14. International Monetary Fund GEM: A New International Macroeconomic Model // Prepared by the Research Department Approved by Raghuram Rajan, January 2004. [электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/np/res/gem/2004/eng/> (дата обращения 15.07.2012).
15. OECD How regions grow: Trends and Analysis, OECD Publishing, 2009, p. 38.
16. Regional Economic Capacity Index, Memorial University of Newfoundland. [электронный ресурс]. URL: <http://reci.ucs.mun.ca/about.php> (дата обращения 15.07.2012).

References:

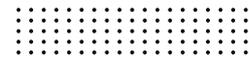
1. Kryukov V. A. Raw Territories in a New Institutional Reality // *Spatial Economics*. 2014. №4. P. 26–60.
2. Nefedkin V. I. Budgetary curse »resource regions // *ECO*. 2015. №6. P. 5–24.
3. Granberg A. G. Social and Economic Space of Russia: Transformation Trends and Prospects. A cycle of public lectures. M.: State University of Management, 2004.
4. Minakir P. A. Spatial transformations of the economy. Vladivostok: Dal'nauka, 2001.
5. Suspitsin S. A. Barometers of the socio-economic situation of Russian regions / IEEPP SB RAS. Novosibirsk, 2004. 123 p.
6. Suspitsin S. A. Methods and models of coordination of long-term solutions in the system “national economy – regions”. Novosibirsk: IEEPP SB RAS, 2017. 296 p.
7. Gulyaev P. V., Kugaevsky A. A., Nikolaev M. V. About some institutional prerequisites for socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation // *Problems of the modern economy*. 2016. №3. P. 141–144.
8. Kapustin O. N. Definition of the mechanism of management of social and economic potential of the region // *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2013. V. 169. P. 213–220.
9. Karaseva L. A. // In the collection: Forsyte “Russia”: design of a new industrial policy Collection of materials of the St. Petersburg International Economic Congress (SPEK-2015). 2015. P. 158–168.
10. Kushnarenko T. V. Typologization of territories of regions on the economic potential of economic structures // *Crimean scientific herald*. 2015. №4-1. P. 124–138.
11. Botasheva A. S. Methods for assessing and classifying regions according to their investment and economic potential / In the collection: Strategic Planning and Enterprise Development Materials of the Fifteenth All-Russian Symposium. Ed. G. B. Kleiner. 2014. P. 39–41.

Гуляев П. В.

12. Bryden J., Hart J. Why local economies differ? The Dynamics of Rural Areas in the European Union. Lampeter: The Edwin Mellen Press.
13. Development Report Card for the States. [e-resource]. URL: http://cfed.org/knowl-edge_center/research/DRC/ (date of reference 15.07.2012)
14. International Monetary Fund GEM: A New International Macroeconomic Model // Prepared by the Research Department Approved by Raghuram Rajan, January 2004. [e-resource]. URL: <http://www.imf.org/external/np/res/gem/2004/eng/> (date of reference 15.07.2012).
15. OECD How regions grow: Trends and Analysis, OECD Publishing, 2009. P. 38.
16. Regional Economic Capacity Index, Memorial University of Newfoundland. [e-resource]. URL: <http://reci.ucs.mun.ca/about.php> (date of reference 15.07.2012)

АНАЛИЗ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК СПОСОБ КОНТРОЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Гладковская Е. Н.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет) (Россия), 454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, д. 76, efig@bk.ru

Максимова Т. В.

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансов, Челябинский филиал, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия), 454080, Россия, Челябинск, ул. Работниц, д. 58, efig@bk.ru

УДК 336.6:061.1
ББК 65.261.93

Цель. Разработка комплексной методики анализа движения денежных средств бюджетного учреждения, позволяющих оценить достаточность и эффективность бюджетного и внебюджетного финансирования для оказания государственных (муниципальных) услуг населению, а также усовершенствование существующих подходов к анализу.

Методы. В процессе исследования использовались такие методы, как наблюдение и сбор фактов, индукция и дедукция, анализ и синтез, методы горизонтального и вертикального анализа, коэффициентный метод.

Результаты и практическая значимость. Исходя из анализа существующих подходов авторов к оценке движения денежных средств бюджетного учреждения были выявлены ограничения существующих методов и отсутствие общей методики анализу денежных потоков учреждений государственного сектора. Разработана комплексная методика анализа денежных потоков, направленная на определение динамики и структуры их изменения, определения достаточности бюджетного финансирования и эффективности использования денежных средств (включая средств от оказания платных услуг) при достижении целей и задач деятельности бюджетного учреждения в процессе оказания государственных (муниципальных) услуг. Данная методика апробирована в деятельности учреждения социального обслуживания населения.

Научная новизна. Научная новизна заключается в разработке комплексной методики анализа денежных потоков бюджетного учреждения как способа определения достаточности и эффективности использования бюджетного финансирования (субсидии) на оказание государственных (муниципальных) услуг населению.

Ключевые слова: бюджетное учреждение, финансирование, денежные потоки, анализ движения денежных средств, ликвидность и эффективность денежных потоков.

ANALYSIS OF CASH FLOWS OF A BUDGETARY INSTITUTION AS A WAY TO CONTROL THE EFFECTIVE USE OF BUDGET FUNDS

Gladkovskaya E. N.

candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of economic security, South Ural State University (research university) (Russia), 454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76, efig@bk.ru

Maksimova T. V.

candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance, Chelyabinsk Branch, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia), 454080, Russia, Chelyabinsk, Rabotnits str., 58, efig@bk.ru

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

Purpose. Development of a comprehensive methodology for analyzing the cash flow of a budgetary institution, which allows assessing the sufficiency and effectiveness of budgetary and extrabudgetary funding for providing public (municipal) services to the population, as well as improving existing approaches to analysis.

Methods. During the research, methods such as observation and collection of facts, induction and deduction, analysis and synthesis, horizontal and vertical analysis methods, coefficient method were used.

Results and practical significance. Based on the analysis of the authors' existing approaches to assessing the movement of funds of the budgetary institution, limitations of existing methods and the lack of a common methodology for analyzing the cash flows of public sector institutions were revealed. The complex methodology of cash flow analysis aimed at determining the dynamics and structure of their changes, determining the adequacy of budget financing and the effectiveness of using money resources (including funds from the provision of paid services) in achieving the goals and objectives of the budget institution in the provision of public (municipal) services. This method has been tested in the activity of the institution of social services for the population.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in developing an integrated methodology for analyzing the cash flows of a budgetary institution as a means of determining the sufficiency and effectiveness of using budgetary financing (subsidies) for rendering public (municipal) services to the public.

Key words: budget institution, financing, cash flows, cash flow analysis, liquidity and cash flow efficiency.

Финансовое обеспечение деятельности бюджетных учреждений осуществляется за счет бюджетных и внебюджетных источников. При этом учреждения располагают денежными средствами, от эффективного использования которых зависит эффективность и результативность выполнения государственного (муниципального) задания на оказание услуг, выполнение работ. В соответствии с Приказом Минфина РФ от 25.03.2011 № 33н «Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений», а также Приказом Минфина России от 31.12.2016 № 260н «Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Представление бухгалтерской (финансовой) отчетности» бюджетные учреждения в составе бухгалтерского отчетности обязаны ежеквартально сдавать «Отчет о движении денежных средств учреждения» (форма № 723). И если коммерческие организации эту форму отчетности составляют давно, то бюджетные учреждения пришли к этому только в 2016 году.

Новые подходы Минфина в последнее время повышают значимость данной формы отчетности, так как в отличие от баланса или плана финансово-хозяйственной деятельности именно отчет о движении денежных средств раскрывает обеспеченность бюджетного учреждения денежными средствами и направления их использования в течение года. Это средства, полученные в рамках финансового обеспечения (субсидии) на выполнение государственного (муниципального) задания, субсидии на иные цели, целевой субсидии, а также от платной деятельности учреждения. В связи с чем, повышается и значимость вопросов анализа денежных потоков бюджетного учреждения.

Анализ по этим направлениям деятельности, оценка структуры денежных потоков по видам рассматриваются в работах ряда отечественных аналитиков, таких как Т. Г. Вакуленко, Л. В. Донцова, В. В. Ковалев, Э. А. Маркарян, Н. А. Никифорова, Л. Ф. Фомина, А. Д. Шеремет и др. Наиболее развернуто концепция анализа денежных потоков представлена российскими и зарубежными экономистами, среди них – Л. А. Бернштейн, И. А. Бланк, Дж. К. Ван Хорн, Л. Т. Гиляровская, О. В. Ефимова, М. В. Мельник и др. Вопросы финансового анализа бюджетных учреждений (включая анализ денежных потоков) освещают в своих трудах такие авторы, как М. В. Базайкина [1], В. Р. Валеев [2], А. Р. Ганеева [3], Д. Е. Ендовицкий [4], А. Л. Зубарев [5], Е. А. Качанова [6], С. Н. Макарова [7], С. Н. Марков [8], В. А. Морозов [9], И. А. Познякова [10], О. В. Сидоренко [11], А. В. Фролкин [12], Ю. Ю. Чалая [13] и др. [14–17]. Изучение подходов этих авторов показало отсутствие комплексной методики анализа денежных потоков бюджетных учреждений.

Цель исследования – разработка комплексной методики анализа движения денежных средств бюджетного учреждения, позволяющих оценить достаточность и эффективность бюджетного и внебюджетного финансирования для оказания государственных (муниципальных) услуг населению и усовершенствовать существующие подходы к анализу.

В процессе исследования использовались такие методы, как наблюдение и сбор фактов, индукция и дедукция, анализ и синтез, методы горизонтального и вертикального анализа, коэффициентный метод.

В Отчете о движении денежных средств, который является, по сути, единственной информационной основой оценки денежных потоков бюджетного учреждения, информация группируется в разрезе трех

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

видов деятельности (операций): текущей, инвестиционной и финансовой.

Денежный поток бюджетного учреждения от текущей деятельности включает поступление и расходование денежных средств от основной уставной деятельности учреждения, непосредственно связанной с оказанием государственных (муниципальных) услуг.

В соответствии с Инструкцией № 33 [18] в состав поступлений отчета о движении денежных средств бюджетного учреждения по текущей деятельности включены доходы от собственности (полученные проценты и дивиденды), доходы от оказания платных услуг (работ), включая субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания, компенсации затрат учреждения, суммы принудительного изъятия, безвозмездные поступления от бюджетов, прочие поступления (гранты, субсидии, пожертвования и др.).

Расходование (выбытие) денежных средств по текущей деятельности связано с выплатами следующего характера: оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда; приобретение работ (услуг): коммунальных услуг, услуг связи, транспортных услуг, аренда за пользование имуществом, работ (услуг) по содержанию имущества; обслуживание долговых обязательств; безвозмездные перечисления организация; пособия по социальной помощи населению; операции с активами; прочие расходы, включая уплату налогов.

Денежный поток бюджетного учреждения от инвестиционной деятельности включает поступление и расходование денежных средств по деятельности, связанной с финансированием приобретения объектов долгосрочного использования (нефинансовых активов) и их продаж. Так, в состав поступлений отчета о движении денежных средств бюджетного учреждения по инвестиционной деятельности включены доходы от продажи нефинансовых активов (основных средств, нематериальных активов, произведенных активов, материальных запасов). В состав расходов по инвестиционной деятельности включено финансирование приобретения нефинансовых активов.

Денежный поток бюджетного учреждения от финансовой деятельности включает поступление и расходование денежных средств по деятельности, связанной с финансовыми вложениями, формированием источников финансирования деятельности учреждения. Так, в соответствии с Инструкцией № 33 [18] в состав поступлений от финансовой деятельности учреждения включаются поступления от продажи ценных бумаг (в том числе акции и доли участия), от возврата предоставленных ссуд и кредитов; к выплатам денежных средств по финансовой деятельности относятся приобретение ценных бумаг, акций, долей участия в других организациях, предоставление займов, погашение государственного (муниципального) долга.

С точки зрения анализа денежных потоков бюджетного учреждения выделим *виды денежных потоков по направленности движения*:

- 1) *положительный денежный поток* (или приток денежных средств);
- 2) *отрицательный денежный поток* (или отток денежных средств).

По уровню достаточности объема денежных средств выделяют:

- 1) *чистый дефицитный денежный поток*, когда разница между притоком и оттоком денежных средств отрицательная, то есть поступления денежных средств по видам деятельности бюджетного учреждения (или в целом) не достаточно для финансирования расходов;
- 2) *чистый профицитный (избыточный) денежный поток*, когда разница между притоком и оттоком денежных средств положительная, то есть поступление денежных средств превышает их расходование.

Ни то, ни другое состояние достаточности денежных потоков (дефицитное или избыточное) не является положительным в деятельности бюджетного учреждения, должен быть баланс между притоком и оттоком денежных средств. Поэтому главным в процессе финансового управления бюджетным учреждением является обеспечение такого движения денежных средств, которое бы не привело ни к избыточному, ни к дефицитному их уровню (что возможно за счет сбалансированности объемов поступления и расходования денежных средств, повременной синхронизации поступления и расходования денежных средств).

Методика оценки денежных потоков учреждения включает следующие направления:

- 1) оценка динамики денежных потоков по видам деятельности;
- 2) оценка структуры денежных потоков;
- 3) оценка ликвидности денежных потоков;
- 4) оценка эффективности денежных потоков.

Оценка динамики и структуры денежных потоков проводится с помощью методов горизонтального и вертикального анализа.

Представим показатели, с помощью которых анализируются денежные потоки бюджетного учреждения. В отличие от коммерческого сектора, бюджетному учреждению не так важна эффективность денежных потоков с точки зрения положительных остатков денежных средств на конец периода, ведь большие положительные остатки денежных средств в рамках выполнения государственного (муниципального) задания, которые характеризуют именно их эффективное формирование, в будущем могут привести к сокращению объема бюджетного финансирования.

Но для учредителя эффективность денежных потоков подведомственного учреждения важна, так как в рамках оценки можно проанализировать эффектив-

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

ность денежных потоков по источнику финансирования деятельности: за счет бюджетной и внебюджетной деятельности. Чем выше положительное сальдо денежных потоков по внебюджетной деятельности, тем эффективнее его работа, что в будущем может повлиять на сокращение бюджетного финансирования и расширение платных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями. Именно это должно стоять во главе угла при проведении анализа эффективности денежных потоков в бюджетной сфере и этот момент (сокращение бюджетного финансирования) не стоит рассматривать негативно, напротив, он повышает финансовую самостоятельность бюджетного учреждения и снижает финансовую нагрузку с учредителя.

Оценка уровня ликвидности денежных потоков позволяет определить сбалансированность поступления и расходования денежных средств в условиях деятельности: как объем расходов покрывается объемом поступления, в достаточном ли размере, и какой объем свободных денежных средств останется в распоряжении предприятия после произведенных расходов [19].

Ликвидность денежных потоков бюджетного учреждения определяется с помощью *коэффициента ликвидности совокупного денежного потока* ($L_{\Sigma ДП}$) и его разбивкой на коэффициенты ликвидности потоков по направлениям деятельности учреждения: текущей, инвестиционной и финансовой. Данный коэффициент определяется по следующей формуле [19]

$$L_{\Sigma ДП} = \frac{\sum ПДП}{\sum ОДП} \quad (1)$$

где $L_{\Sigma ДП}$ – коэффициент ликвидности совокупного денежного потока;

$\sum ПДП$ – совокупный положительный денежный поток (приток денежных средств), в руб.;

$\sum ОДП$ – совокупный отрицательный денежный поток (отток денежных средств), в руб.

Допустимым нормативным значением должно быть значение равное 1, тогда будет обеспечен баланс совокупных денежных потоков бюджетного учреждения. Посредством разбивки этого показателя по видам деятельности бюджетного учреждения – текущей, инвестиционной и финансовой и определении соотношений притоков и оттоков денежных средств по каждому виду деятельности можно отследить «проблемы» в направленности движения денежных потоков. Для этого определяют три показателя:

1) коэффициент ликвидности денежного потока от текущей деятельности учреждения;

2) коэффициент ликвидности денежного потока от инвестиционной деятельности учреждения;

3) коэффициент ликвидности денежного потока от финансовой деятельности учреждения.

Коэффициент ликвидности денежного потока от текущей деятельности ($L_{ТД}$) рассчитывается по формуле:

$$L_{ТД} = \frac{ПДП_{ТД}}{ОДП_{ТД}} \quad (2)$$

где $ПДП_{ТД}$ – положительный денежный поток (поступление денежных средств) от текущей деятельности, в руб.;

$ОДП_{ТД}$ – отрицательный денежный поток (расходование денежных средств) от текущей деятельности, в руб.

Коэффициент ликвидности денежного потока от инвестиционной деятельности ($L_{ИД}$) рассчитывается по формуле:

$$L_{ИД} = \frac{ПДП_{ИД}}{ОДП_{ИД}} \quad (3)$$

где $ПДП_{ИД}$ – положительный денежный поток (поступление денежных средств) от инвестиционной деятельности, в руб.;

$ОДП_{ИД}$ – отрицательный денежный поток (расходование денежных средств) от инвестиционной деятельности, в руб.

Коэффициент ликвидности денежного потока от финансовой деятельности ($L_{ФД}$) рассчитывается по формуле:

$$L_{ФД} = \frac{ПДП_{ФД}}{ОДП_{ФД}} \quad (4)$$

где $ПДП_{ФД}$ – положительный денежный поток (поступление денежных средств) от финансовой деятельности, в руб.;

$ОДП_{ФД}$ – отрицательный денежный поток (расходование денежных средств) от финансовой деятельности, в руб.

Для проведения оценки эффективности денежных потоков используем коэффициент доходности текущей деятельности [12], а также коэффициенты платных услуг, предлагаемые авторами данного исследования.

Коэффициент доходности текущей деятельности отражает эффективность формирования денежных потоков от текущей деятельности и определяется по следующей формуле:

$$K_{Д_{ТД}} = \frac{ЧДП_{ТД}}{ПДП_{ТД}} \quad (5)$$

где $K_{Д_{ТД}}$ – коэффициент доходности текущей деятельности;

$ЧДП_{ТД}$ – чистый денежный поток от текущей деятельности (определяемый как разница между $ПДП_{ТД}$ и $ОДП_{ТД}$), в руб.

Коэффициент платных услуг отражает эффективность формирования денежных потоков от услуг учреждения, оказываемых на платной основе и определяется по следующей формуле:

$$K_{Д_{п\text{л}Ус}} = \frac{ПДП_{ПлУс}}{ПДП_{ТД}} \quad (6)$$

где $K_{Д_{п\text{л}Ус}}$ – коэффициент платных услуг, оказываемых в рамках текущей деятельности учреждения;

$ПДП_{ПлУс}$ – положительный денежный поток от платных услуг по текущей деятельности учреждения, в руб.

Дополним этот коэффициент расчетом коэффициента платных услуг, оказываемых в рамках государственного (муниципального) задания и финансируемых за счет субсидии на выполнение этого задания. Расчет данного коэффициента будет следующий:

$$K_{Д_{п\text{л}УсСУБ}} = \frac{ПДП_{ПлУсСУБ}}{ПДП_{ТД}} \quad (7)$$

где $K_{Д_{п\text{л}УсСУБ}}$ – коэффициент платных услуг, оказываемых в рамках текущей деятельности учреждения и финансируемых в рамках субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания;

$ПДП_{ПлУсСУБ}$ – положительный денежный поток от платных услуг по текущей деятельности учреждения, оказываемых в рамках государственного (муниципального) задания, в руб.

Полученный результат расчета коэффициента платных услуг можно использовать при определении уровня рентабельности, что позволит выявить долю прибыли, приходящуюся на платные услуги учреждения в целом, а также по видам финансирования (за счет субсидии или за счет оплаты услуг населением).

Проведем апробацию разработанной методики анализа денежных потоков бюджетного учреждения на примере учреждения социального обслуживания населения «Психоневрологический интернат» в частности, с использованием данных формы № 723 «Отчет о движении денежных средств учреждения» за 2016 год.

Результаты оценки структуры денежных потоков на примере учреждения социального обслуживания населения представлены в таблице 1 и таблице 2 (стр. 86).

Наибольшую долю в общем поступлении денежных средств учреждения за 2016 год составили притоки по текущим операциям – 99,93 %, оставшиеся 0,07 % пришлось на инвестиционную деятельность.

В составе притока денежных средств от текущей деятельности наибольший удельный вес занимают доходы от оказания платных услуг – 98,70 %,

Таблица 1. Оценка структуры положительного денежного потока ГБУ СОН «Психоневрологический интернат» в 2016 году

Наименование показателя	Значение показателя	
	руб.	% к итогу
1. Поступления по текущей деятельности, в том числе:	94 544 484,29	99,93
1.1. По доходам от собственности	0	0
1.2. По доходам от оказания платных услуг (работ), из них:	93 378 484,29	98,7
субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания	47 838 626,2	50,57
1.3. По суммам принудительного изъятия	0	0
1.4. По безвозмездным поступлениям от бюджетов	0	0
1.5. По прочим доходам, из них:	1 166 000	1,23
субсидии	1 122 000	1,19
пожертвования	44 000	0,05
2. Поступления от инвестиционной деятельности, в том числе:	62 174	0,07
2.1. От реализации нефинансовых активов, из них:	62 174	0,07
от реализации материальных запасов	62 174	0,07
3. Поступления от финансовой деятельности, в том числе:	0	0
3.1. От реализации акций и иных форм участия в капитале	0	0
3.2. От возврата ссуд и кредитов	0	0
Поступления всего	94 606 658,29	100

Источник: отчет о движении денежных средств учреждения, собственные расчеты автора.

Таблица 2. Оценка структуры отрицательного денежного потока ГБУ СОН «Психоневрологический интернат» в 2016 г.

Наименование показателя	Значение показателя	
	руб.	% к итогу
1. Расходование по текущей деятельности, в том числе:	61 858 345,17	65,29
1.1. Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда	51 739 758,77	54,61
1.2. Приобретение услуг (работ), из них:	10 118 586,4	10,68
услуги связи	143 529,27	0,15
транспортные услуги	42 750,	0,05
коммунальные услуги	4 166 223,5	4,40
работы, услуги по содержанию имущества	3 874 422,28	4,09
прочие работы, услуги	1 181 786,85	1,25
прочие расходы	709 874,5	0,75
2. Расходование по инвестиционной деятельности, в том числе:	32 883 504,76	34,71
2.1. Приобретение нефинансовых активов, из них:	32 883 504,76	34,71
приобретение основных средств	210 011,4	0,22
приобретение материальных запасов	32 673 493,36	34,49
3. Расходование по финансовой деятельности	0	0
Расходования всего (п. 1 + п.2 + п. 3)	94 741 849,93	100

Источник: отчет о движении денежных средств учреждения, собственные расчеты автора.

в том числе субсидия на выполнение государственного (муниципального) задания – 50,57%.

Притоки денежных средств от инвестиционных операций представлены только доходами от выбытия материальных запасов. Поступления денежных средств от финансовой деятельности не было.

Наибольшую долю в общем расходовании денежных средств учреждения за 2016 год составили выплаты по текущим операциям – 65,29%, оставшиеся 34,71% пришлось на инвестиционную деятельность. В составе выплат по текущей деятельности учреждения наибольший удельный вес занимают расходы по выплате заработной платы и страховым отчислениям – 54,61% в общей сумме совокупного оттока денежных средств. Оплата коммунальных услуг, услуг связи, транспортных услуг, услуг по содержанию имущества и др. составили в целом 10,68% в общей структуре оттоков денежных средств учреждения. В структуре выплат по инвестиционной деятельности значительна доля приобретения материальных запасов – 34,49% в общей структуре оттоков денежных средств, небольшую долю занимает приобретение основных средств – 0,22%. Оттоков денежных средств от финансовой деятельности у учреждения в 2016 году не было.

В таблице 3 представлены результаты расчета коэффициентов ликвидности денежных потоков учреждения.

Таким образом, текущая деятельность учреждения сгенерировала основной приток денежных средств, который был направлен на финансирование расходов от текущей и инвестиционной деятельности. Значение коэффициента ликвидности денежных потоков от текущей деятельности составило более 1,000–1,528 за 2016 год, при этом значение коэффициента ликвидности денежных потоков от инвестиционной деятельности – лишь 0,002. Ликвидность совокупного денежного потока – 0,999. Небольшой дефицит средств был покрыт средствами, находящимися во временном распоряжении учреждения.

В таблице 4 представлены результаты оценки эффективности денежных потоков.

Коэффициент доходности текущей деятельности учреждения показал формирование положительного сальдо денежных потоков по текущей деятельности, то есть после проведенных расходов по текущей деятельности у учреждения сформировались свободные остатки денежных средств (которые были израсходованы на инвестиционные операции), поэтому результат расчета коэффициента положительный – 0,346.

Коэффициент платных услуг показал значение 0,987, то есть 98,7% услуг, оказываемых учреждением, являются платными. Но финансирование платных услуг в рамках государственного (муниципального) составляет 0,506 или 50,6%. Таким образом, по резуль-

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

татам оценки эффективности можно сделать вывод об эффективном использовании субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания бюджетным учреждением, определить долю платных услуг и долю их финансирования за счет бюджетных и внебюджетных источников.

Таким образом, разработанная комплексная методика анализа денежных потоков, направленная на определение динамики и структуры их изменения, опреде-

ления достаточности финансирования деятельности (ликвидности денежных потоков) и эффективности использования денежных средств (включая бюджетных и внебюджетных средств от оказания платных услуг) при ее применении будет способствовать правильному финансовому планированию в части финансирования деятельности бюджетных учреждений и представлять значимость как для руководства бюджетного учреждения, так и для его учредителя.

Таблица 3. Оценка ликвидности денежных потоков ГБУ СОН «Психоневрологический интернат» в 2016 году

Наименование показателя	Значение
Положительный денежный поток от текущей деятельности учреждения (ПДП _{ТД}), руб.	94 544 484,29
Положительный денежный поток от инвестиционной деятельности учреждения (ПДП _{ИД}), руб.	62 174
Положительный денежный поток от финансовой деятельности учреждения (ПДП _{ФД}), руб.	0
Совокупный положительный денежный поток учреждения $\sum$ ПДП, руб.	94 606 658,29
Отрицательный денежный поток от текущей деятельности учреждения (ОДП _{ТД}), руб.	61 858 345,17
Отрицательный денежный поток от инвестиционной деятельности учреждения (ОДП _{ИД}), руб.	32 883 504,76
Отрицательный денежный поток от финансовой деятельности учреждения (ОДП _{ФД}), руб.	0
Совокупный отрицательный денежный поток учреждения $\sum$ ОДП, руб.	94 741 849,93
Коэффициент ликвидности денежного потока от текущей деятельности	1,528
Коэффициент ликвидности денежного потока от инвестиционной деятельности	0,002
Коэффициент ликвидности денежного потока от финансовой деятельности	0
Коэффициент ликвидности совокупного денежного потока	0,999

Источник: собственные расчеты автора.

Таблица 4. Оценка эффективности денежных потоков ГБУ СОН «Психоневрологический интернат» в 2016 году

Наименование показателя	Значение
1. Чистый денежный поток по текущей деятельности (ЧДП _{ТД}), руб.	32 686 139,12
2. Положительный денежный поток от текущей деятельности (ПДП _{ТД}), руб.	94 544 484,29
3. Положительный денежный поток от платных услуг (ПДП _{ПлУс}), руб., в том числе положительный денежный поток от платных услуг, финансируемых за счет субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания (ПДП _{ПлУсСуб}), руб.	93 378 484,29 47 838 626,2
4. Положительный денежный поток от текущей деятельности (ПДП _{ТД}), руб.	94 544 484,29
Коэффициент доходности текущей деятельности (п. 1/п. 2)	0,346
Коэффициент платных услуг (п. 3/п. 4)	0,987
Коэффициент платных услуг, финансируемых за счет субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания (п. 3.1/п. 4)	0,506

Источник: собственные расчеты автора.

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

Литература:

1. Базайкина М. В. Порядок учета и методика анализа денежных средств бюджетных учреждений // Экономика и социум. 2016. №4-1 (23). С. 163–167.
2. Валеев В. Р. Методические рекомендации по оценке эффективности использования межбюджетных трансфертов, выделяемых бюджетами муниципальных образований в рамках реализации целевых программ и проектов. М.: НИИ СП. 2010. 57 с.
3. Ганеева А. Р. Методика и инструментарий оценки эффективности и целевого использования субсидий, выделяемых субъектами Российской Федерации в рамках Федерального целевой программы развития образования на 2011–2015 годы по распространению современных моделей успешной социализации детей. М.: АС-Траст, 2012. 112 с.
4. Ендовицкий Д. А. Комплексный анализ финансового состояния образовательной организации // Экономический анализ : теория и практика. 2014. №25. С. 2–15.
5. Зубарев А. Л. Финансовый анализ автономного учреждения: ликвидность и платежеспособность. [электронный ресурс]. URL: <http://1fin.ru/?id=649> (дата обращения 10.10.2017)
6. Качанова Е. А., Третьяков М. Н. К вопросу о методике оценке экономической эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений в условиях реформирования бюджетного сектора экономики. [электронный ресурс]. URL: <http://municipal.uara.ru/en/issue/2014/03/11> (дата обращения 10.10.2017)
7. Макарова С. Н. Принципы формирования и методика оценки выполнения государственного (муниципального) задания / С. Н. Макарова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. №9. С. 25–34.
8. Марков С. Н. Методика оценки эффективности использования бюджетных расходов образовательными учреждениями / С. Н. Марков // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. №43. [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-ispolzovaniya-byudzhethnyh-rashodov-obrazovatelnyimi-uchrezhdeniyami> (дата обращения 10.10.2017)
9. Морозов В. А., Морозова О. К. Оценка эффективности деятельности бюджетного учреждения органами государственного и муниципального управления // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2010. №3. С. 13–14.
10. Познякова И. А. Измайлович С. В. Оценка платежеспособности бюджетной организации // Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. №5. С. 59–63.
11. Сидоренко О. В. Методические аспекты экономического анализа деятельности бюджетных учреждений // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. №10. С. 15–18.
12. Фролкин А. В. Разработка методов оценки финансового состояния бюджетных и автономных учреждений с учетом особенностей их финансовой деятельности // Экономический анализ: теория и практика. 2016. №10. С. 106–118.
13. Чалая Ю. Ю. Особенности формирования и исполнения муниципальных заданий // Руководитель бюджетной организации. Финансы. 2010. №5. С. 19–27.
14. Черников О. С., Прохорова А. В. Субсидия на выполнение государственного задания как элемент программного бюджета // Вестник Тверского государственного университета. 2016. №4. С. 77–81.
15. Шаймарданова Д. Р. Совершенствование методики экономического анализа деятельности бюджетных организаций // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. №2. С. 177–181.
16. Шубина Т. В., Фролкин А. В. Возможность применения традиционных методов финансового анализа при оценке эффективности деятельности бюджетных и автономных учреждений // Микроэкономика. 2015. №4. С. 46–51.
17. Якубова А. Р. Экономические критерии оценки эффективности использования государственной субсидии, выделенной на выполнение государственного задания // В сборнике: Управление контрактной системой в сфере закупок города Москвы на основе принципа профессионализма заказчиков сборник научных статей по материалам научно-исследовательского семинара. 2016. С. 121–124.
18. Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений: Приказ Минфина РФ от 25 марта 2011 г. №33н. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
19. Гладковская Е. Н. Финансы. Стандарт третьего поколения : учеб. пособие. СПб.: Питер, 2012.

References:

1. Bazaykina M. V. Accounting procedure and methodology for analyzing the cash of budget institutions // Economics and society. 2016. №4-1 (23). P. 163–167.
2. Valeev V. R. Methodical recommendations on the evaluation of the effectiveness of the use of interbudgetary transfers allocated by budgets of municipalities within the framework of the implementation of targeted programs and projects. M.: SRI of the SP. 2010. 57 p.
3. Ganeeva A. R. Methodology and tools for assessing the effectiveness and targeted use of subsidies allocated by the subjects of the Russian Federation in the framework of the Federal Targeted Program for the Development of Educa-

Гладковская Е. Н., Максимова Т. В.

- tion for 2011–2015 to disseminate modern models of successful socialization of children. M.: AS-Trust, 2012. 112 p.
4. Endovitsky D. A. Comprehensive analysis of the financial state of the educational organization // *Economic analysis: theory and practice*. 2014. №25. P. 2–15.
  5. Zubarev A. L. Financial analysis of an autonomous institution: liquidity and solvency. [e-resource]. URL: <http://ifin.ru/?id=649> (date of reference 10.10.2017)
  6. Kachanova E. A., Tretyakov M. N. On the question of the methodology for assessing the economic efficiency of the activities of state (municipal) institutions in the conditions of reforming the budgetary sector of the economy. [e-resource]. URL: <http://municipal.uapa.ru/en/issue/2014/03/11> (date of reference 10.10.2017)
  7. Makarova S. N. Principles of formation and methodology for assessing the performance of the state (municipal) task // *Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2015. №9. P. 25–34.
  8. Markov S. N. Methodology for assessing the effectiveness of using budgetary expenditures by educational institutions // *Management of economic systems: electronic scientific journal*. 2012. №43. [e-resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-ispolzovaniya-byudzhethnyh-rashodov-obrazovatelnyimi-uchrezhdeniyami> (date of reference 10.10.2017)
  9. Morozov V. A., Morozova O. K. Estimation of the effectiveness of the activity of a budgetary institution by state and municipal government // *Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2010. №3. P. 13–14.
  10. Poznyakova I. A., Izmailovich S. V. Assessment of the solvency of a budgetary organization // *Bulletin of the Polotsk State University*. 2014. №5. P. 59–63.
  11. Sidorenko O. V. Methodical aspects of the economic analysis of the activity of budgetary institutions // *Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2015. №10. P. 15–18.
  12. Frolkin A. V. Development of methods for assessing the financial state of budgetary and autonomous institutions, taking into account the specifics of their financial activities // *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016. №10. P. 106–118.
  13. Chalaya Yu. Y. Features of formation and execution of municipal // *Head of budget organization. Finance*. 2010. №5. P. 19–27.
  14. Chernikin O. S., Prokhorov A. V. Grant for the performance of the state task as an element of the program budget // *Bulletin of the Tver State University*. 2016. №4. P. 77–81.
  15. Shaymardanova D. R. Perfection of the method of economic analysis of the activity of budgetary organizations // *Modern problems of social and humanitarian sciences*. 2016. №2. P. 177–181.
  16. Shubina T. V., Frolkin A. V. The possibility of applying traditional methods of financial analysis in assessing the effectiveness of budgetary and autonomous institutions // *Microeconomics*. 2015. №4. P. 46–51.
  17. Yakubova A. R. Economic criteria for assessing the effectiveness of the use of government subsidies allocated for the performance of government // In the collection: *Managing the contract system in the procurement of Moscow based on the principle of professionalism of customers*, a collection of scientific articles on the materials of the research seminar. 2016. P. 121–124.
  18. On approval of the Instruction on the procedure for drawing up, submission of annual, quarterly accounting statements of state (municipal) budgetary and autonomous institutions: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of March 25, 2011 №33n. Access from rights. system “ConsultantPlus”
  19. Gladkovskaya E. N. *Finance. Third Generation Standard: Textbook. allowance*. SPb: Peter, 2012. 320 p.

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Пиньковецкая Ю. С.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления,
Ульяновский государственный университет (Россия), 432017, Россия, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, contact@ulsu.ru

УДК 334.7-055.2

ББК 65.290-649

Цель. Оценка сложившихся уровней ранней предпринимательской активности женщин и их мотивационных предпочтений при создании собственного бизнеса. Сравнительный анализ ранней женской и мужской предпринимательских активностей.

Методы. Исследование базируется на методах экономико-статистического анализа. В качестве исходных данных была использована информация, полученная в 2016–2017 годах в процессе обследования женского предпринимательства в 74 странах, представленная в отчете по проекту глобального мониторинга предпринимательства (GEM). В процессе моделирования использовались функции плотности нормального распределения. Проверка, проводившаяся на основе критериев Колмогорова–Смирнова, Пирсона и Шапиро–Вилка показала, что полученные по итогам вычислительного эксперимента функции обладают высоким качеством аппроксимации эмпирических данных.

Результаты. Выявлены особенности женского предпринимательства и барьеры, тормозящие его развитие. Выполнен анализ ранней предпринимательской активности женщин, которая в среднем по всем рассматриваемым странам достигала 10,8% от общей численности взрослых трудоспособных женщин в возрасте от 18 до 64 лет. Оценены сложившиеся уровни добровольной и вынужденной мотивации женщин. Доказано преобладание добровольной мотивации в абсолютном большинстве стран. Проведен сравнительный анализ соотношения женской и мужской ранней предпринимательской активности, а также соотношений удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин. Показано, что последнее соотношение к настоящему времени во всех странах превышает 80%. Определены страны с высокими и низкими значениями рассматриваемых показателей.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании распределения показателей, характеризующих мотивацию женщин предпринимателей и сложившегося гендерного разрыва между ними и мужчинами-предпринимателями. Предложены новые методы и инструменты такого анализа. Приведен сравнительный анализ развития женского предпринимательства в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: женское предпринимательство, малый и средний бизнес, ранняя предпринимательская активность, мотивация, вынужденные предприниматели, добровольные предприниматели.

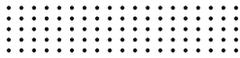
DEVELOPMENT OF WOMEN ENTREPRENEURSHIP: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS

Pinkovetskaya Yu. S.

candidate of Economics, associate professor, associate professor of the Department of Economic Analysis and Public Administration,
Ulyanovsk State University (Russia), 432017, Russia, Ulyanovsk, Leo Tolstoy str., 42, contact@ulsu.ru

Purpose. Assessment of the existing levels early entrepreneurial activity of women and their motivational preferences in creating their own business. Comparative analysis of the early women's and men's entrepreneurial activities.

Methods. The study is based on the methods of economic and statistical analysis. The information obtained in the 2016–2017 survey of women's entrepreneurship in 74 countries, presented in the report of Global entrepreneurship monitor (GEM) project, that was used as a baseline. Normal distribution density functions were used in the modeling process. The test conducted on the basis of Kolmogorov–Smirnov, Pearson and Shapiro–Wilk criteria showed that the functions obtained from the computational experiment have a high quality of empirical data approximation.

Results. The features of women's entrepreneurship and barriers hindering its development are revealed. The analysis of early women entrepreneurial activity, which on average reached 10.8% of the total number of adult women aged 18 to 64 years in all countries under consideration, was made. The existing levels of voluntary and forced motivation of women are estimated. Proved the preponderance of the voluntary motivation in the majority of countries. A comparative analysis ratio of women's and men's early entrepreneurial activity, as well as ratio of share voluntary motivation in women and men. It is shown that the last ratio to date in all countries exceeds 80%. The countries with high and low values of the considered indicators are defined.

Scientific novelty. Scientific novelty lies in the study on the distribution of indicators characterizing the motivation of women entrepreneurs and the existing gender gap between them and men entrepreneurs. New methods and tools of such analysis are proposed. Presented comparative analysis development of women's entrepreneurship in Russia and foreign countries.

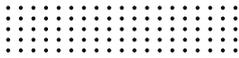
Key words: women's entrepreneurship, early entrepreneurial activity, motivation, forced entrepreneurs, voluntary entrepreneurs.

Малое и среднее предпринимательство получило развитие в Российской Федерации в процессе трансформации государственной экономики в рыночную начиная с 1992 года. Таким образом, к настоящему времени этот сектор национальной экономики существует в нашей стране немногим более 25 лет. Соответственно, столько же лет и женскому предпринимательству в России.

Вопросам женского предпринимательства в России исследователи уделяли недостаточно внимания. Ряд научных работ был опубликован только после 2002 года. В работе В. А. Морозова [1] сделан вывод, что формирование сообщества женщин, владельцев бизнесов, на начальном этапе основывалось на инициативе части инженерно-технической интеллигенции в процессе трансформации государственных предприятий и организаций. Обзор И. В. Долгоруковой и А. Н. Колесникова [2] посвящен отличиям, характерным для женского предпринимательства. В статье З. А. Грицаюк [3] показано, что при наличии дискриминации женщин на рынке труда, большинство женщин-предпринимателей не видят существенных проявлений недоверия к ним со стороны представителей власти и бизнесменов-мужчин. В работе Г. Х. Гильмановой [4] основное внимание уделено развитию женского предпринимательства в условиях Башкортостана. При этом делается вывод о том, что большинство женщин начинают свой бизнес, поскольку не могут зарабатывать другим образом. Особенности предпринимательства в другом регионе (Омской области) рассмотрены в статье Е. А. Кипевар и М. А. Севеловой [5]. В статье указывается, что среди российских предпринимателей в нулевых годах женщины составляли от 25% до 30%. Причем, среди женских бизнесов преобладали предприятия с малой численностью работников. Анализ барьеров, противодействующих женскому предпринимательству, приведен в работе Л. В. Московцевой [6]. В ней же указывается, что доля женщин в бизнесе

в 1997 году составляла всего 18% от общего количества предпринимателей. Ю. С. Семенова [7] обращает внимание на то, что среди женщин-предпринимателей преобладают женщины с высшим специальным образованием, среднего и зрелого возраста (относящиеся к группе потенциального риска по безработице). При этом проявлять инициативу и самостоятельную творческую активность решаются в основном женщины, имеющие значительный опыт руководящей работы, либо обладающие не только высокой квалификацией, но и необходимыми материальными ресурсами и связями для создания и развития своего бизнеса. В статье М. А. Полутовой [8] демонстрируются возможности развития женского предпринимательства в постиндустриальный период, когда преобладающим видом продукции становятся не товары, а услуги. Итоги интервью, проведенных А. Е. Колобовой [9], показали большое значение предпринимательской активности для женщин старшего и среднего возраста, которые занялись предпринимательством, имея альтернативой только безработицу. В своем исследовании Р. Р. Галлямов [10] доказывает, что главными мотивами для организации своего бизнеса женщинами являются потребность в самореализации и желание иметь высокие доходы. По его мнению, они стремятся в первую очередь добиться успеха, независимости и высокого социального статуса. В статье Н. Ю. Уткиной [11] сформулированы гендерные проблемы и социокультурные стереотипы современного предпринимательства, в том числе мешающие деловой активности женщин.

Проблема существенного увеличения объемов производства товаров и услуг силами женского предпринимательства требует понимания его особенностей и отличий от мужского предпринимательства. Для разработки мероприятий по увеличению вклада женщин в предпринимательство и снижения сложившегося гендерного разрыва в количестве предприятий, которыми владеют женщины и мужчины, необходимо исследо-

вание широкого круга вопросов, связанных с женским предпринимательством. К сожалению, феномену женского предпринимательства в отечественных исследованиях уделялось неоправданно мало внимания. Поэтому актуальным в настоящее время является анализ закономерностей, характеризующих сложившийся уровень предпринимательской активности женщин, а также выявление резервов роста женского предпринимательства.

Проведенные зарубежные исследования демонстрируют положительное влияние женщин-предпринимателей на экономический рост, увеличение занятости и снижение социальной напряженности во многих странах [1, 13–14]. По мнению авторов работы [15], более полное использование потенциала, который имеют женщины-предприниматели, предусматривающее их участие в экономике на уровне, сопоставимом с мужчинами, способно увеличить на 26% мировой внутренний валовой продукт. В последние годы был опубликован ряд статей, направленных на углубление понимания роли женщин и их вовлеченность в предпринимательскую деятельность [16–18]. Так, женщины-предприниматели сталкиваются с более серьезными проблемами как при создании собственных бизнесов и в процессе их деятельности по сравнению с мужчинами-предпринимателями. Такие проблемы не являются уникальными для отдельных стран, они ярко выражены как в развивающихся странах, так и в экономически развитых странах. К числу проблем, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, относятся объективные и субъективные. Объективные проблемы обусловлены трудностями в достижении баланса между предпринимательством и личной жизнью, в том числе с уходом за детьми, выполнением домашних и семейных обязанностей [19–20]. Субъективные проблемы вызваны социально-культурными предубеждениями, наличием институциональных, правовых и налоговых пробелов в законодательстве многих стран, а также сложившимися в настоящее время стереотипами, связанными с ролью женщин, особенно в патриархальных обществах [21–23]. Доказательства того, что в настоящее время все еще широко распространены так называемый гендерный разрыв в предпринимательстве, связанный с преобладанием мужчин в качестве владельцев бизнесов, приведены в статье [24]. В работе [25] рассматриваются некоторые гендерные стереотипы, а также индивидуальные, институциональные и структурные барьеры, сдерживающие предпринимательскую активность женщин.

Изучение мотивов для открытия собственного бизнеса является популярной темой в научных исследованиях. Так факторы, связанные с отсутствием других возможностей зарабатывать себе на жизнь, приведены в статье [26]. Эти факторы, определяющие вынужден-

ное предпринимательство могут включать безработицу, плохие перспективы карьерного роста, неприемлемые условия работы, профессиональную неудовлетворенность, отсутствие детских учреждений. Наряду с вынужденной мотивацией имеет место и добровольная мотивация. В качестве факторов добровольной мотивации в статье [27] упоминаются такие, как стремление к независимости, автономии, самореализации, удовлетворенности работой, а также социальные цели, стремление к богатству. В исследованиях женского предпринимательства подчеркивалось наличие двойной нагрузки на женщин-предпринимателей: производственной и семейной [28]. При этом указывалось, что одним из достоинств предпринимательской деятельности по сравнению с наемным трудом, для женщин является возможность использования нестандартных графиков работы, которые позволяют снизить проблему ухода за детьми и пожилыми членами семьи. Гибкие графики, как и расширение возможностей для работы на дому, обеспечивают хороший баланс между производственной деятельностью, семейной жизнью, а также финансовыми потребностями [29].

Целью исследования, итоги которого приведены в настоящей статье, являлась комплексная оценка ранней предпринимательской активности женщин и их мотивационных предпочтений при создании собственного бизнеса в различных странах. В процессе исследования были решены следующие задачи:

- изучены значения женской предпринимательской активности на ранних стадиях в различных странах в 2016–2017 годах;
- оценены значения добровольной и вынужденной мотивации в женском предпринимательстве;
- проведен анализ гендерного разрыва, характерного для женской и мужской предпринимательской активности на ранних стадиях.

Решение указанных задач основывалось на информации, описанной в отчете по проекту глобального мониторинга предпринимательства (GEM) за 2016–2017 годы [30]. Глобальный мониторинг предпринимательства направлен на организацию страновых исследований развития предпринимательства и предпринимательской активности. Указанный проект основывается на опросе взрослого трудоспособного населения (то есть граждан в возрасте от 18 до 64 лет) с помощью специально разработанных анкет. В процессе глобального мониторинга за 2016–2017 годы были собраны данные, характеризующие широкий круг показателей по 74 странам.

Уровень предпринимательской активности на ранних стадиях (называемой также РПА), описывает удельный вес (%) количества граждан каждой из стран, включенных в проект GEM в возрасте от 18 до 64 лет, находящихся в момент проведения социологического

Пиньковецкая Ю. С.

Таблица 1. Характеристика ранней предпринимательской активности (РПА) женщин, %

Страна	РПА	Страна	РПА	Страна	РПА	Страна	РПА
Сенегал	36,8	Аргентина	13,1	Пуэрто-Рико	7,7	Швейцария	5,3
Эквадор	30,2	Панама	12,3	Индия	7,6	Тунис	5,3
Буркина-Фасо	30,2	Эстония	11,7	Словакия	7,6	Тайвань	5,2
Ботсвана	30,1	Австралия	11,5	Румыния	7,5	Словения	5,1
Белиз	27,3	США	10,5	Египет	7,5	Венгрия	5,0
Камерун	26,5	Турция	10,0	Кипр	7,3	Бельгия	5,0
Колумбия	24,7	Мексика	10,0	Ирландия	7,3	Греция	4,8
Перу	24,0	Уругвай	9,9	Катар	6,8	Испания	4,7
Бразилия	19,9	Саудовская Аравия	9,7	Гонконг	6,5	Малайзия	4,5
Барбадос	19,8	Латвия	9,6	Грузия	6,5	Марокко	4,5
Чили	19,8	Казахстан	9,5	Люксембург	6,5	Болгария	4,3
Филиппины	19,5	Израиль	9,4	Швеция	6,3	Норвегия	3,8
Гватемала	16,4	Иран	8,9	Португалия	6,1	Македония	3,7
Ливан	16,1	Ямайка	8,8	ЮАР	5,9	ОАЭ	3,7
Таиланд	15,7	Китай	8,6	Россия	5,7	Франция	3,4
Индонезия	15,6	Нидерланды	8,6	Хорватия	5,6	Италия	3,3
Вьетнам	15,5	Польша	8,1	Финляндия	5,6	Иордания	3,3
Сальвадор	13,6	Австрия	8,1	Великобритания	5,6	Германия	3,1
Канада	13,3			Южная Корея	5,3	В среднем	10,8

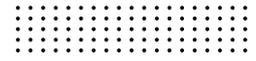
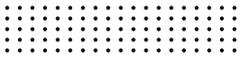
опроса в процессе открытия бизнеса или владеющими новым бизнесом менее 42 месяцев, в общей численности женщин (мужчин) указанных возрастов в рассматриваемой стране.

Оценка сложившейся мотивации, характерной для ранней предпринимательской активности женщин, включала два основных вида мотивов, рассмотренных ранее, а именно добровольную мотивацию и вынужденную мотивацию, и соответственно два типа предпринимателей. Первый тип – это добровольные предприниматели (называемые также предпринимателями по возможности). К ним относятся взрослые трудоспособные граждане, которые используют открывающиеся возможности и стремятся получить преимущества от предпринимательской деятельности по сравнению с работой по найму. К числу таких преимуществ относятся увеличение доходов от своего труда, получение независимости в деятельности, повышение социального статуса, возможность самореализации и творческой активности. Второй тип – это вынужденные предприниматели (называемые также предпринимателями по необходимости). К ним относятся граждане, которые пытаются начать свой бизнес в связи с отсутствием других путей для получения доходов. Мотивация предпринимателей влияет на предпринимательские

устремления. Вынужденные предприниматели, зачастую, при появлении возможности трудоустройства на наемную работу (с сопоставимым заработком) предпочитают перейти на эту работу. Соответственно, бизнесы, созданные такими предпринимателями, имеют низкую выживаемость. Краткосрочность горизонта деятельности приводит к меньшему желанию владельцев производить инвестиции в развитие и рост своего бизнеса. В этом заключается наиболее существенное различие добровольных и вынужденных предпринимателей. Добровольные предприниматели все свои силы направляют на развитие и совершенствование бизнеса, получение от него максимального положительного эффекта. Информация, полученная в процессе глобального мониторинга, показывает, что добровольные предприниматели чаще осваивают новые рынки, создают инновационные продукты и услуги, планируют наращивание количества рабочих мест.

Анализ гендерного разрыва, характерного для женской и мужской предпринимательской активности на ранних стадиях в конкретных странах, был основан на расчете соответствующих соотношений по каждой из 74 стран, вошедших в проект GEM за 2016–2017 годы.

Для обеспечения сопоставимости показателей по странам, исследования были основаны на относитель-

ных показателях. Рассматривались три группы показателей. К первой группе относились значения ранней предпринимательской активности, сложившиеся в рассматриваемый период в каждой из входивших в проект мониторинга стран. Вторая группа показателей описывала сложившуюся мотивацию женщин-предпринимателей и включала удельные веса соответственно добровольных и вынужденных предпринимателей в их общей численности по всем странам. Третья группа показателей была связана со сравнительным анализом ранней женской и мужской предпринимательской активности и включала два показателя:

- соотношения уровней РПА, характерных для женщин и мужчин в рассматриваемых странах;
- соотношения удельных весов добровольных предпринимателей среди женщин и мужчин в общих значениях соответственно ранней женской и мужской предпринимательской активности по каждой из стран.

В процессе исследований были выдвинуты и проверялись следующие гипотезы: показатели второй и третьей групп имеют существенную дифференциацию по странам. Для проверки этих гипотез проводилось моделирование распределения показателей по всем 74 странам. Моделирование было основано на оценке функций нормального распределения [31].

Значения женской предпринимательской активности на ранних стадиях по 74 странам, приведены в таблице 1. Значения РПА представлены в порядке их убывания. Кроме того, в последней ячейке таблицы 1, указано среднее значение РПА по всем 74 странам.

Как показывают данные, приведенные в таблице 1, уровни ранней предпринимательской активности женщин, находятся в очень широком диапазоне значений (от 3,1% до 36,8%). При этом, средняя по всем 74 странам величина равна 10,8%. Наиболее высокие уровни ранней предпринимательской активности женщин (от 24% до 36,8%) отмечаются в таких странах, как Сенегал, Буркина-Фасо, Ботсвана и Камерун, расположенных в Африке (к югу от Сахары), а также находящихся в Латинской Америке – Эквадоре, Белизе, Колумбии и Перу.

В семи из 74 стран, включенных в выборку, отмечаются низкие (от 3% до 4%) показатели ранней предпринимательской активности женщин. Четыре из них высокоразвитые европейские страны, в которых у наемных работников хорошие экономические и социальные условия, зачастую лучшие, чем у начинающих предпринимателей. Кроме того можно указать на некоторые аспекты, сдерживающие развитие женского предпринимательства в ряде европейских стран. Так, отсутствие доступных детских учреждений существенно ограничивает возможности предпринимательской деятельности женщин. В ряде европейских стран социальная и налоговая политика оказывает

негативное влияние на развитие женского предпринимательства в том, что касается уровня социального обеспечения, связанного с предпринимательской деятельностью. В качестве примера можно указать Германию, которая характеризуется довольно традиционным распределением рабочей силы, где мужчины обеспечивают основной вклад в доходы, а женщины в большей степени связаны с уходом за детьми. Именно поэтому ранней предпринимательской активностью охвачено всего 3,1% немецких женщин.

Вместе с тем, в таких экономически развитых странах, как США, Австралия и Канада уровни РПА существенно выше, по сравнению с европейскими странами, поскольку в них реализуются программы развития женского предпринимательства.

Во многих странах отставание ранней предпринимательской активности женщин от аналогичного показателя по предпринимателям-мужчинам обусловлено, на наш взгляд, большой нагрузкой женщин в семье, наличием барьеров, обусловленных имеющимися культурными, социальными и религиозными стереотипами, а также требованиями к образовательному уровню предпринимателей.

Оценка достигнутого удельного веса добровольных и вынужденных женщин-предпринимателей в общей ранней предпринимательской активности женщин основывалось на информации, полученной в процессе глобального мониторинга. Вычислительный эксперимент по экономико-математическому моделированию эмпирических данных по 74 рассматриваемым странам основывался, как указано выше, на разработке функций плотности нормального распределения.

Функции, характеризующие сложившуюся мотивацию женщин-предпринимателей и описывающие удельные веса (x_1 , % и x_2 , %) соответственно добровольных и вынужденных предпринимателей в их общей численности, приведены далее:

- по добровольным предпринимателям

$$y_1(x_1) = \frac{601,25}{12,56 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 70,92)^2}{2 \cdot 12,56 \cdot 12,56}}, \quad (1)$$

- по вынужденным предпринимателям

$$y_2(x_2) = \frac{518,00}{12,28 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 26,01)^2}{2 \cdot 12,28 \cdot 12,28}}, \quad (2)$$

Сравнительный анализ ранней женской и мужской предпринимательской активности проводился, как указывалось ранее, по двум показателям: уровням такой активности и удельным весам добровольных предпринимателей среди женщин и мужчин. Анализ основывался на относительных индикаторах, а именно соотношениях женской и мужской ранней предприни-

Таблица 2. Расчетные значения статистик

Номер функции	Расчетные значения по критериям качества		
	Колмогорова-Смирнова	Пирсона	Шапиро-Вилка
1	2	3	4
(1)	0,05	2,61	0,97
(2)	0,06	4,58	0,95
(3)	0,10	4,56	0,94
(4)	0,07	2,05	0,96

мательской активности по каждой из стран (x_3), а также соотношениях удельных весов добровольной мотивации женщин и мужчин (x_4). Разработанные функции плотности нормального распределения, приведены далее:

- по соотношению женской и мужской ранней предпринимательской активности

$$y_3(x_3) = \frac{14,80}{0,20 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-0,69)^2}{2 \cdot 0,20 \cdot 0,20}}, \quad (3)$$

- по соотношению удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин

$$y_4(x_4) = \frac{8,46}{0,11 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-0,94)^2}{2 \cdot 0,11 \cdot 0,11}}. \quad (4)$$

Проверка того, насколько хорошо функции нормального распределения аппроксимируют изученные данные, основана на применении критериев согласия, вытекающих из теории математической статистики. В таблице 2 приведены фактические значения статистик по итогам вычислительного эксперимента.

Автор использовал критерии Колмогорова-Смирнова, Пирсона и Шапиро-Вилка. Эти критерии позволяют сравнить эмпирическое распределение исследуемых показателей с теоретическими, описанными функциями нормального распределения. Они демонстрируют уровень отклонения эмпирических данных от указанных функций. В таблице 2. приведены расчетные значения соответствующих статистик. Расчетные значения статистик по критерию Колмогорова-Смирнова (приведенные во втором столбце таблицы 2) составляют от 0,05 до 0,10, что меньше табличного значения 0,152 при уровне значимости 0,05. Аналогичным образом, расчетные значения критерия Пирсона (приведенные в третьем столбце таблицы 2) составляют от 2,05 до 4,58, что меньше табличного значения, равного 9,49. Расчетные значения критерия Шапиро-

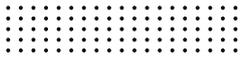
Вилка (приведенные в четвертом столбце таблицы 2) составляют от 0,94 до 0,97. Эти величины больше, чем табличное значение 0,93 при уровне значимости 0,01. Таким образом, все разработанные модели (1)-(4) обладают высоким качеством по всем критериям и хорошо описывают аппроксимируемые данные.

Функции плотности нормального распределения позволяют определять средние значения рассматриваемых показателей ранней предпринимательской активности женщин. Соответствующие показатели приведены в таблице 3. В этой же таблице представлены интервалы изменения рассматриваемых показателей (столбцы 3), характерные для большинства (68%) стран. Интервалы рассчитываются исходя из средних значений показателей и величин стандартных отклонений. При этом для расчета границ интервала к среднему значению показателя соответственно прибавляется и вычитается указанное отклонение. Средние значения и интервалы изменения показателей в таблице 3 соответствуют функциям плотности нормального распределения функций (1)-(4).

Данные, приведенные в таблице 3, свидетельствуют о преобладании добровольной мотивации современных женщин-предпринимателей в абсолютном большинстве стран. Наиболее высокие индикаторы добровольной мотивации женщин-предпринимателей (от 86% до 94%), имеют место в таких странах, как Италия, Франция, США, Саудовская Аравия, Катар, Швеция, Израиль, Норвегия, Малайзия. В России уровень добровольной предпринимательской активности женщин составляет 63,1%. Значения добровольной мотивации менее 50% (от 44% до 50%) отмечаются всего в четырех странах: Грузии, Бельгии, Ямайке и Словакии. При этом, только в Грузии вынужденная ранняя предпринимательская активность достигает 55%. В остальных трех странах этот показатель менее 50%.

Таблица 3. Средние значения и интервалы изменения показателей

Показатель	Среднее значение	Интервал изменения
Удельный вес добровольных предпринимателей-женщин, %	70,92	58,36–83,48
Удельный вес вынужденных предпринимателей-женщин, %	26,01	13,73–38,29
Соотношение женской и мужской ранней предпринимательской активности	0,69	0,49–0,89
Соотношение удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин	0,94	0,83–1,05

Пиньковецкая Ю. С.

Средний уровень вынужденной предпринимательской активности женщин, как следует из таблицы 3, составляет 26,01 %. По абсолютному большинству (84%) рассматриваемых стран этот показатель не превышает 38,29%. Ниже этого значения показатель по России – 31,7%, что свидетельствует о небольшой доле соотечественниц, вынужденных создавать бизнес от безвыходного положения.

Сравнительный анализ ранней женской и мужской предпринимательской активности проводился по двум показателям, а именно уровням такой активности и удельным весам добровольных предпринимателей среди женщин и мужчин. Наиболее высокие значения этих соотношений (от 1,0 до 1,3) имеют место в пяти странах: Филиппинах, Вьетнаме, Индонезии, Бразилии и Мексике. Именно в этих странах уровни предпринимательской активности женщин равны или выше, чем у мужчин. Эти страны расположены в двух регионах: Азии (Индонезия, Филиппины и Вьетнам) и Латинской Америке (Мексика и Бразилия). Самое высокое соотношение женщин и мужчин в предпринимательской активности наблюдается во Вьетнаме, где женщины на одну треть чаще начинают бизнес, чем мужчины. Необходимо отметить, что все эти страны относятся к категории развивающихся. Значения женской и мужской ранней предпринимательской активности, равное 0,9, отмечается в таких странах, как Казахстан, Белиз, Эквадор, Сальвадор, Перу, Барбадос, Камерун, Сенегал и Малайзия. Минимальные значения указанного соотношения (0,3–0,4) отмечаются только в шести странах: Македонии, Турции, Кипре, Египте, Тунисе и Иордании. То есть, в 68 странах из 74, значения соотношений женской и мужской ранней предпринимательской активности составляют от 0,5 и выше. Таким образом, гендерное неравенство в предпринимательской активности в абсолютном большинстве стран меньше 50%. Отметим, что в России в 2016 году соотношение женской и мужской ранней предпринимательской активности составляло 0,8.

Среднее значение по всем рассматриваемым странам соотношения удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин, достигает 0,94. Наиболее высокие значения соотношений удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин (от 1,1 до 1,2) имеют место в таких странах, как Италия, Норвегия, Румыния, Катар, Тайвань, Гонконг, Израиль, Норвегия, Иран, Ливан и Малайзия. То есть, в этих странах уровень добровольной мотивации у женщин существенно выше, чем уровень добровольной мотивации у мужчин. Минимальные значения указанного соотношения (0,6) отмечаются только в двух странах: Бельгии и Нидерландах. То есть, в 72 странах из 74 значения соотношений удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин составляют от 0,8 и выше.

В целом, можно сделать вывод, что в настоящее время гендерный разрыв в добровольной мотивации женщин и мужчин относительно не велик. В России соотношение удельных весов добровольной мотивации у женщин и мужчин составляет 0,9.

Данные таблицы 3 показали, что гипотеза о существенной дифференциации показателей, относящихся ко второй группе, получила свое подтверждение. Вместе с тем, соотношения добровольной мотивации женщин и мужчин по большинству стран, как следует из последней строки таблицы 3, отличаются не очень сильно. Это позволяет сделать вывод об отсутствии существенной дифференциации показателей третьей группы по рассматриваемым 74 странам.

В процессе исследования был проведен анализ развития женского предпринимательства в России в 2016 году. При этом, наряду с итогами нашей работы, были использованы данные, приведенные в отчете [32]. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

- женское предпринимательство в России, как и предпринимательство в целом, развивается в нашей стране уже четверть века. При этом только в последние десять лет участие женщин в предпринимательстве получило значительное развитие;
- общее количество женщин, вовлеченных в предпринимательство, достигло в 2016 году 5,2 миллиона человек в России;
- гендерный разрыв в предпринимательской активности в последние годы существенно сократился;
- добровольных ранних предпринимателей-женщин было почти в два раза больше, чем вынужденных ранних предпринимателей;
- уровень предпринимательской активности женщин на ранних стадиях по России превышал аналогичные показатели по таким экономически развитым европейским странам, как Германия, Италия, Франция;
- доля женщин в общем количестве начинающих собственный бизнес в нашей стране достигала 47%;
- соотношение женской и мужской предпринимательской активности на ранних стадиях в России было значительно выше аналогичных показателей по США и крупнейшим экономикам Европейского Союза.

Научная новизна заключается в исследовании распределения показателей, характеризующих мотивацию женщин предпринимателей и сложившегося гендерного разрыва между ними и мужчинами-предпринимателями. Предложены новые методы и инструменты такого анализа. Их использование возможно в последующих научных исследованиях, при обосновании развития женского предпринимательства в России и ее регионах. Результаты исследования могут быть использованы в учебной деятельности высших и средних специальных учебных заведений, научными работ-

никами, а также сотрудниками органов государственного и муниципального управления.

Социальная значимость исследования связана со снижением предрассудков и стереотипов в отношении женщин-предпринимателей в России и получением данных, подтверждающих возможности самореализации женщин путем создания собственных бизнесов.

Дальнейшие исследования женского предпринимательства могут быть связаны с обоснованием мероприятий по развитию этого сектора национальной экономики и обеспечению целевой поддержки женщин-предпринимателей со стороны органов власти, финансовых учреждений и общественных организаций.

Литература:

1. Морозов В. А. С надеждой на женщин. Женское предпринимательство как основа развития малого бизнеса // Российское предпринимательство. 2003. № 3. С. 3–10.
2. Долгорукова И. В., Колесников А. Н. Аз... Буки... Леди... Возможность самовыражения женщины в малом бизнесе // Российское предпринимательство. 2004. № 3. С. 3–8.
3. Грицаюк З. А. Дискриминация женщин в реальном секторе экономики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2006. № 1. С. 161–170.
4. Гильманова Г. Х. Региональные особенности развития женского предпринимательства в российском обществе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 9(73). С. 31–36.
5. Кипервар Е. А., Севелова М. А. Женское предпринимательство: особенности и перспективы развития в регионах (на примере Омской области) // Омский научный вестник. 2009. № 2(76). С. 96–99.
6. Московцева Л. В. Социально-экономические условия женского предпринимательства в российском малом и среднем бизнесе // ФЭС: Финансы. Экономика. 2011. № 8. С. 12–14.
7. Семенова Ю. А. О социальном механизме оптимизации женского предпринимательства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 1. С. 33–35.
8. Полутова М. А. Специфика генезиса женского предпринимательства в постиндустриальный период // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12-4. С. 53–55.
9. Колобова А. Е. Женщины-предпринимательницы среднего и старшего возраста: штрихи к портрету // Женщина в российском обществе. 2016. № 1(78). С. 51–59.
10. Галлямов Р. Р. Особенности женского предпринимательства в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3(131). С. 56–67.
11. Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1(82). С. 17–27.
12. Cuberes D., Teignier M. Aggregate Effects of Gender Gaps in the Labor Market: A Quantitative Estimate. Economics Working Paper E14/308, University of Barcelona, Barcelona. [электронный ресурс]. 2015. URL: http://www.marcteignier.com/research_files/GGLMAP_CT.pdf (дата обращения: 28.08.2018).
13. Fetsch E., Jackson C., Wiens J. Women Entrepreneurs are Key to Accelerating Growth. Kauffman Foundation. 2015. [электронный ресурс]. URL: <http://www.kauffman.org/what-we-do/resources/entrepreneurship-policy-digest/women-entrepreneurs-are-key-to-accelerating-growth> (дата обращения: 28.08.2018).
14. Lewis K. V., Henry C., Gatewood E. J., Watson J. Women's Entrepreneurship in the 21st Century: An International Multi-Level Research Analysis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2014.
15. Woetzel J., Madgavkar A., Ellingrud K., Labaye E., Devillard S., Kutcher E., Manyika J., Dobbs R., Krishnan M. The Power of Parity: How Advancing Women's Equality Can Add \$12 Trillion to Global Growth. Washington, DC: McKinsey & Co. 2015.
16. Aidis R., Weeks J. Mapping the Gendered Ecosystem: The Evolution of Measurement Tools for Comparative High-Impact Female Entrepreneur Development // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2016. № 8 (4). P. 330–352.
17. Golla A. M., Malhotra A., Nanda P., Mehra R. Understanding and Measuring Women's Economic Empowerment: Definition, Framework and Indicators. Washington, DC: International Center for Research on Women. 2011.
18. Wang Q. Child care, work-family policy and female entrepreneurship. Social Science Research Network. 2015. [электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2669282> (дата обращения: 15.08.2018).
19. Woldie A., Adersua A. Female Entrepreneurs in a Transitional Economy: Businesswomen in Nigeria // International Journal of Social Economics. 2004. № 31(1/2). P. 78–93.
20. Achtenhagen L., Welter F. Female Entrepreneurship in Germany: Context, Development and Its Reflection in German Media. in J. Butler (ed.), New Perspectives on Women Entrepreneurs. Greenwich, CT: Information Age Publishing. 2003. P. 77–100.
21. Ogbor J. Mythicizing and Reification in Entrepreneurial Discourse: Ideology Critique of Entrepreneurial Studies // Journal of Management Studies. 2000. Vol. 37(5). P. 605–635.
22. Hamilton E. Entrepreneurship across generations: narrative, gender and learning in family business. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2013.

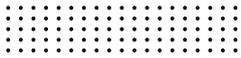

Пиньковецкая Ю. С.

23. Gupta V. K., Turban D. B., Wasti S. A., Sikdar A. The role of gender stereotypes in perceptions of entrepreneurs and intentions to become an entrepreneur // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2009. №33(2). P. 397–417.
  24. Jennings J. E., Brush C. G. Research on women entrepreneurs: challenges to (and from) the broader entrepreneurship literature? // *The Academy of Management Annals*. 2013. №7(1). P. 663–715.
  25. Clark Muntean S., Ozkazanc-Pan S. C. A gender integrative conceptualization of entrepreneurship. *New England Journal of Entrepreneurship*. 2015. №1(19). P. 27–40.
  26. McClelland E., Swail J., Bell J., Ibbotson P. Following the pathway of female entrepreneurs: A six country investigation // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2005. V. 11. №2. P. 84–107.
  27. Muriel O., Don S. Why women enter into entrepreneurship: an explanatory model // *Women in Management Review*. 2001. V. 16. №5. P. 232–247.
  28. Sciascia S., Mazzola P., Astrachan J., Pieper T. The role of family ownership in international entrepreneurship: Exploring nonlinear effects // *Small Business Economics*. 2012. №38 (1). P. 15–31.
  29. Connelly R. Self-employment and providing child care // *Demography*. 1992. №29. P. 17–29.
  30. Global Entrepreneurship Monitor 2016–2017. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). 2017. 180 p.
  31. Пиньковецкая Ю. С. Анализ выручки малых и средних предприятий в России: управленческий аспект // *Вопросы управления*. 2017. №2 (45). С. 187–194.
  32. Верховская О. Р., Александрова Е. А., Богатырева К. А., Дзелепова М. В., Шмелева Э. В. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016–2017. СПб: Институт «Высшая школа менеджмента» Санкт-Петербургского государственного университета. 2017. 66 с.
- References:**
1. Morozov V. A. With hope for women. Women's entrepreneurship as a basis for the development of small business // *Russian entrepreneurship*. 2003. №3. P. 3–10.
  2. Dolgorukov I. V., Kolesnikov A. N. AZ... Beeches... Lady... The possibility of self-expression of women in small business // *Russian entrepreneurship*. 2004. №3. P. 3–8.
  3. Gricauk Z. A. Discrimination against women in the real sector of economy // *Bulletin of Pacific national University*. 2006. №1. P.161–170.
  4. Gilmanova G. H. Regional features of the development of women's entrepreneurship in the Russian society // *Bulletin of Orenburg state University*. 2007. №9(73). P. 31–36.
  5. Kipervar E. A., Sevelova M. A. Women's entrepreneurship: features and prospects of development in the regions (on the example of Omsk region) // *Omsk scientific Bulletin*. 2009. №2(76). P. 96–99.
  6. Moskovtseva L. V. Socio-economic conditions of women's entrepreneurship in Russian small and medium business // *FES: Finance. Economy*. 2011. №8. P. 12–14.
  7. Semenov J. A. Social optimization mechanism of female entrepreneurship // *Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science*. 2013. V. 13. №1. P. 33–35.
  8. Polutov M. A. Specifics of the Genesis of women entrepreneurship in the post-industrial period // *Fundamental and applied studies in the modern world*. 2015. №12-4. P. 53–55.
  9. Kolobova A. E. Women entrepreneurs of middle and older age: strokes to the portrait // *Woman in Russian society*. 2016. №1(78). P. 51–59.
  10. Gallyamov R. R. Features of women's entrepreneurship in modern Russia // *Economics and management: scientific and practical journal*. 2016. №3(131). P. 56–67.
  11. Utkina N. J. Objective and subjective factors of development of women's entrepreneurship in Russia // *Woman in Russian society*. 2017. №1(82). P. 17–27.
  12. Cuberes d'Teignier M. Aggregate Effects of Gender Gaps in the Labor Market: A Quantitative Estimate. *Economics Working Paper E14/308*, University of Barcelona, Barcelona. 2015. [e-resource]. URL: http://www.marcteignier.com/research_files/GGLMAP_CT.pdf (date of reference 28.08.2018).
  13. Fetsch E., Jackson C., Wiens J. Women Entrepreneurs are Key to Accelerating Growth. Kauffman Foundation. 2015. URL: <http://www.kauffman.org/what-we-do/resources/entrepreneurshipolicy-digest/women-entrepreneurs-are-key-to-accelerating-growth> (date of reference 28.08.2018).
  14. Lewis K. V., Henry C., Gatewood E. J., Watson J. Women's Entrepreneurship in the 21st Century: An International Multi-Level Research Analysis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014.
  15. Woetzel J., Madgavkar A., Ellingrud K., Labaye E., Devillard S., Kutcher E., Manyika, J., Dobbs R., Krishnan M. The Power of Parity: How Advancing Women's Equality Can Add \$12 Trillion to Global Growth. Washington, DC: McKinsey & Co, 2015.
  16. Aidis R., Weeks J. Mapping gendered is the Ecosystem: The Evolution of Measurement Tools for Comparative High-Impact Female Entrepreneur Development // *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. 2016. №8 (4). P. 330–352.
  17. Golla A. M., Malhotra A., Nanda P., Mehra R. Understanding and Measuring Women's Economic Empowerment: Definition, Framework and Indicators. Washington, DC: International Center for Research on Women. 2011.
  18. Wang Q. Child care, work-family policy and female entrepreneurship. *Social Science Research Network*. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2669282> (date of reference 28.08.2018).

19. Woldie A., Adersua A. Female Entrepreneurs in a Transitional Economy: Businesswomen in Nigeria // *International Journal of Social Economics*. 2004. №31(1/2). P. 78–93.
20. Achtenhagen L., Welter F. Female Entrepreneurship in Germany: Context, Development and Its Reflection in German Media. in J. Butler (ed.), *New Perspectives on Women Entrepreneurs*. Greenwich, CT: Information Age Publishing. 2003. P. 77–100.
21. Ogbor J. Mythicizing and Reification in Entrepreneurial Discourse: Ideology Critique of Entrepreneurial Studies // *Journal of Management Studies*. 2000. V. 37(5). P. 605–635.
22. Hamilton E. *Entrepreneurship across generations: narrative, gender and learning in family business*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013.
23. Gupta V. K., Turban D. B., Wasti S. A., Sikdar A. The role of gender stereotypes in perceptions of entrepreneurs and intentions to become an entrepreneur // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2009. №33(2). P. 397–417.
24. Jennings, J. E., Brush C. G. Research on women entrepreneurs: challenges to (and from) the broader entrepreneurship literature? / *The Academy of Management Annals*. 2013. №7(1). P. 663–715.
25. Clark Muntean S., Ozkazanc-Pan S. C. A gender integrative conceptualization of entrepreneurship. *New England Journal of Entrepreneurship*. 2015. №1(19). P. 27–40.
26. McClelland E., Swail J., Bell J., Ibbotson P. Following the pathway of female entrepreneurs: A six country investigation // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2005. V. 11. №2. P. 84–107.
27. Muriel O., Don S. Why women enter into entrepreneurship: an explanatory model // *Women in Management Review*. 2001. V. 16. №5. P. 232–247.
28. Sciascia S., Mazzola P., Astrachan J., Pieper T. The role of family ownership in international entrepreneurship: Exploring nonlinear effects // *Small Business Economics*. 2012. №38 (1). P. 15–31.
29. Connelly R. Self-employment and providing child care // *Demography*. 1992. №29. P. 17–29.
30. *Global Entrepreneurship Monitor 2016–2017*. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). 2017. 180 p.
31. Pinkovetskaia I. S. Analysis of turnover small and medium enterprises in Russia: management aspect // *Management Issues*. 2017. №2 (45). P. 187–194.
32. Verkhovskaya O. R., Aleksandrova O. A., Bogatyrev K. A., Dgulepova M. V., Shmeleva E. V. *Global entrepreneurship monitor. Russia 2016–2017*. St. Petersburg: Institute “Higher school of management” of St. Petersburg state University. 2017. 66 p.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: МЕТОДЫ, РЕСУРСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Лагутин Ю. В.

магистр, Московский физико-технический институт (Россия), 141701, Россия, Долгопрудный, Институтский пер., д. 9,
lagutinyury@gmail.com

УДК 316.37
ББК 87.526.5

Выполнен анализ и обобщение методов, ресурсов, возможностей идентификации личности в социальном пространстве. Проанализированы основные подходы в изучении вопроса феномена личностной идентификации. Сопоставлен выявленный круг источников исследования с точки зрения использования методов и технологий идентификации личности, а также с точки зрения потенциальных для неё возможностей..

Ключевые слова: идентификация, социальное пространство, личность, медиа, интернет.

SOCIAL IDENTIFICATION: METHODS, RESOURCES AND OPPORTUNITIES

Lagutin Yu. V.

Master's degree, Moscow Institute of Physics and Technology (Russia), 141701, Russia, Dolgoprudny, Institutsky lane, 9,
lagutinyury@gmail.com

The analysis and generalization of methods, resources, possibilities of identification of the person in social space is executed. The main approaches in studying the issue of the phenomenon of personal identification were analyzed. The identified range of sources of research is compared from the point of view of the use of methods and technologies of identity identification, as well as in terms of potential opportunities for it.

Key words: identification, social space, identity, media, internet.

Понятие идентификации личности

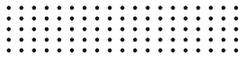
В современном обществе, диктующем необходимость исполнения человеком множества ролей, остро стоит проблема личностной и социальной идентификации. Кроме того, информационные технологии в настоящее время не просто выполняют вспомогательную функцию, но формируют облик нашего общества.

В настоящее время, в условиях крупномасштабной медиатизации, вполне закономерным является процесс

изменения составляющих образа «Я», что неизбежно влечёт за собой дисбаланс идентификационной платформы.

Проблема идентификации в философии рассматривается, как правило, в тесной взаимосвязи с технологиями и методами конструирования и видоизменения сознания [5].

Реализация идентификационных процессов отражает осознание человеком необходимости однозначного понимания того, кто он в культурных и социаль-

Лагутин Ю. В.

ных системах координат, с одной стороны, и понимания того, каким бы он хотел быть и как необходимо себя позиционировать в социуме, с другой стороны.

Социальная идентификация представляет собой отождествление своего «Я» по жизненным интересам, социальным проблемам, симпатиям с определённой социальной группой. Одной из потребностей человека в социальной идентификации современные исследователи считают необходимость личности в признании других.

К примеру, В. А. Ядов выделяет три момента, обуславливающих социальную идентификацию личности:

- глубинная потребность личности в признании других, в позитивной оценке с их стороны;
- групповая защита;
- самореализация.

Предпосылкой стремления личности к идентификации, по мнению В. А. Ядова, является разрушение традиционного уклада в обществе. Так, например, «развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимодействий так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признаёт «своими», а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений» [15].

Понятие социализации и ее типы

В социологии традиционно различают первичную и вторичную социализации.

Первичная осуществляется под влиянием значимого окружения и формирует направления движения личности, во многом определяет ценностную систему, её поведение.

Вторичная социализация происходит, когда сознательная основа (базис) уже сформирована, но подвергается трансформации по причине воздействия внешних факторов.

По справедливому замечанию П. Бергера и Т. Лукмана [1], в результате вторичной социализации формируются «подмиры», которые отличаются от «базисного мира», но вместе с тем также имеют ценностные ориентиры и реализуются в координатах «здесь и сейчас». Эти «подмиры» важны для индивида в конкретный период жизни и оказывают непосредственное влияние на процессы идентификации его личности. Таким образом, значимую роль в процессах идентификации

играют такие компоненты, как актуальное социальное окружение, медиапространство, транслирующие, а порой и настойчиво и навязчиво транслирующие, «эталонные» и модели поведения, системы ценностных ориентиров и даже мышления.

Существование виртуальной реальности, её проникновение в обыденную жизнь заставила человека задуматься о самоидентификации, т.к. традиционные критерии реальности стали терять свою значимость.

Трудно не согласиться с современными исследователями, утверждающими, что главным отличием современной информационной действительности является невозможность верифицировать навязываемый СМИ и прежде всего телевидением образ фантомного мира, играющий роль «лидера человеческого внимания» и подменяющий «всеобщее» «несуществующим» [3].

Лидерство основано преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа. Идеи – это образы (визуальные или нет) в человеческом сознании.

Информационное общество и СМИ

Подавляющее большинство людей в настоящее время живёт в информационном обществе – находится на новом этапе развития человеческой цивилизации, когда доминирующими становятся информационные процессы. Принято считать, что это – третья стадия развития человечества после аграрной и индустриальной.

Один из первых теоретиков медиакратии, канадский культуролог Герберт Маклюэн, заявил, что электронные СМИ устанавливают новый мир, возвращая его в чем-то к эпохе древности. Книги и газеты разделяют и порождают индивидуализм, а мифы, как времен Гомера, так и времен телевидения, объединяют людей и порождают коллективизм. СМИ, таким образом, по справедливому замечанию исследователя, – это новый фольклор.

Отношение к СМИ у современного общества сильно разнится в зависимости от многих факторов (таких, как возраст аудитории, социальное и географическое положение и т.д.). Очевидно, что СМИ сами по себе стремятся быть как можно «горячее», захватывать человека и использовать его в своих целях, направлять его по тому пути, который выгоден тем, кто управляет СМИ. Человек, ищущий развлечений, будет стремиться к «горячим» СМИ, точнее – «горячим» средствам массовой коммуникации. С приходом интернета появилось больше свободы действий и больше источников информации, однако основной принцип работы СМИ остался неизменным: будь то телевидение или новостной сайт в интернете.

Г. Маклюэн выделяет «холодные» и «горячие» средства коммуникации (СМК). К «холодным» отно-

Лагутин Ю. В.

ся те, которые оставляют участвующему в коммуникации возможность самостоятельно оценивать ситуацию, оперировать своими знаниями, опытом, идеалами, ценностями. Это средства коммуникации, оставляющие человеку пространство свободы. В качестве примера Г. Маклюэн приводит телефон. А «горячие» способны захватывать человека целиком, растворить его в себе и полностью поглотить. Примером тому – кино. Это наблюдение и пример, безусловно справедливы: хорошее кино вовлекает в свой мир; выйдя из зала, несколько минут с трудом возвращаешься в обыденную реальность.

С точки зрения П. Бурдьё [2], сегодня главные противоречия СМИ в том, что, с одной стороны, они становятся все более влиятельными, а с другой – сами все больше подпадают под контроль. Каждой сфере деятельности присуща своя собственная логика существования. П. Бурдьё называет это законами поля: поля СМИ, поля политики, поля культуры, поля гуманитарных наук, поля бизнеса. Так вот, по мнению П. Бурдьё, сегодня СМИ вторгаются в поля культуры и гуманитарных наук, разрушая их, а сами все больше подчиняются логике поля бизнеса.

Здесь надо отметить, что сам П. Бурдьё не нейтрален, а занимает определенную идеологическую позицию по отношению к СМИ. Таких позиций, по существу, две: либеральная и социальная. Интернет-реальность, наряду с телевидением, является способом формирования реальности как основы для поиска жизненных и, в частности, ценностных ориентиров человека. Таким образом, формируется так называемая «множественная реальность».

А. Шюц [14] под множественной реальностью подразумевал собственно реальности, дифференцирующим признаком которых является степень влияния на человека. В настоящее время они добавляются «ирреальными» теле- и интернет-реальностями. Сознание современного человека уже не воспринимает как оксюморон феномен «отсутствующей действительности».

Идентификация личности в социальных сетях

Ярким примером этому служит феномен социальных сетей. Здесь, как нигде, открывается полная свобода для создания своего нового «Я». Можно выбрать любое фото для аватарки, соответствующее идеалам красоты или, напротив, безобразия, успешности или ущербности, сопроводив изображение соответствующими атрибутами.

Интернет-пространство позволяет в считанные секунды (без бюрократии и проволочек) сменить имя, без медицинских вмешательств – пол, не говоря уже о профессии, социальном положении, статусе и т.п.

Таким образом, процесс идентификации главным образом зависит от того, какая реальность принимается субъектом идентификации как завершающая реальность. А этот выбор в свою очередь является критерием ощущения (явного или приглушённого границ реального).

Виртуальная реальность на примитивном уровне (игр, знакомств, общения в сети) предполагает пассивное потребление так называемых симулякров – иллюзорных образов, навязанных рекламой, трендовым брендом и т.п.

В условиях современного общества, увы, товаром становится всё и прежде всего информация. Симулякры не просто конкурируют с серьёзной информацией, но и имеют преимущество над ней. Их цель – быть легкодоступным товаром для массового потребления. Для восприятия симулякров не требуется специальных знаний, усилий, напряжения. Они управляют умами, формируя новую, иллюзорную реальность, со столь же иллюзорными потребностями, столь же иллюзорно формируемыми. Так возникает трафаретное сознание, шаблонное мышление и, как следствие, конформизм (стандартное поведение).

Система «несуществующей действительности» может быть адаптирована к современной конъюнктуре общества – реализации иллюзии преуспевания. Вместо интеллектуального и духовного развития здесь в приоритете стремление к удовлетворению потребностей без трудовых, физических, умственных затрат, душевного напряжения. Так, например, в Instagram миллионами подписчиков обладают аккаунты людей, нарочито демонстрирующих роскошь¹, в которой они живут, и весьма сомнительные для здравомыслящего человека средства достижения такого уровня комфорта: организацию конкурсов, или, иначе говоря, гивов. Свободное от этих «трудоемких» мероприятий время – это фешенебельные курорты, фотосессии, «премии» и другие престижные события, поставленные интернет-пространством во главу угла в системе ценностей (или, точнее, псевдоценностей).

Интернет как пространство для творчества

Интернет не только является СМИ или излюбленным местом PR для звёзд, но также даёт возможность обычным людям самореализоваться и сформировать и заработать свою аудиторию, в некоторой степени

¹ Instagram: @champagnepapi, @richthekid, @timatiofficial

Лагутин Ю. В.

став частью СМИ. В интернете отдельный человек может продумать модель поведения и создать такой образ, который с течением времени будет приобретать всё большее число последователей. Большинство звёзд, засиявших в последнее время, – это самоучки без крупных продюсерских центров или связей на некогда влиятельных телевидении и радио¹. Единственный ресурс, который они использовали для донесения своего творчества до людей – социальные сети. PR – это не враг СМИ, а их новый друг. Прямая реклама становится все менее выгодной. В постиндустриальном обществе с его господствующими постматериальными ценностями продается не товар как таковой, удовлетворяющий те или иные биологические потребности, продается бренд и связанный с ним социально-культурный контекст. Продается образ жизни.

Разнообразие социальных сетей позволяет всесторонне показать созданного «героя», подкрепляя визуальную составляющую текстовыми и музыкальными элементами, к примеру. Что же ещё даёт интернет, что было недоступно в эпоху телевидения? Например, полную анонимность. Творческая личность может иметь огромную аудиторию, в конечном итоге оставаясь целиком анонимным. Это может являться как частью образа, так и следствием внутренних убеждений или одной из составляющих комфорта. Не будет ни одного «вышестоящего звена», обладающего конфиденциальной информацией, способной однажды подорвать или вовсе разрушить этот образ. Это также способствует однозначности информации, потребляемой аудиторией. В эпоху телевидения имели место случаи, когда артист утверждал одну точку зрения, а на телевидении о нём доносилась совершенно противоположная информация со «ссылкой на первоисточник». Последователь воспринимает только ту информацию, которую артист стремится до него донести, не видя остального происходящего «за кулисами». По истечении определённого времени аудитория, проникнувшись образом любимшегося однажды ей «героя» начнёт перенимать его манеру поведения, мысли, привычки. Таким образом, начнёт образовываться «культ личности», изначально, возможно, даже созданный на коленке, но изящно преподнесённый миру благодаря интернет-ресурсам.

Основные составляющие эффективного образа в интернет-пространстве. Принцип дефэнбэйзинга

Существует несколько факторов, определяющих успех образа, созданного в условиях интернета. Реша-

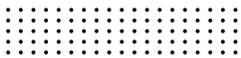
ющим является способность достучаться до поколения, «попасть в нерв времени».

Обществу нужен герой. Нужен идеал, одновременно совершающий что-то великое в их глазах, но при этом понимающий каждого в отдельности и разделяющий с ними самые важные моменты в жизни. Пусть и посредством социальных сетей. Пусть и не с каждым лично, а посредством блога. Но абсолютно каждый фолловер верит в то, что однажды они встретятся лично и проговорят часами, ведь у них так много общего. Именно на этом принципе, принципе дефэнбэйзинга, и строится современный мир социальных сетей. Человек, оказавшись, например, в стрессовой ситуации, склонен искать поддержку в музыке, книгах, статьях, кино, – таким образом, он не раскрывается знакомым, исключая создание почвы для возможных нежелательных дискуссий, при этом он находит своё отражение в уже произошедшем с другими, наблюдая за развитием событий и создавая свою модель дальнейшего поведения. На YouTube существует огромное число блогеров с миллионами, а иногда и десятками миллионов подписчиков. В основном это подростки, переживающие проблемы, свойственные их возрасту. Связаны они могут быть как подростковым максимализмом, так и проблемами в семье, с друзьями, с любимым человеком, с хобби, с учёбой и многими другими вопросами, периодически возникающими в головах подростков. Лишь малую часть этих вопросов они обсуждают с родителями или одноклассниками. В интернете есть множество видений решения одной и той же проблемы, а подросток примет то, которое ему окажется ближе, а озвучивший его блогер станет «героем» и получит нового подписчика.

Интернет как платформа формирования и идентификации личности

Интернет в современном обществе – это, пожалуй, самый популярный источник ответов из различных областей знаний. Более того, личности большинства современных детей формируются лишь на основе потребляемого ими контента из социальных платформ. При условии знания иностранного языка подросток может впитать культуру другой страны и воспитать в себе ценности, совсем не свойственные окружению, в котором он растёт. Огромное количество американского стэнд-апа, сериалов, эпизодов TED Talks служат жизненным путеводителем для билингвальных подростков больше, чем одноклассники, учителя или родители. Социальные сети стали связующим звеном между

¹ Instagram: @real_scrip, @coldsiemens

Лагутин Ю. В.

культурами, позволяющим каждому раскрыть своё «Я», потребляя именно тот контент, который ему наиболее близок. Интернет стёр границы. Социальные сети стёрли границы. То, что ещё несколько лет назад было далеко и не изучено, сегодня на экране твоего смартфона и обновляется несколько раз в минуту. Спорить о том, хорошо это или плохо, можно вечно. С одной стороны, стирается культурная уникальность той или иной страны со своими привычками и менталитетом. С другой – человеку ещё с малых лет даётся полная свобода и право выбора, какую информацию потреблять, чем интересоваться и каких взглядов придерживаться.

Социальные сети со своим избытком интересных уникальных персонажей служат источником формирования системы нравственных ценностей целого поколения вне зависимости от национальности, социального положения и других факторов, которые играли роль в эпоху радио и телевидения. Некогда ограниченные, мы в потребляемом контенте, продиктованном редакторами и директорами телеканалов и издательств, можем с одинаковой лёгкостью продолжить потреблять навязанный нам некогда контент, но также расширить или полностью изменить свои ценности, случайно наткнувшись на интересное видео или статью в интернете, со временем лишь глубже погружаясь в эту тему.

Для общества в целом, в отличие от конкретного индивида, создание образов разворачивается в сфере общественной коммуникации. В современном обществе, повсеместно именно медиа являются решающим средством коммуникации. Термином «медиа» обозначается целый ряд коммуникационных организаций и технологий, включающих, следовательно, как массовые коммуникации, так и массовые самокоммуникации.

Роль социальных сетей в сегодняшней реальности поистине велика. Сообщения, организации и лидеры, которые не представлены в медиа, не существуют в общественном сознании. Следовательно, только те, кто может передать свой месседж всем гражданам, имеют шанс влиять на их решения таким образом, который откроет им доступ к лидирующим позициям в государстве и позволит удерживать под контролем политические институты.

С приходом интернета некогда правящий монополизм оказался разрушен. Общественное мнение никогда не было столь доступно и очевидно для каждого, как с приходом интернета. Абсолютно каждое решение и заявление подвергается сиюминутному обсуждению, а любой желающий может ознакомиться с мнением народа, открыв комментарии в соответствующей теме.

Такое развитие интернета поставило ряд вопросов перед властью. Стало совершенно очевидно, что с современными реалиями необходимо считаться, и народные дебаты происходят не в парках, не во дворах или на митингах по расписанию, а ежесекундно на огромном количестве ресурсов, и скрыть правду становится всё сложнее и опаснее с каждым днём.

Так что же движет человеком при создании образа в интернете?

В первую очередь, конечно, факт, что можно навязать, имея определённые навыки, абсолютно любой имидж, и вряд ли кто-то сможет раскрыть правду и уличить «героя» во лжи.

Социальные сети как личное арт-пространство

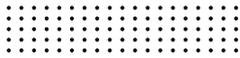
Необходимо отметить, что социальные сети являются для их пользователей безграничным полем для реализации творческих идей. Это общедоступный и наиболее эффективный способ донесения контента для широкого круга людей.

Какую бы область творчества ни выбрал пользователь: будь то видеоблог, авторский текстовый блог, фотография, музыка, кино или любая другая, всегда есть возможность найти площадку в интернете с большим числом потенциально заинтересованной в этом аудитории. Когда автор делится своим продуктом с аудиторией посредством соцсетей, он получает мгновенный фидбэк в виде отметок «мне нравится», комментариев, репостов. На основании этого создаются топы внутри социальных сетей, а те блоги, которые привлекают большое количество внимания, ещё и дают авторам право их монетизировать, постепенно сводя на нет необходимость работать где-либо и заниматься чем-то, кроме интересной творческой составляющей.

Художник может выставлять свои новые полотна для целевой аудитории, не согласовывая это с редакторами тематических журналов¹; поэт моментально делится новыми строками, а музыкант² может загрузит новое произведение в цифровые магазины в течение пары дней, не получая одобрения других людей. Донести же творчество до аудитории помогает как таргет-реклама, так и столь популярная система хэштегов. С развитием интернета сошла на нет монополия некогда стоящих у руля организаций, решающих, кто достоин внимания, а кто нет, и сегодня эта роль выпадает исключительно на потребителей контента, то есть конечных пользователей.

¹ Instagram: @dimabamberg

² Instagram: @dimitri.bamberg

Лагутин Ю. В.

Таким образом, мы подходим к тому, что созданный некогда образ в сети интернет, возможно даже из-за нехватки внимания и проблем социальной идентификации в реальном пространстве, становится двигателем финансового благосостояния его создателя в интернете. К примеру, подростки-блогеры с миллионами подписчиков, делящиеся своим мировоззрением с другими такими же, как они, уже продолжительное время живут обособленно от своих родителей, зачастую помогая им материально. Музыкант, который когда-то решил загрузить свои треки на Soundcloud, может стать одним из самых прослушиваемых в стране и ездить со стадионными турами по городам. Таких примеров много.

Сеть интернет позволяет людям обрести себя. Найти тот контент, который им интересен, который они хотят потреблять. Впитывать идеи и реализовывать свои. Делиться своим творчеством с окружающими и находить своих последователей, становясь их «героем», лидером. При накоплении достаточной аудитории человек сможет монетизировать своё творчество и обеспечить себе безбедную жизнь, занимаясь только интересным ему делом, а его фолловеры, вдохновлённые уже его примером, продолжают это развивать и добьются успехов в той или иной среде.

Социальные сети – это гораздо больше, чем способ скоротать время. Больше, чем безграничный источник потребления контента. Это отдельная система, представляющая множество возможностей для реализации и самоидентификации.

Для всех медиаорганизаций, независимо от того, ориентированы они на массовую коммуникацию или на массовую самокоммуникацию, либо на ту и другую, ключевым является наращивание их влияния и ресурсов за счет расширения своей аудитории. Различные медиаканалы определяют свою аудиторию в соответствии с конкретными стратегиями. Ключевым активом медиамейнстрима остается доверие.

В политическом плане люди «старой закалки» для получения информации полагаются в основном на массмедиа, и, несмотря на растущее значение Интернета, все же наиболее надежными источниками политических новостей продолжают оставаться телевидение и радио. Молодое поколение же, полностью изолированное от телевидения, предпочитает и такого рода новости узнавать от первоисточников, будучи подписанными на официальные ресурсы представителей в социальных сетях.

Таким образом, сегодня интернет является гораздо большим, чем средством массовой информации в привычном понимании этого слова. Для значительной части нового поколения это поле для реализации идей и воплощения желаний, недоступных ваз его пределами. Это платформа для формирования и воспита-

ния уникальной личности с безграничными возможностями развития.

Интернет безграничен для творческих единиц и производимого ими контента, безграничен для количества их аудитории, а также является непосредственным аккумулятором знаний и источником вдохновения для тех, кто только ищет себя и стремится раскрыть в себе новые способности, а возможно, даже заработать свою собственную аудиторию. В этом смысле наблюдается своего рода феномен уробороса.

Литература:

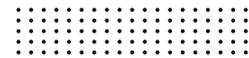
1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academica-Центр; Медиум, 1995.
2. Бурдьё П. Социология политики, М.: Socio-Logos, 1993.
3. Емелин В. А., Тостов А. Ш. Квантовая механика телевидения // Вопросы философии, 2011. № 11.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. Москва, 2016.
5. Козин Н. Г. Идентификация. История. Человек. // Вопросы философии. 2011. № 1.
6. Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы. // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2017. № 2.
7. Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Коммуникативный статус личности: методология исследования. // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2.
8. Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Социальный контекст нового медиaprостранства. // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 3.
9. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель. 2004.
10. Тернер Дж. С., Оукс П. Дж., Хэслем С. А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. Т. 2, № 2.
11. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. М.: Алгоритм, 2013.
12. Тэджфел Генри. Социальная идентичность и межгрупповые отношения, 1982.
13. Шафорстов А. И. Идентификация как выбор реальности. // Вестник Бурятского государственного университета // Педагогика. Филология. Философия, 2012. № 5.
14. Шюц А. О множественных реальностях. // Социологическое обозрение. Т. 3. № 2. 2003.
15. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности. // Мир России. 1995. № 5.
16. Cinnirella M. European Journal of Social Psychology, 1998.
17. Higgins 1987; Markus & Nurius, 1986 – «Possible Selves».
18. Jarumovicz M. Self-We-Others schemata and stoical identifications. London, 1998.

Лагутин Ю. В.

References:

1. Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge. M.: Academia-Center; Medium, 1995.
2. Bourdieu P. Sociology of Politics, Moscow: Socio-Logos, 1993.
3. Emelin V. A., Tostov A. Sh. Quantum Mechanics of Television // Questions of Philosophy, 2011. № 11.
4. Castells M. The power of communication. M., 2016.
5. Kozin N. G. Identification. History. Human. // Issues of Philosophy. 2011. № 1.
6. Korkia E. D., Mamedov A. K. Identity in virtual reality: new alternatives. // Theory and practice of social development (electronic journal). 2017. № 2.
7. Korkia E. D., Mamedov A. K. Communicative status of personality: the methodology of research. // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2018. № 2.
8. Korkia E. D., Mamedov A. K. The social context of the new media space. // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2018. № 3.
9. Kravchenko S. A. Sociological encyclopedic Russian-English dictionary. M.: Astrel. 2004.
10. Turner J. S., Oaks P. J., Haslem S. A., David V. Social identity, self-categorization and group // Foreign Psychology. 1994. V. ., № 2.
11. Tretyakov V. T. How to become a famous journalist. M.: Algorithm, 2013.
12. Taejfel Henry. Social Identity and Intergroup Relations, 1982.
13. Shaforstov A. I. Identification as the choice of reality. // Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy. 2012. № 5.
14. Shyuts A. On multiple realities. // Sociological Review, V. 3. № 2. 2003.
15. Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms for the formation of social identity. // The World of Russia. 1995. № 5.
16. Cinnirella M. . European Journal of Social Psychology, 1998.
17. Higgins, 1987; Markus & Nurius, 1986 "Possible Selves".
18. Jarumovicz M. Self-We-Others schemata and stoical identifications. London, 1998.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Флоря В. М.

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии образования, Ухтинский государственный технический университет (Россия), 169314, Россия, Ухта, ул. Первомайская, д. 13, florya.vas@yandex.ru

Кондраль Д. П.

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и методологии образования, Ухтинский государственный технический университет (Россия), 169314, Россия, Ухта, ул. Первомайская, д. 13, lbvf17@gmail.com

УДК 321(470)
ББК 66.3(2Рос),1

Цель. Статья посвящена анализу перспектив развития институтов гражданского общества и системы управления в современной России.

Методы. На основе системного и процессного подходов авторы используют методы анализа, оценки, сравнения.

Результаты и научная новизна. Исследователями проанализированы сущность, условия и факторы развития гражданского общества и системы демократического управления в современной России, что определяет возможности, качество и уровень жизни граждан. Также в статье проанализированы перспективы и пути дальнейшего развития институтов гражданского общества и системы управления.

Ключевые слова: Система управления, гражданское общество, демократия, социально-политическая система России.

CIVIL SOCIETY AND GOVERNANCE IN MODERN RUSSIA

Florya V. M.

doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Education, Ukhta State Technical University (Russia), 169314, Russia, Ukhta, May Day str., 13, florya.vas@yandex.ru

Kondral D. P.

candidate of political sciences, associate professor, head of the Department of philosophy and methodology of education, Ukhta State Technical University (Russia), 169314, Russia, Ukhta, May Day str., 13, lbvf17@gmail.com

Purpose. The article is devoted to the analysis of the prospects for the development of civil society institutions and governance in modern Russia.

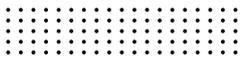
Methods. Based on the system and process approaches, the authors use methods of analysis, evaluation, comparison.

Results and scientific novelty. The researchers analyzed the essence, conditions and factors of the development of civil society and the system of democratic governance in modern Russia, which determines the opportunities, quality and standard of living of citizens. The article also analyzes prospects and ways of further development of civil society institutions and management systems.

Key words: Management system, civil society, democracy, socio-political system of Russia.

Гражданское общество можно рассматривать как определенную высокую стадию развития и организации человеческого общества. Соответственно этому,

гражданское общество обладает рядом отличительных черт, обособляющих его в ряду других исторических типов социальной организации. Прежде всего, надо

Флоря В. М., Кондраль Д. П.

отметить, что развитие общества, при прохождении определенных этапов в своем развитии, становится обществом, которое принято называть гражданским государством, когда все его структурные элементы достигают качественного состояния, и между ними возникают устойчивые связи и взаимодействия, позволяющие удерживать общественную систему в динамическом равновесии и стабильности. Основным признаком, стабилизирующим общество, становится сбалансированность двух основных системных компонентов: управляемого и самоорганизующегося.

Когда речь заходит о гражданском обществе, то, прежде всего, имеют в виду различные общественные организации и объединения: профсоюзные организации, политические партии, правозащитные и экологические организации, союзы промышленников и предпринимателей, клубы по интересам и т.д. Отмечено, что наибольших успехов в экономическом развитии и процветании высокого качества жизни людей возможно добиться только в странах с развитым гражданским обществом. Это связано с тем, что именно данное состояние общества способно увлечь всех желающих в процесс управления обществом, начиная с регионального и заканчивая федеральным уровнем.

Гражданское общество как управляемая подсистема представляет собой сложную структуру и организацию. Ее внутренние связи и отношения между его элементами выступают разноплановыми и многофункциональными. Компоненты гражданского общества классифицируются по различным признакам и основаниям, например:

- по экономическим признакам (предприятия, объединения, отрасли производства и т.п.);
- по степени обобщенности интересов и мотивов деятельности людей (профессиональные группы, ассоциации, общественные организации, фонды, религиозные объединения и т.п.);
- по территориально-административным признакам, включая национальные компоненты (республики, края, области и т.д.);
- по основным сферам жизнедеятельности людей (экономическая, социальная, политическая, духовная, международная и т.п. сферы).

Ряд оснований можно продолжить, внося новые комбинации в зависимости от целей научного анализа. Но в любом случае выявляется одна характерная особенность – везде присутствует ярко выраженный субъективный компонент. В этом отношении можно отметить, что гражданское общество как управляемая подсистема в обобщенном виде отражает субъективную природу человека, исходного элемента общества.

Из этого обстоятельства следует особое отличие системы и процесса управления гражданским обществом от других управляемых систем – в технике, при-

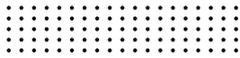
родных средах и т.д. Управление гражданским обществом по своей сути является социальным управлением, объект и субъект управления изначально едины в онтологическом аспекте.

Гражданское общество выдвигает особые требования к состоянию субъекта управления.

И таковым гражданским обществом может стать только лишь при наличии высокого уровня развития всех его структурных компонентов. Одновременно управляющая подсистема общества должна стремиться к достижению качественно нового состояния правового государства. Тогда в обществе устанавливается возможное системное единство, как управляемой, так и управляющих подсистем. Это создает условия для возможного существования адекватных потребностей общества и управленческих отношений.

Управленческие отношения в системе «гражданское общество – правовое государство» отражают множество социальных связей и взаимодействий между объектами и субъектами управления разного уровня. Отмеченная выше особенность единства субъективного начала определяет характер социальных взаимодействий, которые могут происходить не только между субъектом и объектом управления, но и между объектами различного уровня и субъектами. Это приводит к возникновению линейных, субординационных и других связей между ними. Соответственно, управленческие отношения тоже можно рассматривать в качестве комплекса особого рода социальных отношений по управлению общественными системами (обществом как системой, его подсистемами, структурными элементами, компонентами и т.д.). Объективная сторона управления гражданским обществом представлена обусловленностью характера управленческих отношений, реально существующими социально-политическими и экономическими условиями жизнедеятельности общества. Объективные потребности гражданского общества в управлении создают определенный тип управленческих отношений, в основу которого закладываются основные общечеловеческие и общегражданские ценности, а регулятором системно-структурных связей управляемой и управляющей подсистем (гражданского общества и правового государства) становятся конституционно закрепленные нормы управленческого поведения и цели общественного развития.

Как объект управления, гражданское общество можно рассматривать в качестве сложной многоуровневой многофункциональной системы. Соответственно, субъект управления гражданским обществом должен максимально полно отражать особенности управляемого объекта, то есть структурно подразделяться на объективные уровни управления, иметь внутреннюю иерархию целей и задач. С другой стороны, объективность самих управленческих отношений включает их

Флоря В. М., Кондраль Д. П.

в более общую систему социальных связей и отношений, наряду с экономическими, политическими и другими. Это говорит о том, что в развитых обществах невозможно без нарушения системной целостности искусственно отделить какой-либо один вид социальных отношений, например, те же управленческие отношения, и образовать автономно от общества существующий субъект этих отношений. Правовое государство, становясь субъектом управления гражданским обществом, основывается на принципах и нормах, выработанных гражданским обществом: сам институт права и принцип конституционализма рожден гражданским обществом, защищает его интересы и потребности, в том числе в организации управления.

Абсолютно другую роль выполняет государство в обществе, где установлена коммунитарная идеология. Здесь задача государства заключается в обеспечении потребностей сообщества, в их удовлетворении и в следовании страной обозначенным курсом. Иногда это может сопровождаться в принудительной форме, с использованием обществом своей политической власти и силы.

Кроме того, в таких коммунитарных государствах как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Швеция и др. планируется и определяется направление развития отраслей экономики правительством. Другими словами, в этих странах исполнительные органы управления и власти занимают более высокую позицию, чем их законодательные органы. Именно им принадлежит функция управлением бизнесом и предпринимательством. Напротив, в индивидуалистических государствах, к которым мы отнесем США, Канаду, страны Западной Европы, роль правительств ограничена действием Конституций. В этих государствах преобладает значимость законодательной власти и установлены серьезные рычаги сдерживания и противовесов в отношении исполнительной власти.

Существующий традиционный взгляд европейских стран на роль государства в направлении того, что правительства ни в коем случае не должны заниматься процессом планирования и управления национальной экономикой, на наш взгляд, должен быть пересмотрен. Согласно устоявшейся традиции, задача правительств этих государств состоит лишь в реакции на периодически возникающие экономические кризисы и на то давление, вызванное интересами бизнеса. С нашей точки зрения, на формирование данных процессов смогли повлиять три основных фактора.

Первый фактор связан с растущей производительностью в странах с быстро растущей экономикой. К таким государствам относятся Тайвань, Южная Корея, Япония. В названных странах была определена национальная стратегия экономического развития, которая приводила к тесному сотрудничеству и взаи-

модействию правительства с представителями рыночной экономики. Это сотрудничество предусматривало, с одной стороны, вмешательство в производственные отрасли экономики, а, с другой, оказывало им значительную государственную поддержку.

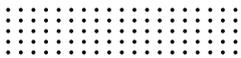
Экономическим успехам стран Азиатско-тихоокеанского региона способствовало жесткое государственное управление со стороны национальных правительств, в котором определяющим стало селективное управление. Выбранное направление экономического развития, а также отмеченные достижения и успехи заставили усомниться в правильности существующей параллельно индивидуалистической идеологии.

Ко второму фактору следует отнести глобализацию бизнеса, появление межнациональных корпораций, целенаправленно и выборочно получающих государственную поддержку. В то же время следует отметить наблюдающиеся порой непростые напряженные взаимоотношения и связи между правительствами и межнациональными корпорациями. Зачастую корпорации склонны устанавливать свои правила игры, исходя из своих экономических интересов, пользуясь при этом своей силой и слабостью других стран.

И, наконец, к третьему фактору отнесем новые технологии, обеспечивающие опережающую успешность экономического развития. Несмотря на констатацию того, что все возрастающее значение современных технологий ведет к быстрому распространению в мире, в то же время, мы вынуждены заключить, что умение активизировать это распространение и воспользоваться им оказывается далеко неодинаковым для разных стран [1].

Все вышеназванные факторы заставили по-новому подойти к осмыслению самого понятия «эффективное государство». Именно это, иное осмысление данного понятия дало возможность определить зависимость как экономических, так и социальных успехов в области управления. В разных обществах осмысление данного понятия имеет различный смысловой подтекст. В этой связи мы подошли к ответу на вопрос о том, чем можно объяснить в реальности сам факт того, почему одни государства с успехом внедряют реформы и перемены в своих обществах и при этом начинают более стабильно развиваться, чем другие?

Практика экономического развития государств определила, что на эффективность государственного управления в различных отраслях экономики непосредственное влияние, прежде всего, оказывают не количественные, а качественные характеристики. Они не завязаны ни на численности государственных чиновников, и не связаны с величиной государственной собственности, как, например, в США или Японии. Эти характеристики напрямую зависят от грамотного использования селективного подхода в управлении.

Флоря В. М., Кондраль Д. П.

Тенденция современного развития общества предусматривает расширение начал самоуправления. Самоуправление может быть представлено как проявление потребностей общества в системе управления, с одной стороны, а с другой, по форме, методам и способу субъектно-объектных отношений в управляемой структуре государства.

Наиболее полное восприятие самоуправления приводит к более широкому участию населения в политической жизнедеятельности общества, к одной из основных форм реализации демократических прав и свобод общественной жизни. Данная форма демократии представляется одним из важнейших направлений самоуправления как целенаправленного процесса. Демократические реформы в политической сфере жизнедеятельности общества еще до конца не внесли существенные изменения в саму структуру субъектно-объектных отношений управления.

Наиболее полное понимание значения содержания самоуправления может дать утверждение о нем в виде организации управленческих отношений. В статье 130 Конституции РФ четко зафиксировано: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» [2]. Это конституционное положение выделяет объективный уровень управления, где реализуются непосредственно принципы самоуправления, субъектов самоуправления (население территории, города, села и т.п.), определяемые пределы управляемого пространства. В данном случае законодательно закреплена потребность общества в расширении субъектной базы управления, с одной стороны, и оптимизация управляемого государством пространства, «нижние» пределы его компетенции, с другой стороны. Таким образом, можно констатировать, что важнейшей чертой самоуправления является объединение субъекта и объекта управления непосредственно в рамках одного управляемого объекта. В данном случае наблюдается развитие процесса, когда субъект управления начинает самостоятельно выработать управленческие решения, выполнять их, нести всю полноту ответственности за их принятие, и за их выполнение.

В то же время самоуправление, являющееся одновременно частью одной большей системы управления обществом и способом реализации его потребностей в управлении, до конца не может сохранить лишь локальные формы проявления. Здесь, скорее всего, для того, чтобы расширить границы и компетенции самоуправления стоит наделить дополнительными полномочиями и возможностями региональные структуры управления в сферах жизнедеятельности государства и общества, а также предусмотреть передачу им дополнительных существенных прав, при решении особо

важных для общества проблем и вопросов, непосредственно через проведения референдума. Это будет отвечать основополагающему принципу Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [3].

Принципиально важно, что самоуправление – это расширение субъектной базы управления, но вместе с тем, это и автономное функционирование управляемой системы, для которого характерно соединение в одном должностном лице функций управляющего и управляемого, принимающего решение, и исполняющего его. Поэтому в процессе развития самоуправления актуализируется вопрос подготовки компетентных специалистов, способных осуществлять эти функции.

Самоуправление не может поглотить все функции государства как института управления. Государство остается важнейшим социальным институтом, организующим, направляющим, контролирующим и регулирующим жизнедеятельность людей, а также весь комплекс отношений в обществе между социальными группами, классами, ассоциациями и другими элементами социальной структуры. Можно говорить о совершенствовании системы управления, конкретизации роли государства и самоуправления, но в любом случае останется высоко значимым профессиональный, высокоэффективный, компетентный и ответственный управленческий труд.

Рассматривая отечественную специфику политической системы, следует выделить четыре ключевых взаимосвязанных фактора развития институтов гражданского общества, которые должны лежать в основе дальнейшей модернизации системы демократического управления в стране:

1. В основе системы управления должен лежать принцип формирования условий поддержания и развития активного гражданина, имеющего возможности научного и творческого интеллектуального развития.
2. Активная позитивная политическая культура с высоким уровнем плюрализма и социальной солидарности, обеспечивающаяся демократической культурой управления [4].
3. Гражданско-правовая система, обеспечивающая участие граждан в принятии и реализации управленческих решений (профсоюзы, правовые институты и т.п.).
4. Социально-экономические гарантии индивидуальной состоятельности граждан (уровень доходов от 2 тысяч долларов в месяц на человека, гарантии стабильного заработка и др. [5–6]).

Развитие общества в указанных направлениях сегодня, в условиях социально-экономической нестабильности в стране и мире, осуществляется проблематично.

Флоря В. М., Кондраль Д. П.

Так, сегодня всё более очевидными становятся сложности в формировании открытой системы интеллектуального развития личности, которая должна стать одной из главных ценностей постиндустриального общества. Во многом из-за экономических проблем в стране системы среднего, высшего и пост-высшего (научного) образования подверглись коммерциализации [7–9] и утратили свою изначальную ценность и значение на рынке труда. Чрезмерная коммерциализация сегодня привела к отделению системы образования от нужд рыночной системы производства и развитию элитарных начал в системе образования, при которых многие незащищённые социальные группы могут быть в перспективе отстранены от качественного и востребованного рынком образования, прежде всего из-за его дороговизны.

Развитие активной позитивной политической культуры [10] в стране и регионах сегодня наталкивается на ряд проблем, связанных со сложностями в повышении уровня социальной солидарности и демократической культуры управления [11–12]. При этом региональные тенденции социально-политического развития остаются более инертны нежели федеральные, поэтому проводимые властью социально-политические изменения в регионах страны оказываются в большинстве случаев искажёнными и не находят своей полной детальной реализации.

Оценивая современный уровень развития гражданско-правовой системы, призванной обеспечить активное участие граждан в политике, следует отметить лишь частичную сформированность её элементов. Например, один из ключевых её элементов – профсоюзная система – до сегодняшнего дня в полной мере не способна выполнять те системные функции, которые необходимы для защиты интересов и уровня жизни трудовых коллективов [13–16].

Рассматривая социально-экономические условия жизнедеятельности общества, следует отметить, что средний уровень доходов населения страны сегодня далёк от оптимального уровня доходов среднего класса, который по оценке Института современного развития должен составлять от 2 до 2,5 тысяч долларов в месяц на человека. Под этот параметр среднего класса сегодня подходит лишь около 7% населения страны [17–18], в то время как в экономически развитых странах около 60–70% населения. Средний уровень доходов в России в 2017 году составил 31475 рублей в месяц (около 540 \$), среднемесячная зарплата – 39085 рублей (\$670), средняя пенсия – 13304 рубля (230 \$) [19]. В то же время, например, в США средний уровень доходов составил за 2017 год 3120 \$.

Отсутствие условий получения большинством населения страны стабильных доходов на уровне доходов экономически развитых стран приводит к умень-

шению возможностей развития в стране полноценного среднего класса, а также влечёт снижение уверенности в «завтрашнем дне» и возможностей полноценной реализации и удовлетворения гражданами страны своих потребностей.

Анализируя вышеприведённые факторы, следует отметить, что сегодня фактически до конца не сложились полноценные условия для дальнейшего успешного развития институтов гражданского общества. Данная ситуация определяет необходимость формирования специальных социально-политических программ для дальнейшей модернизации системы демократического управления и развития институтов гражданского общества.

Литература:

1. Богомолов О. Т. Реформы в зеркале международных сравнений. М.: Экономика, 1988. 159 с.
2. Конституция Российской Федерации. Глава 8. Местное самоуправление (ст. 130). [электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-10.htm> (дата обращения 01.06.2018).
3. Конституция Российской Федерации. Глава 1. Основы конституционного строя. (ст. 3). [электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения 01.06.2018).
4. Кондраль Д. П. Культура, синергия и сбалансированность процессов стратегического управления Севером России // Арктика и Север. 2014. №17. С. 60–64.
5. Мельвиль А. Ю. Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // Метод. 2011. №2. С. 295–318.
6. Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах. М.: Высшей школы экономики, 2011. 52 с.
7. Аветисян И. А. Проблемы финансирования высшего образования в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №1 (25). С. 108–122.
8. Мятковская Я. С. Проблема коммерциализации инновационных технологий в России и направления её решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. №3 (60). С. 35–44.
9. Анохина Ю. А. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. №9. С. 14–20.
10. Кондраль Д. П. Формирование политической культуры в современном российском обществе // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI вв. : материалы всероссийской научной конференции (20–21 июня 2008 г.). СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 348–354.

Флоря В. М., Кондраль Д. П.

11. Омеличкин О. В. Перспективы развития российской политической культуры // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. № 10. С. 69–72.
12. Давтян М. Г., Кондратенко Е. Н. Политическая культура в России и проблемы её формирования в современных условиях // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2012. № 4. С. 145–152.
13. Баранов Ю. В., Полянская С. Г. Проблемы профсоюзного движения в России // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 71–73.
14. Барабанов А. А. О перспективах развития профсоюзного движения в современной России // Управленческое консультирование. 2013. № 2. С. 33–38.
15. Рушева А. В. Роль профсоюзной организации в повышении качества трудовой жизни работников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3 (43). С. 103–109.
16. Лебедев А. К., Юханов Н. С. Современное состояние профсоюзного движения в России: структуры и технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 4. С. 25–33.
17. Средний класс в России составляет около 7% населения / Института современного развития. [электронный ресурс]. URL: http://www.insor-russia.ru/ru/news/about_insor/377 (дата обращения 02.06.2018).
18. Лапшин В. Ю. «Средний» класс как индикатор экономической безопасности страны // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 3. С. 124–127.
19. Социально-экономическое положение России. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М. 2017. № 12. 384 с.
6. Melville A. Y., Stukal D. K., Mironyuk M. G. Factors of regime transformations and types of state solvency in post-communist countries. M.: Higher School of Economics, 2011. 52 p.
7. Avetisyan I. A. Problems of financing higher education in modern Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2013. № 1 (25). P. 108–122.
8. Myatkovskaya Y. S. The problem of the commercialization of innovative technologies in Russia and the direction of its solution // National interests: priorities and security. 2010. № 3 (60). P. 35–44.
9. Anokhina Y. A. Problems of commercialization of higher education: socio-cultural and economic aspects // St. Petersburg Educational Bulletin. 2017. № 9. P. 14–20.
10. Kondral D. P. Formation of political culture in modern Russian society // Sociological diagnosis of culture of Russian society of the second half of the XIX – beginning of the XXI centuries. : materials of the all-Russian scientific conference (June 20–21, 2008) / SPb: Intersotiss, 2008. P. 348–354.
11. Omelichkin O. V. Prospects for the development of Russian political culture // Bulletin of Transbaikal State University. 2017. № 10. P. 69–72.
12. Davtyan M. G., Kondratenko E. N. Political culture in Russia and the problems of its formation in modern conditions // State and municipal management. Scientific notes SKAGS. 2012. № 4. P. 145–152.
13. Baranov Y. V., Polyanskaya S. G. Problems of the trade union movement in Russia // Omsk Scientific Bulletin. 2012. № 2 (106). P. 71–73.
14. Barabanov A. A. On the perspectives of the development of the trade union movement in modern Russia // Administrative consulting. 2013. № 2. P. 33–38.
15. Rusheva A. V. The role of the trade union organization in improving the quality of working life of workers // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. 2016. № 3 (43). P. 103–109.
16. Lebedev A. K., Yukhanov N. S. The current state of the trade union movement in Russia: structures and technologies // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. 2008. № 4. P. 25–33.
17. The middle class in Russia is about 7% of the population / Institute of Contemporary Development. [e-resource]. URL: http://www.insor-russia.ru/en/news/about_insor/377 (date of reference 02.06.2018).
18. Lapshin V. Y. "Middle" class as an indicator of the country's economic security // Socio-economic phenomena and processes. 2010. № 3. P. 124–127.
19. Socio-economic situation in Russia. Federal Service of State Statistics (ROSSTAT). M. 2017. № 12. 384 p.

References:

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ НА ПРИМЕРЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИОРИТЕТОВ В СТРУКТУРЕ
ТЕРМИНАЛЬНЫХ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ
ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ**

Кох И. А.

доктор социологической наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620099, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, kia4@mail.ru

Алексеева Л. А.

аспирант Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620099, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, kia4@mail.ru

УДК 316.344
ББК 60.543.172

Статья посвящена исследованию профессионально-ценностных ориентации студенческой молодёжи, их месту в структуре жизненных ценностей студентов. Современное общество характеризуется высокой социальной динамикой, социальные и экономические запросы на рынке специалистов носят изменчивый характер. Профессионально ценностные ориентации, понимаемые автором как интегративная личностная структура, определяющая профессиональное сознание специалиста, характеризующая его отношение к профессии, отражающая содержательную сторону направленности личности на ценности профессиональной деятельности, способствуют эффективности адаптации будущего специалиста к процессам вхождения в профессию и профессиональной самореализации в целом. Отношение молодёжи к образованию входит в профессионально-ценностную сферу, поскольку образование является важным компонентом овладения профессиональными знаниями, базой ранней профессионализации. Ценности образования и профессии могут быть отнесены как к инструментальным, так и к терминальным ценностям. Профессиональные ценности, осознаваемые как приоритетные терминальные, способствуют эффективности профессиональной самореализации личности. Исследования характера профессиональных ориентаций и ценностей студентов, по мнению автора, могут стать основанием для прогноза успешности социализации в профессиональной сфере.

Ключевые слова: профессионально-ценностная сфера, профессионально-ценностные ориентации, отношение к образованию, терминальные жизненные ценности, инструментальные жизненные ценности.

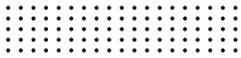
**PROFESSIONALLY VALUABLE ORIENTATIONS OF STUDENT YOUTH
ON THE EXAMPLE OF INVESTIGATION OF PRIORITIES IN THE STRUCTURE
OF TERMINAL AND INSTRUMENTAL LIFE VALUES OF STUDENTS**

Kokh I. A.

doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Theory and Sociology of Management, Ural Institute of Management – branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia), 620099, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66, kia4@mail.ru

Alekseeva L. A.

post-graduate student, Ural Institute of Management – branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia), 620099, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66? kia4@mail.ru

Кох И. А., Алексеева Л. А.

The article is devoted to the study of professional-value orientations of student youth, their place in the structure of students' life values. Modern society is characterized by high social dynamics, social and economic demands on the market of specialists are of a volatile nature. Professionally valuable orientations, understood by the author as an integrative personal structure that determines the professional consciousness of a specialist, characterizing his attitude to the profession, reflecting the content side of the personality's orientation to the values of professional activity, contribute to the effectiveness of the future specialist's adaptation to the processes of entering the profession and professional self-actualization as a whole. The attitude of young people to education is part of the vocational-value sphere, since education is an important component of mastering professional knowledge, the basis of early professionalization. Values of education and profession can be attributed to both instrumental and terminal values. Professional values, realized as priority terminal, contribute to the effectiveness of professional self-realization of the individual. Studies of the nature of professional orientations and values of students, in the author's opinion, can become the basis for predicting the success of socialization in the professional sphere.

Key words: professional-value sphere, professional-value orientations, attitude to education, terminal vital values, instrumental values of life.

Актуальность научных исследований профессионально-ценностных ориентаций молодежи обусловлена во-первых, значимостью для общества процессов воспроизводства человеческого капитала, трудовых и социальных ресурсов, во-вторых важностью ценностно-смысловых компонентов в структуре профессиональной направленности студентов.

В наши дни понятия «самоэффективность» и «профессиональная самореализация» являются смыслообразующими, определяющими поведение большинства социально активных индивидов. По демографическому и социально статусным признакам к такой группе принадлежит большинство представителей студенческой молодежи.

Ценность жизненного и профессионального успеха в современном обществе рассматривается социологами одновременно и как социальный и как целевой ориентиры, связанный с самореализацией личности, что требует использования современных исследовательских подходов, в основе которой находится человеко-ориентированная парадигма.

Социально-психологический аспект при исследовании профессионально-ценностной сферы предполагает учет возрастных особенностей исследуемой группы. Социально-педагогический аспект подразумевает рассмотрение особенностей социальной работы с молодежью в процессах ее профессиональной социализации и общей инкультурации.

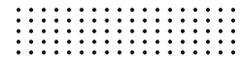
О специфике исследования молодежной проблематики писал Л. Н. Коган, отмечая недопустимость объекта ориентированных подходов при исследовании молодежи, уже в 80х годах. В следующее десятилетие В. А. Ядов отмечает необходимость изменения научного восприятия молодежи и ее отдельных групп в качестве объекта социологических исследований. «Ранее на молодежь смотрели как на какую-то заготовку будущих граждан, сегодня необходимо во мно-

гом пересмотреть мировоззрение и идеологию молодежной социологии»[1, с. 12].

Динамика социальных изменений в современном мире все возрастает, что оказывает влияние на процессы формирования ценностной сферы молодого поколения. Современная социология, изучая молодежную проблематику, опирается на парадигму «от человека», ориентирует на изучение ценностно-мотивационного компонента личности, находящейся в сложном и динамичном этапе своего развития, главным ориентиром и сущностью которой является достижение социального взросления, социальной зрелости.

Важно отметить, что такая исследовательская стратегия особенно значима в демократическом обществе, преодолевающем авторитарные тенденции и идеологию «социального атомизма», и «человека системы». Современная молодежь по сравнению с предыдущими поколениями, даже с молодежными группами двадцатилетней давности существенно изменилась – стали иными условия жизни, как следствие – иные ценностные ориентации, установки, существенно различающиеся между различными группами в структуре молодежи»[2, с. 238].

Среди факторов, влияющих на профессионально-ценностную сферу студенческой молодежи, следует отметить неблагоприятные тенденции в сфере трудоустройства молодежи на работу по специальности. Так в исследованиях трудовой занятости учащейся молодежи отмечается, что 47% трудоустроенных студентов занимаются неквалифицированным трудом в сферах обслуживания. Можно предположить, что такой характер занятости может существенно повлиять на отношение к профессиональному образованию, и на стратегии профессионализации. По мнению Зубок «Поэтому потенциал, заложенный в сравнительно высоком уровне образования молодежи, может быть реализован только при условии формирования

Кох И. А., Алексеева Л. А.

мотивации, адекватной современным вызовам» [3, с. 106].

Современные исследователи профессионально-ценностных ориентаций, их роли и места в профессиональной социализации молодежи, по-разному акцентируют проблематику, обращаясь к исследованиям различных аспектов и факторов успешности профессиональной самореализации.

В рамках изучения внутренних, личностных факторов, влияющих на содержание профессионально-ценностных ориентаций, изучаются ценностные и смыслообразующие структуры самосознания личности и механизмы их формирования» [4]. В рамках процессуально деятельностно-ориентированных подходов, исследуется динамика становления профессионально-ценностных ориентаций молодежи как на стадии социализации посредством образования, так и в профессиональной социализации» [5, с. 106].

С позиций культурно-исторического подхода к трактовке эффективности и успешности самореализации в профессиональной и иных сферах, социокультурные модели самореализации понимаются как стратегия личности, выстроенная согласно культурному образцу и идеалу рассматриваемого типа общества. Социально-философское понимание профессиональной самореализации как решения проблемы смысла жизни, содержится в работах основателей уральской социологической школы» [6]. К исследованию проблем образования и профессионального становления молодежи обращается в своих работах Ю. Р. Вишнеvский» [7, 5–9]. Влияние социально-демографических факторов на представление об успешности самореализации разрабатывается Г. Г. Силласте» [8, с. 115–130].

Современные исследователи профессионально-ценностных ориентаций, связывают их с направленностью личности, включают в них компонент отношения к профессиональной деятельности и к деятельности в целом, считают их качественным показателем личности, придают им статус ключевой личностной установки, ее социально приемлемой направленности» [9–10].

Под профессионально ценностными ориентациями будем подразумевать важнейший элемент внутренней структуры личности, выражающий субъективное отношение к общественно значимым ценностям труда. Профессионально ценностные ориентации, по нашему мнению, включают в себя отношение к образованию, как к первому этапу профессионализации, отношение к значимым ценностям труда.

Функции профессионально ценностных ориентаций можно условно разделить на личностные – эндогенные, и социальные – экзогенные. К первым следует отнести регулятивную, определяющую и структури-

рующую потребностно-мотивационную сферу профессионала, и смыслообразующую функции. Ко второй группе функций следует назвать ориентировочную адаптационную функцию, способствующую ориентации молодежи на трудовом и социальном рынках, и статуснообразующую функцию, связанную с процессами социальной мобильности.

По мнению А. А. Деркача, ценности существуют в виде ценностных ориентаций, система которых определяет содержание направленности личности и составляет основу её отношений, ядро мотивации, жизненной концепции и смысла жизни. Профессиональное развитие – это встреча профессии и личности» [11, с. 3]. Однако профессиональные ценности не ограничиваются только личностно ориентирующими функциями, для профессионала, важен статус и социальный престиж профессии, ее условия, социальная значимость и социальная актуальность.

Если подходить к определению профессиональных ценностей, с позиций индуктивного подхода, можно перечислить следующие: осознание и уважение к социальной профессиональной роли, наличие социальной мотивации труда, ценность трудовой деятельности, интерес к профессиональной и корпоративной культурам, потребность в образовании и самообразовании.

Проблема отношения молодежи к образованию входит в профессионально-ценностную сферу и является практически значимой. Отношение молодежи к образованию зависит от социально-ситуационных и личностных факторов, влияющих на характер профессиональных ожиданий и осознание профессиональных жизненных перспектив.

По мере осознания базовых и социально-ситуационных характеристик в соотношении с потребностями и интересами, они приобретают ценностную форму. Отношение к образованию, его значение, смысл, ценность для студента определяет его поведение в этой сфере, его становление как специалиста.

Образование может существовать и рассматриваться как терминальная или инструментальная ценность. В настоящее время, по мнению А. Ю. Зубок, В. И. Чупрунова, наблюдается тенденция превалирования образования как инструментальной ценности, особенно среди группы 25–29 лет. Ценность знания в сознании современной молодежи, прежде всего как «средство решения поставленных задач» [12, с. 106]. Рост ценности инструментального значения знания наблюдается среди состоявшихся и молодых специалистов-студентов.

По мнению современных социологов, в современном аксиологическом дискурсе ценности карьеры и успеха занимают лидирующее место. Идеология успешных социальных слоев активно транслируется в культурное поле и, безусловно, оказывает влияние

Кох И. А., Алексеева Л. А.

на формирование ценностно-целевых установок молодежи» [13, с. 93].

Проведенное нами исследование позволило выявить приоритетные ценности респондентов из числа студенческой молодежи и определить место профессиональных ценностей в целостной структуре инструментальных и терминальных ценностей.

Среди 606 опрошенных, обучающихся в двух вузах Екатеринбурга, только 3,0% респондентов высказали негативные ожидания по отношению к будущему, что можно трактовать как показатель осознанности направленности личности, степени сформированности ценностной сферы в целом, и профессионально-ценностной сферы как компонента в целостной структуре ценностей.

В ходе исследования были выяснены значимые жизненные ценности студентов. Для большинства респондентов мерилom самореализации является соб-

ственная публичность, как степень востребованности на социальном рынке, однако любимая работа оказалась ценнее работы престижной, то есть личностная оценка работы оказывается более значимой, чем социально-статусная, принятая в обществе. В частности, 9,10% респондентов в 42,15 процентах случаев выбрали интересную работу в качестве приоритетной ценности. Общественному признанию избранного вида деятельности (престиж профессии, работы) отдали предпочтение 2,93% опрошенных (рис. 1).

В ходе исследования студентам предлагалось не просто отметить наиболее значимые ценности, но и ранжировать ценности, подразделенные на инструментальные и терминальные, с учетом осознания их значимости. Терминальные ценности представляют собой убеждения в значимости той, или иной цели, и необходимости стремления к ней. Инструментальные ценности отражают убеждения в том, что определенный образ действий или свойство личности является предпочтительным для достижения жизненных целей. Активная жизненная позиция, интересная работа, профессиональная карьера, наличие друзей, материально обеспеченная жизнь, развлечения, и другие цели-ценности принадлежат к числу терминальных, тогда как рационализм, ответственность, независимость, самоконтроль и другие являются инструментальными ценностями. Образование и труд могут трактоваться как входящие в группы и терминальных и инструментальных ценностей. Критерием успешности в большинстве случаев студенты выделяли образованность (широта знаний, кругозора, наличие дополнительных навыков, знание иностранных языков) и ответственность (чувство долга и умение держать слово) – 11,94% и 11,25% соответственно (таблица 1).

Ценность труда трактуется респондентами преимущественно, как инструментальная ценность. Больше половины респондентов отметили в качестве ключевого условия успешности профессиональной карьеры упорный труд – 55%, только 28,5% считают, что это везенье, 9,5% предполагают, это закономерность и лишь малая доля респондентов думают, что это случайность.

Говоря о содержании терминальных ценностей, следует отметить, что главными критериями жизненного успеха для большинства респондентов является счастливая семья (59%) и материальный достаток (45%), затем любимая работа (38%), карьерные устремления как критерий успеха отмечены четвертью респондентов (25%) (рис. 2).

Выводы. Не смотря на растущий интерес исследователей к проблеме трансформации профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи в современной России и современном обществе,

Кох И. А., Алексеева Л. А.

Таблица 1. Каким характеристикам, на Ваш взгляд, должен соответствовать успешный человек?

Характеристика	Количество назвавших	% от общего числа назвавших
Образованность, широта знаний	343	11,94
Ответственность, чувство долга и умение держать свое слово	323	11,25
Аккуратность, порядок в вещах, четкость в ведении дел	272	9,47
Рациональность, умение принимать обдуманные решения	268	9,33
Твердость воли, способность не отступать перед трудностями	266	9,26
Самостоятельность	251	8,74
Хорошие манеры, умение вести себя	240	8,36
Трудолюбие	237	8,25
Умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи	226	7,87
Честность, правдивость, искренность	148	5,15
Жизнерадостность	116	4,04
Сдержанность	87	3,03
Терпимость, умение прощать другим их ошибки и заблуждения	71	2,47
Чуткость, заботливость	24	0,84
Итого:	2872	100

понятие «профессионально-ценностные ориентации» трактуется очень широко, то есть продолжает разрабатываться и дополняться.

В качестве рабочего определения, по нашему мнению, можно считать следующее – профессионально-ценностные ориентации представляют собой интегративную личностную структуру, они определяют профессиональное сознание специалиста, характери-

зуют его отношение к профессии, отражают содержательную сторону направленности личности на ценности профессиональной деятельности.

Отношение молодежи к образованию входит в число факторов влияющих на характер профессиональных ожиданий и осознание профессиональных жизненных перспектив, на отношение к профессии как к терминальной, смыслообразующей ценности.

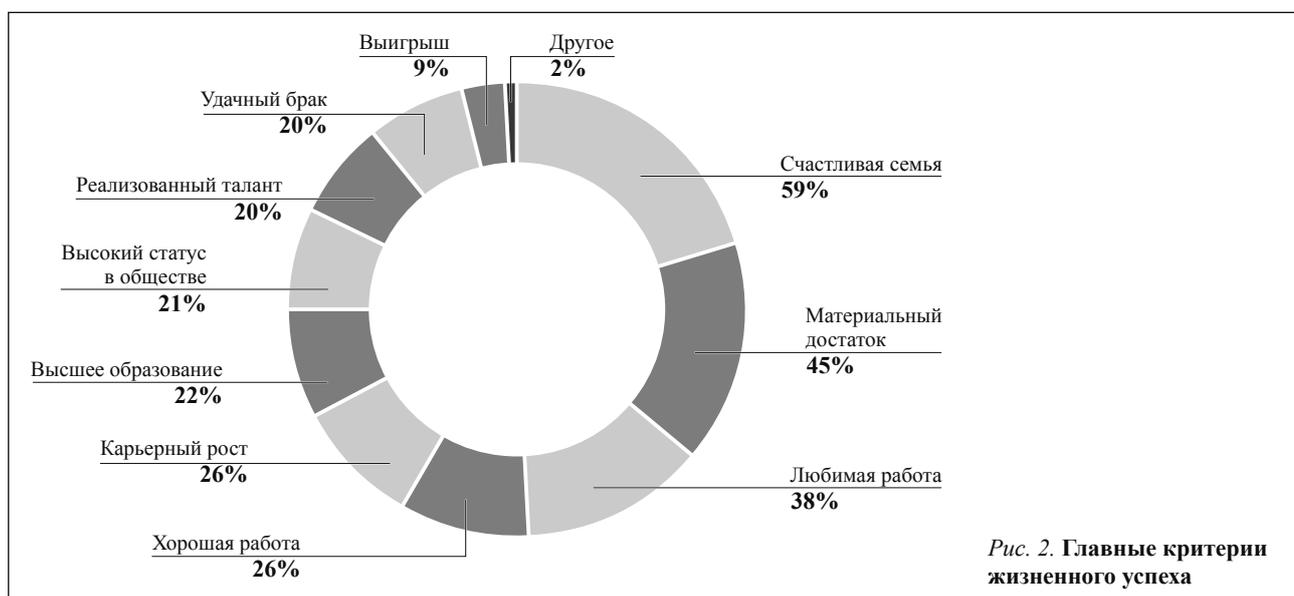

Рис. 2. Главные критерии жизненного успеха

Кох И. А., Алексеева Л. А.

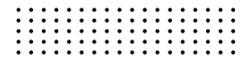
В качестве вывода исследования можно отметить, что для большинства респондентов профессиональная самореализация является значимой ценностью в структуре терминальных ценностей. Мерилом ее успешности выступают мера востребованности и адаптации на рынке труда и профессий, и на социальном рынке в целом. Однако приоритетной оказывается не социально-статусная, а личностная оценка профессиональной деятельности, публичность отходит на второй план, поскольку большинство респондентов отмечают ценность лично предпочитаемой профессии, «любимой» работы.

Литература:

1. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1999. 596 с.
2. Бергер П. Л., Бергер Б. Личностно-ориентированная социология. М., 2004.
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // СоцИс., 2012. № 8.
4. Согомонов А. Ю. Генеалогия Успеха и Неудач. М.: Просвещение, 2005.
5. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984.
6. Вишневский Ю. Р. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. Т. 1. С. 5–9.
7. Силласте Г. Г. Гендерная социология: от идеи и дискуссий к научной школе // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 15–30.
8. Слостенин В. А. Педагогическая аксиология. Монография. Красноярск: СибГТУ, 2008. 293с.
9. Долгушина Н. А. Теоретические исследование профессионально-ценностных ориентаций // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11-2. С. 86–87.
10. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. Воронеж: МОДЭК, 2004. 752 с.
11. Хагуров Т. А. Учащаяся молодежь в кризисном обществе // СоцИс, 2010. № 7.

References:

1. Yadov V. A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Dobrosvet, 1999. 596 p..
2. Berger P. L., Burger B. Personality-oriented sociology .M., 2004.
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. The Attitude of Youth to Education as a Factor of Improving the Efficiency of Training Highly Skilled Personnel // Soc. 2012. № 8.
4. Sogomonov A. Yu. Genealogy of Success and Failure. – M.: Enlightenment, 2005.
5. Kogan L. N. Purpose and meaning of human life. M.: Thought, 1984.
6. Vishnevsky Ju. R. Sociology of youth – about youth, for young people // Actual problems of sociology of youth, culture, education and management: materials of the all-Russian scientific and practical conference. Yekaterinburg, February 28 2014. V. 1. P. 5–9.
7. Gillaste G. G. Gender sociology: from the idea and discussions to the scientific school // Humanities of the South of Russia. 2016. № 3. P. 15–30.
8. Slastenin V. A. Pedagogical axiology. Monograph-Krasnoyarsk: SibGTU. 2008, 293p.
9. Dolgushina N. A. Theoretical study of professional-value orientations // Almanac of Modern Science and Education. 2009. № 11-2. P. 86–87.
10. Derkach A. A. Acmeological foundations of professional development. Voronezh: Modec, 2004. 752 p.
11. Khagurov T. A. Studying young people in a crisis society // SotsIs. 2010. № 7.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ КАТЕГОРИИ «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ВУЗА», ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ВУЗА

Колчина Н. О.

кандидат социологических наук, доцент кафедры дизайна и рекламы института национальной культуры, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Россия), 430005, Россия, Саранск, ул. Большевистская, д. 68, kolch1408@rambler.ru

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга экономического факультета, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (Россия), 430005, Россия, Саранск, ул. Большевистская, д. 68, kolch1408@rambler.ru

УДК 338:37
ББК 65.497.4к2

В условиях современной рыночной экономики к числу стержневых проблем функционирования и развития, с которыми сталкивается сектор высшего образования Российской Федерации, особое место и значение занимает обеспечение высокой конкурентоспособности образовательных учреждений. Понимание мировых тенденций в трансформационных процессах управления конкурентоспособностью позволяет разрабатывать стратегии развития вуза. Проектирование и функционирование эффективной системы обеспечения конкурентоспособности требует оптимального сочетания различного рода предпосылок: экономических, технологических и правовых.

Ключевые слова: конкурентоспособность, вуз, методы оценки конкурентоспособности, мониторинг, инструменты, подходы, экономический потенциал, принципы, стратегия, сценарий.

MULTI ASPECTS OF THE CATEGORY “COMPETITIVENESS OF THE HIGHER EDUCATION”, APPROACHES AND METHODS OF MANAGING THE COMPETITIVENESS OF THE HIGHER EDUCATION

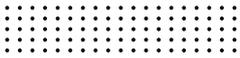
Kolchina N. O.

candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the design and advertising department of the Institute of National Culture, Mordovian State University named after N. P. Ogareva (Russia), 430005, Russia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68, kolch1408@rambler.ru

Leonenko E. A.

candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing, Faculty of Economics, Mordovian State University named after N. P. Ogareva (Russia), 430005, Russia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68, kolch1408@rambler.ru

In the conditions of the modern market economy, the provision of high competitiveness of educational institutions is of particular importance and importance to the number of core problems of functioning and development faced by the higher education sector of the Russian Federation. Understanding global trends in the transformation processes of competitiveness management allows us to develop strategies for the development of the university. Designing and function-

ing of an effective system for ensuring competitiveness requires an optimal combination of various kinds of prerequisites: economic, technological and legal.

Key words: competitiveness, university, methods of competitiveness assessment, monitoring, tools, approaches, economic potential, principles, strategy, scenario.

Университеты должны оперировать во всех измерениях одновременно: глобально и национально, только тогда они могут рассчитывать на максимальные конкурентные преимущества. Страны будут только в выигрыше, если гармонизируют свои интересы с интересами университетов.

В связи с тем, что конкурентоспособность компаний стала главным объектом внимания стратегического и операционного менеджмента, руководители предприятий находятся в постоянном поиске новых инструментов управления бизнесом и методов, рычагов повышения конкурентоспособности.

Проблемы конкуренции начали исследоваться в XVIII веке классиками политэкономии. Понятие «конкурентоспособность» впервые появилось в англоязычной экономической литературе в 70-х годах XX века, благодаря активному использованию данного термина профессором Гарвардской школы бизнеса Майклом Портером. В России изысканиями проблематики конкурентоспособности также стали заниматься в конце 70-х годов XX века, и содержание термина «конкурентоспособности» сводилась в основном к анализу внешнеэкономической деятельности экономических субъектов и касалась соответственно качества продукции в контурах политики «двойного стандарта» (разного стандарта качества продукта или услуги для внутреннего и внешнего рынка) [1]. Однако исследований о проблемах конкурентоспособности достаточно мало, и носят они, в основном, избирательный характер. В западной же экономической литературе проблема конкурентоспособности более разработана, однако нет единой теории, поясняющей конкурентоспособность. Невзирая на то, что понятие «конкурентоспособность» сравнительно недавно появилось, оно успело занять одно из ключевых мест в системе рыночных отношений.

В данный момент изучением специфики и проблем конкурентоспособности занимаются специалисты в области микро- и макроэкономики, менеджмента, маркетинга, товароведения, управления качеством. Однако все направления исследований характеризуют лишь одну или несколько сторон данной категории.

Проведя анализ подходов отечественных и зарубежных специалистов к пониманию категории «конкурентоспособность», можно выделить три основных подхода к его определению (рис. 1).

Первый подход привязывает конкурентоспособность к качественным характеристикам деятельно-

сти субъекта и определяет ее как соперничество на рынке. Данный подход рассматривает конкурентоспособность как деятельность по ограничению свободы соперников и не затрагивает собственной заинтересованности субъектов в положительном действии. Конкурентоспособность сводится исключительно к наличию возможности и средств эффективно препятствовать свободе действий конкурентов [2]. В данном подходе просматривается важная существенная составляющая конкуренции – принцип состязательности.

Второй подход базируется на товарной составляющей конкурентоспособности, представляя ее как выражение возможностей предприятия в совокупности всех свойств его продукции. Другими словами, конкурентоспособность предприятия приравнивается к конкурентоспособности продукции. Акцент в данном случае делается на том, что понятие «конкурентоспособность» является «динамическим» показателем, употребление которого зависит от многочисленных внешних и внутренних факторов среды.

Обозначенный подход позволяет сделать вывод, что в основе конкурентоспособности продукции лежит соотношение ее качества и цены, соответствующее требованиям рынка: продукция конкурентоспособна, если ее качественные и ценовые характеристики удовлетворяют потребителя [3].

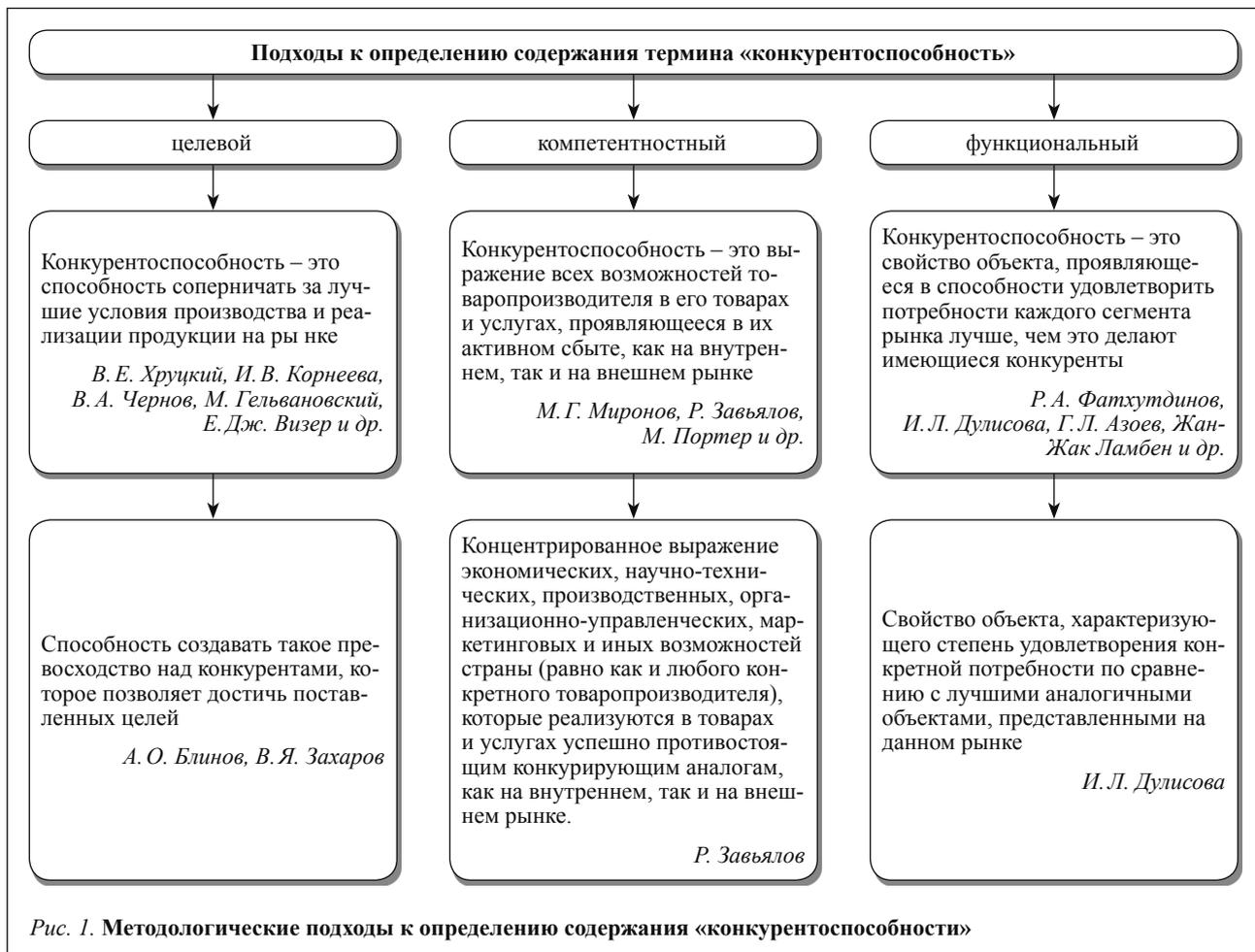
Согласно третьему подходу, конкурентоспособность представляет собой свойство объекта, проявляющееся в степени удовлетворения какой-либо потребности на рынке. То есть величина конкурентоспособности напрямую зависит от того, насколько удовлетворены потребители.

Удовлетворенность может формироваться под воздействием множества факторов: имиджа организации, который дает соответствующее восприятие качества продукции; ожиданий относительно товаров и услуг и их воспринимаемой ценности, полученной в процессе потребления [4].

Таким образом, для каждого из рассмотренных подходов ключевым моментом являются разные области конкурентоспособности. Одни авторы рассматривают понятие «конкурентоспособность» с позиции репутации, капитализации, чистой прибыли, занимаемой доли рынка и конкурентоспособности продукции, производимой предприятием. Другие авторы учитывают то, что конкурентоспособность может являться не

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

только свойством продукции, но и организации. Каждый выделяет существенные, на его взгляд, составляющие конкурентоспособности, не уделяя внимания остальным, тоже не менее важным.

Обобщая данные подходы, можно дать следующее определение конкурентоспособности – это реальная и потенциальная способность предприятия ориентироваться на понимание нужд и потребностей потребителя, следить за изменениями турбулентной рыночной среды и поведением конкурентов, определять тренды и состояние развития рынка, внешней среды и правильно позиционировать продукцию на рынке.

В каждой сфере конкурентоспособность проявляется по-разному. Рыночный характер взаимоотношений для конкурентоспособности в коммерческой сфере достаточно очевиден. В случае с некоммерческими организациями взаимоотношения также имеют рыночную основу. В РФ большинство некоммерческих субъектов наряду с некоммерческой деятельностью, занимаются и коммерческой, однако предметом обмена в данном случае выступают не деньги,

а уникальные ресурсы, которыми обладает каждая отдельная некоммерческая организация (рис. 2, стр. 122) [5].

К данным ресурсам можно отнести квалификацию и компетентность персонала; нематериальные активы; размер клиентской базы; репутацию и возможности лоббирования интересов определенных групп [5]. Характерным примером в данном случае являются вузы, которые могут обмениваться ресурсами посредством стратегического партнерства.

Вуз – высшее учебное образовательное заведение, учрежденное и действующее на основании Закона РФ «Об образовании», имеющее статус юридического лица и реализующее в соответствии с лицензией образовательные программы высшего профессионального образования [6]. Специфика вузов заключается в том, что они, являясь элементом системы образования, создаются не только для оказания образовательных услуг, но и для образования, как управляемого процесса развития культуры и цивилизации, формирования общественного и профессионального сознания [7].

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

Вуз имеет сложную структуру с упорядоченностью, формализацией и унификацией социальных связей и отношений, слиянием составляющих его элементов и функций.

Особенности конкурентоспособности высшего учебного учреждения проявляются в следующем (рис. 3).

Первая особенность заключается в том, что в конкурентоспособности вуза собираются все показатели качества и трудоемкости работы его персонала по всем элементам и уровням жизненного цикла. То есть вуз связывает производительность, качество труда, а также уровень организации работы персонала, как коллективного субъекта труда, с качеством и инновационностью образовательных услуг и образовательного процесса, от которых напрямую зависит конкурентоспособность.

Так же важной является такая особенность, как сочетание на рынке соперничества и сотрудничества между вузами. Вузы активно соперничают между собой. Но для достижения какой-то общей цели могут объединяться, благодаря чему происходит обмен преподавателями, студентами, проводятся конференции и семинары. Сотрудничество позволяет разрабатывать совместные образовательные программы, выдавать двойные дипломы.

Третью особенность состоит в том, что в силу специфики своей деятельности, комплексное исследование проблем конкурентоспособности вузы не проводят. Не оценивается конкурентоспособность с точки зрения финансовых результатов, эффективности деятельности персонала с позиции долевого вклада каждого работника в конечные результаты, следования за темпами научно-технического прогресса, происходящего как внутри страны, так и у зарубежных конкурентов.

Четвертая особенность состоит в том, что анализ своей конкурентоспособности и конкурентов каждый

вуз делает, используя свои методы, свою методику и использует полученные сведения для разработки собственной стратегии.

Тоже относится и к построению системы управления качеством образования вузов, которая строится на базе собственных уникальных традиций, собственного представления об организации учебно-научных процессов, своих ключевых особенностей, составляющих наряду с другими активами вузов источник их компетенций.

Важные моменты в механизм конкурентоспособности вузов на рынке вносит пятая особенность: вузы активно укрепляют свой имидж, так как именно данный факт, в конечном счете, имеет ключевое значение при выборе абитуриентами вуза.

В качестве последней можно отметить следующую особенность: конкурентоспособность вуза тесно связана с конкурентоспособностью предоставляемых им услуг, от свойств которых представляют значительный интерес для потребителя.

Фундаментальную основу исследования конкурентоспособности системы высшего образования составляют труды Р. Коуза, Й. Шумпетера, Дж. Бьюкенена, А. Смита, Э. Денисона, В. Петти, Дж. М. Кейнса, Г. Беккера и др. [5]. Данные труды дают основание понять, что специфический опыт работы и навыки, профессионализм персонала высшего учебного заведения должны быть его главным конкурентным преимуществом.

Проблемы образования в России до 60-х годов, являлись предметом изучения, преимущественно, педагогической науки, и вопросы экономики высшей школы решались вне самой системы образования [8].

Подходы к оценке «конкурентоспособности» деятельности высших учебных заведений начал использоваться относительно недавно. В 70–80-е годы различные аспекты образования стали рассматриваться в рамках новой для того времени отрасли экономической науки – экономики образования. Системный вклад в развитие данного направления знаний внесли В. В. Глухов, Е. Н. Жильцов, Д. И. Чупрунов, П. М. Керженцев, В. А. Жамин, А. Б. Дайновский, Н. П. Литвинова и др. [9].

Внимание к проблемам конкурентоспособности вуза вызван объективными причинами. Во-первых, вузы стали намного свободнее в плане организации учебного процесса и научной деятельности. Во-вторых, обострилась конкуренция на рынке образовательных услуг.

Проведенный анализ методических подходов и материалов показал, что отсутствует единое мнение о содержании конкурентоспособности вуза, недостаточно разработаны вопросы ее количественной оценки. На рис. 4 представим выявленные нами подходы к понятию содержания конкурентоспособности вуза.

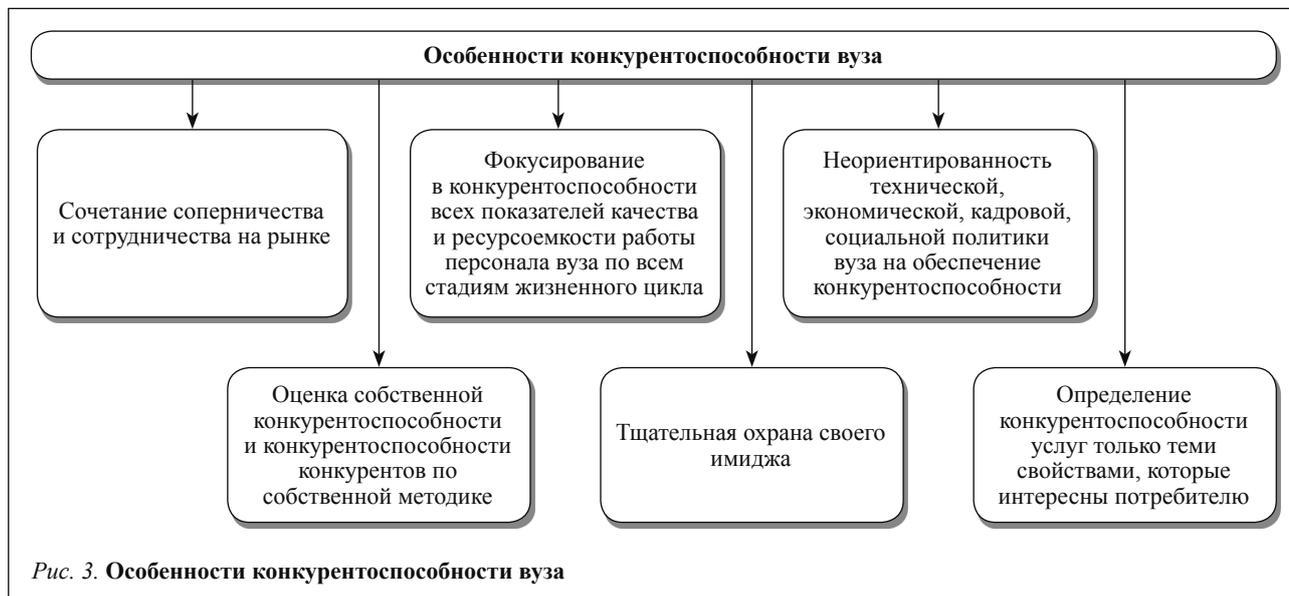

Рис. 3. Особенности конкурентоспособности вуза

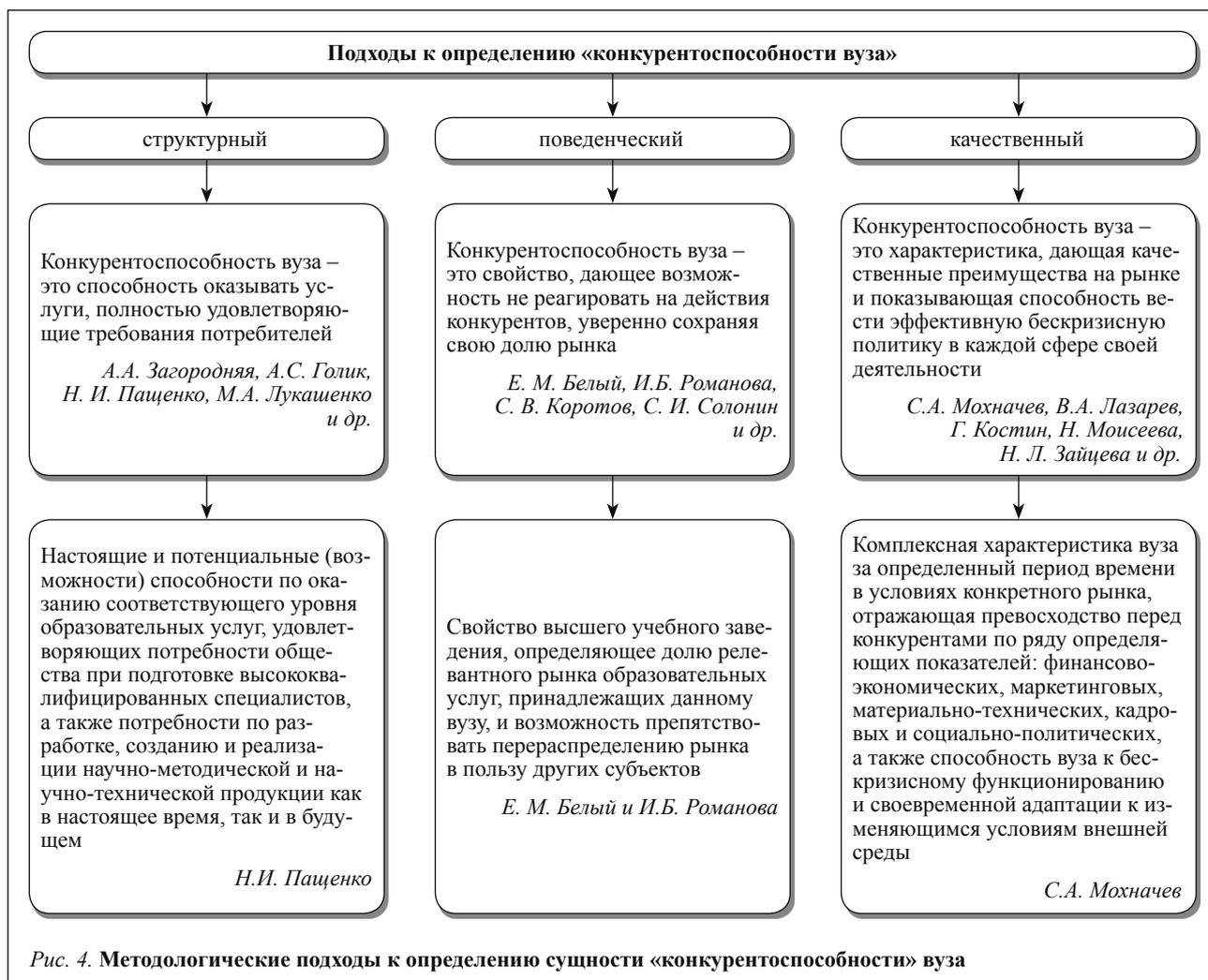
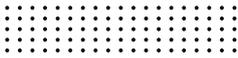

Рис. 4. Методологические подходы к определению сущности «конкурентоспособности» вуза

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

Первый подход (структурный) рассматривает конкурентоспособность вуза с позиции общей теории маркетинга, ориентируясь, на потребителя. Такой подход к конкурентоспособности вуза ориентирован на важность общесоциальных интересов. Однако здесь не учитываются имиджевые, финансовые, сравнительные преимущества вузов по качеству и цене оказываемых услуг, а также другие показатели. Основная идея авторов этого подхода выражается в том, что если вуз способен создавать и реализовывать образовательные услуги, то он имеет реальную силу и возможность конкурировать и обеспечивать серьезный уровень конкурентоспособности своих образовательных программ [1].

При этом следует учитывать, что требования потребительского рынка могут видоизменяться в зависимости от условий внешней среды. В одном случае выбор в пользу предлагаемой услуги определяется конъюнктурным спросом на определенные направления подготовки. В других случаях имидж вуза является основой для формирования повышенного спроса на определенные услуги.

Второй подход определяет конкурентоспособность вуза как его потенциал, необходимый для сохранения и увеличения занимаемой вузом доли рынка образовательных услуг в условиях конкурентной борьбы. То есть, конкурентоспособность вуза представляет собой свойство, включающее в себя множество преимуществ, которые имеет вуз в сравнении с конкурентами.

Рассматриваемый подход делает верным утверждение о том, что конкурентоспособность является перво-степенным показателем экономической деятельности

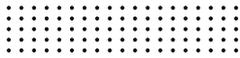
вуза, описывающим его настоящее и перспективное состояние на выбранных им сегментах рынка.

Согласно третьему подходу конкурентоспособность вуза представляет собой комплексную характеристику, благодаря которой вуз способен существовать без кризиса и эффективно вести каждую сферу своей деятельности. В названном подходе сделан акцент на таких признаках, как преимущество перед конкурентами по ключевым показателям; деятельность вуза в бескризисном режиме; способность вуза к своевременному приспособлению к изменяющимся условиям внешней среды, в том числе способность вуза удовлетворять имеющиеся и потенциальные требования потребителей.

Третий подход дает возможность сделать вывод, что конкурентоспособность это характеристика вуза, определяющая его как успешного и эффективного конкурента. Конкурентоспособность является ведущим показателем развития вуза, определяющим его настоящее и перспективное состояние на выбранных им сегментах рынка.

Из этого следует, чем эффективнее вуз использует свои ресурсы, тем выше его конкурентоспособность. Однако способность вуза оказывать образовательные услуги, в настоящее время, не занимает роль определяющего фактора, обеспечивающего противостояние реальным конкурентам.

Проведенный анализ определений конкурентоспособности высшего учебного заведения, показал, что отечественные ученые-экономисты конкурентоспособность вузов на рынке неразрывно связывают с изучением конкурентоспособности предоставляемых ими услуг и рассматривают конкурентоспособ-

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

ность комплексно, представляя ее как свойство, характеристику, способности, в рамках которых уделяют внимание отдельным параметрам конкурентного преимущества – доле рынка, эффективной политике, качественным услугам. Таким образом, разные авторы обосновывают разный набор факторов, определяющих конкурентоспособность вуза. И, на основе, мнений авторов можно сделать вывод, что более прочные позиции на рынке займут те вузы, которые наряду со сбалансированным деловым портфелем будут работать над созданием пользующегося доверием у потребителей бренда.

Изучение представленных в литературе мнений и подходов по поводу сущности и строения такой экономической категории, как «конкурентоспособность вуза» позволило нам сформулировать собственный ценностный подход к ее определению.

Конкурентоспособность вуза – это целостная система, которая обеспечивает превосходство, проявляющееся в соответствующем качестве оказываемых образовательных услуг и их доступности, удовлетворенности потребителей, общественном признании образовательного учреждения, развитии его материально-технической и информационной базы, способности формировать и использовать свой инновационный потенциал в долгосрочной перспективе для достижения устойчивости в системе «социум–экономика–экологизация» (рис. 5).

Данный подход затрагивает как внутренние, так и внешние качества конкурентоспособности. К внутренним относится: постоянное развитие собственного потенциала, развитие материально-технической и информационной базы. Перечисленные качества позволяют вузу всегда поддерживать определенный уровень инноваций.

К внешнему качеству конкурентоспособности относится удовлетворение потребителей. В предлагаемом определении в состав потребителей включены: само государство с его потребностью в квалифицированных работниках; общество с желанием удовлетворить потребность в стабильности; и личности с потребностью в новых знаниях с целью развития, самореализации и получения материального благополучия.

Но важно сказать о том, что именно личность, как обладатель и пользователь образовательных услуг, осуществляющий конкретный выбор своей будущей специализации и места обучения, является главной среди потребителей согласно ценностному подходу. Данный факт подтверждает то, что после повторного обращения личностей, то есть выпускников (продолжение обучения на более высоком уровне, повышение квалификации), они вновь становятся потребителями [10].

Согласно ценностному подходу вся политика вуза направлена на достижения устойчивости в системе «социум–экономика–экологизация». Подход предполагает достижение целей, задач без нанесения ущерба внешним субъектам. Ведущее значение в поддержании конкурентоспособности вуза принадлежит постоянно возобновляемым процессам поиска, формирования, сохранения и развития устойчивых конкурентных преимуществ, обеспечивающих в довольно длительной перспективе возможность максимального удовлетворения предпочтений потребителей.

Все вышесказанное определяет необходимость «управления конкурентоспособностью вуза». Управление конкурентоспособностью вуза возможно только на основе регулярного мониторинга, специальных методик и преследует цели, обозначенные на рис. 6.

Исходной задачей для достижения вышеназванных целей является определение положения вуза в ряду ана-

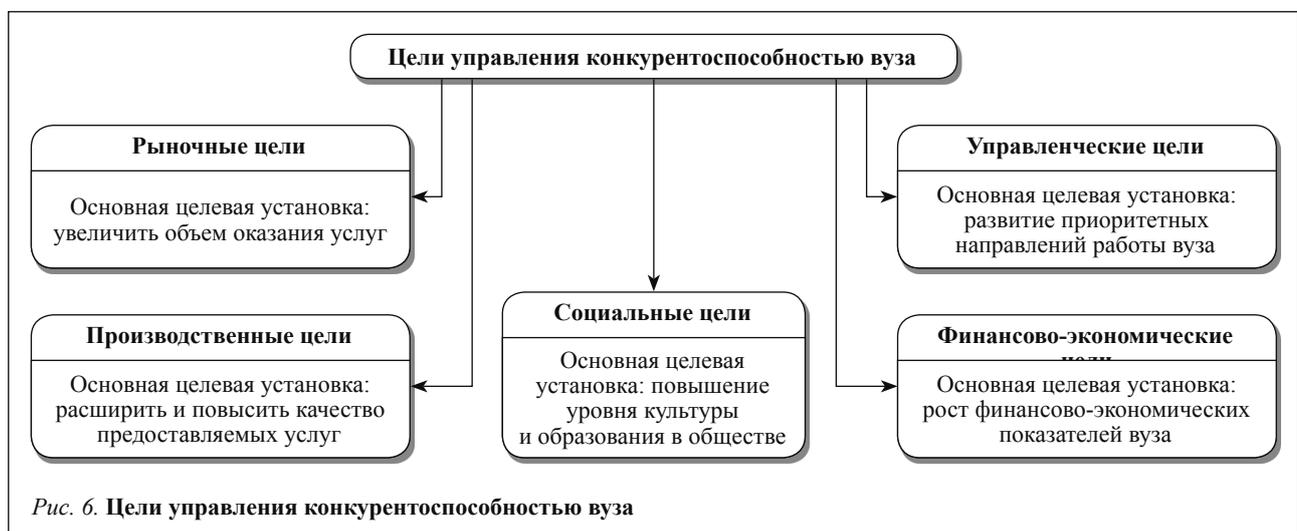

Рис. 6. Цели управления конкурентоспособностью вуза

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

логичных конкурентов. Для этого достаточно провести их сравнение по важнейшим параметрам (рис. 7) [11].

На рис. 8 представим аспекты, на которые, прежде всего, необходимо обращать внимание при управлении конкурентоспособностью вуза.

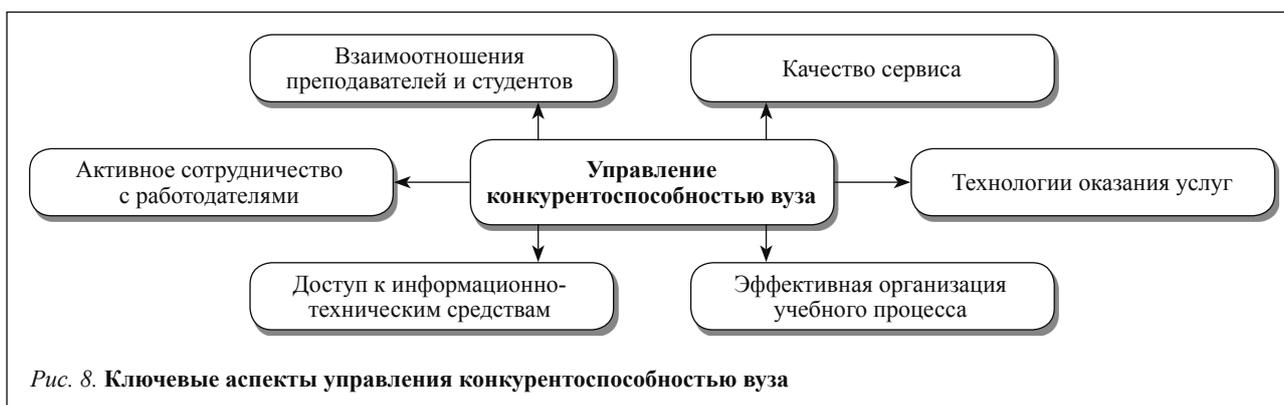
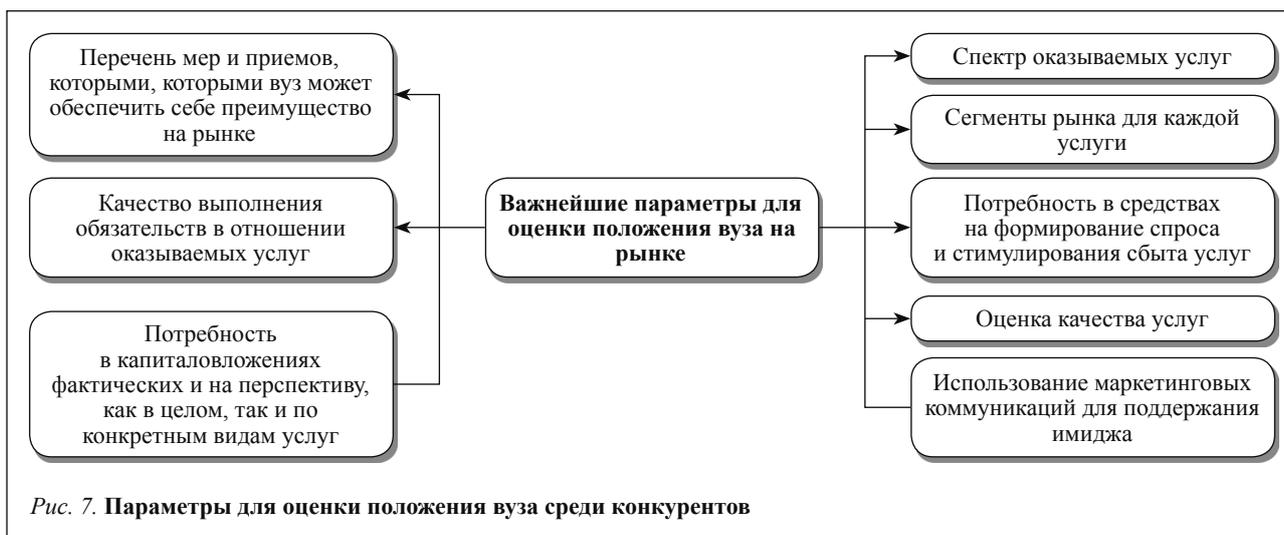
Как видно из рисунка, выделено шесть ключевых аспектов. Один из них касается внешней среды, а, именно, активного сотрудничества с работодателями. Еще один затрагивает внутренние социальные связи – взаимоотношения преподавателей и студентов. И четыре аспекта касаются главного момента управления конкурентоспособностью вуза – качества предоставляемых услуг: эффективная организация учебного процесса, технология оказания услуг, качество сервиса и доступ к информационно-техническим средствам. Изучение конкурентоспособности вуза должно вестись непрерывно и систематически, что позволит своевременно улавливать момент начала снижения показателя конкурентоспособности и принимать соответствующие предупредительные решения.

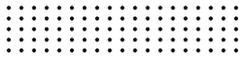
Механизм управления конкурентоспособностью вуза на основе концепции устойчивого развития включает в себя следующие составляющие элементы: законы, принципы, цели, методы и функции управления. Он представляет собой организованную или упорядоченную совокупность данных элементов, обеспечивающих достижение целей экономического, экологического, социального и институционального развития вуза (рис. 9).

Важной составляющей механизма управления конкурентоспособностью вуза являются методы управления, которые можно классифицировать следующим образом:

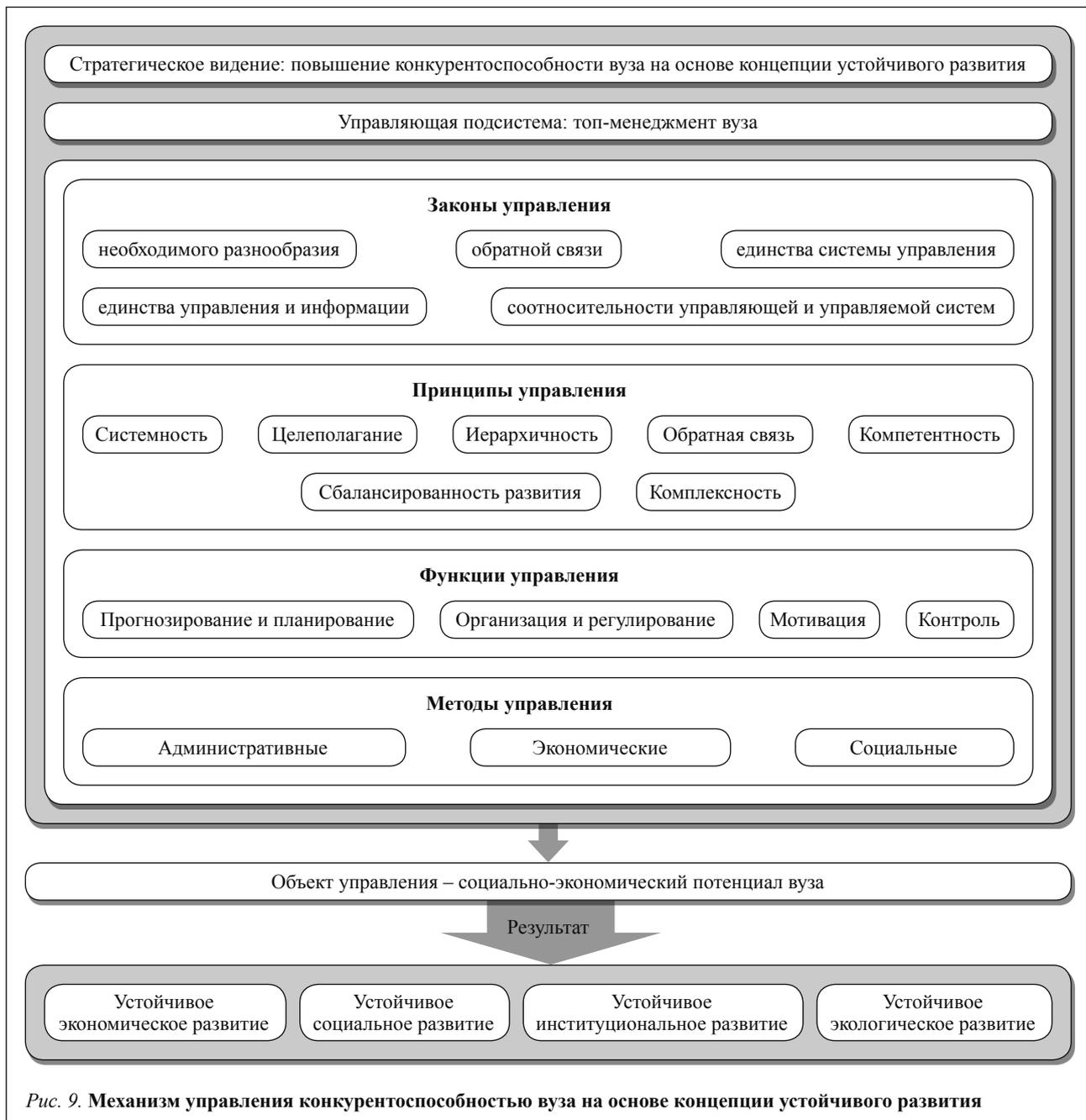
- административные, экономические и социальные;
- прямого и косвенного воздействия;
- используемые в обычных условиях развития и в периоды кризисов;
- применяемые на различных уровнях управления вузом.

Основные методы, используемые при принятии экономических, социальных, экологических

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

и институциональных решений представлены на рис. 10 (стр. 128).

Независимо от целей исследования, основой оценки конкурентоспособности является изучение рыночных условий, которое должно проводиться постоянно до начала разработки нового вида услуги и в ходе ее реализации [12].

Анализ существующих методических подходов к оценке конкурентоспособности позволил группировать их на группы (рис. 11, стр. 129).

Первая группа – количественные методы, связанные с расчётом единичных показателей, отражающих отдельные аспекты конкурентоспособности вуза. Они основаны на применении различных коэффициентов для анализа образовательной деятельности, финансового положения, эффективности инноваций и т. д. [13]. Многие методы дополняются мнениями экспертов, используемых для определения значимости параметров, выбранных для оценки. При этом показатели, принимаемые тем или иным автором в качестве основ-

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

ных для оценки конкурентоспособности, достаточно разнообразны.

Вторая группа методов оценки конкурентоспособности вуза – аналитические методы. К ним относят метод оценки конкурентоспособности на основе расчета рыночной доли, оценка конкурентоспособности вуза на основе теории эффективной конкуренции, оценка сравнительных преимуществ и т.д. Основаны данные методы на анализе совокупности качественных и количественных показателей оцениваемых услуг. Достоинства данной группы методов заключается в простоте расчетов при имеющейся информации, а также достаточно легком сравнении параметров анализируемых объектов и образца-аналога.

Недостатком данной группы методов является субъективное влияние на оценку конкурентоспособности со стороны экспертов, а также трудности, связанные с ограниченной доступностью необходимых данных о деятельности оцениваемого образовательного учреждения [14].

Третья группа – смешанные методы, включающие как параметрические, так и графические методы. Использование данных методов предполагает, что любой вуз представляет собой набор показателей качества, при изменении которых происходят количественные и качественные изменения объекта. Методы основываются на рассмотрении процессов конкуренции в динамике.

Для расчета уровня конкурентоспособности вуза используется множество разнообразных оценочных критериев, на основе которых производится расчет единичных, групповых, интегральных показателей конкурентоспособности [15]. Данные методики часто подкрепляются графической иллюстрацией для наглядности. К достоинствам методов следует отнести то, что они учитывают не только достигнутый уровень конкурентоспособности вуза, но и его возможную динамику в будущем.

Четвертая группа – методы управления качеством. Методы управления качеством представляют собой способы и приемы осуществления деятельности и воздействия на управляемые объекты для достижения поставленных целей в области качества.

Управление качеством образования для вуза является ключевым вопросом. Существует множество доступных количественных и качественных методов, чтобы усовершенствовать рабочий процесс. Данные методы могут быть полезны при анализе сложных ситуаций, появляющихся в учебных заведениях.

Таким образом, управление конкурентоспособностью образовательного учреждения дает возможность установить какого конкурентного преимущества оно может добиться на рынке. Управление конкурентоспособностью высших образовательных учреждений может иметь различные цели: от исследования положения конкретного вуза или образовательной услуги на рынке до изучения инвестиционной привлекательности высшего образования.

В результате можно сделать вывод, что в современной литературе вопросы управления и оценки конкурентоспособности вузов отражаются достаточно широко. В целом, конкурентоспособность определяется с учетом рыночных факторов, которые на нее влияют, но они не дают ее комплексной оценки. Общим недостатком всех методов управления конкурентоспособностью является то, что они не адаптированы к использованию в условиях становления рыночных отношений и содержат частичную характеристику оцениваемых объектов.

Итак, термин «конкурентоспособность» широко применяется в случаях, когда говорят о товарах производственного и личного потребления. Но при оценке деятельности высших учебных заведений он применяется гораздо реже. Такое положение дел обусловлено тем, что оказываемые вузами услуги являются услугами особого рода, обладающими глубокой социальной направленностью и консервативной основой. Отли-

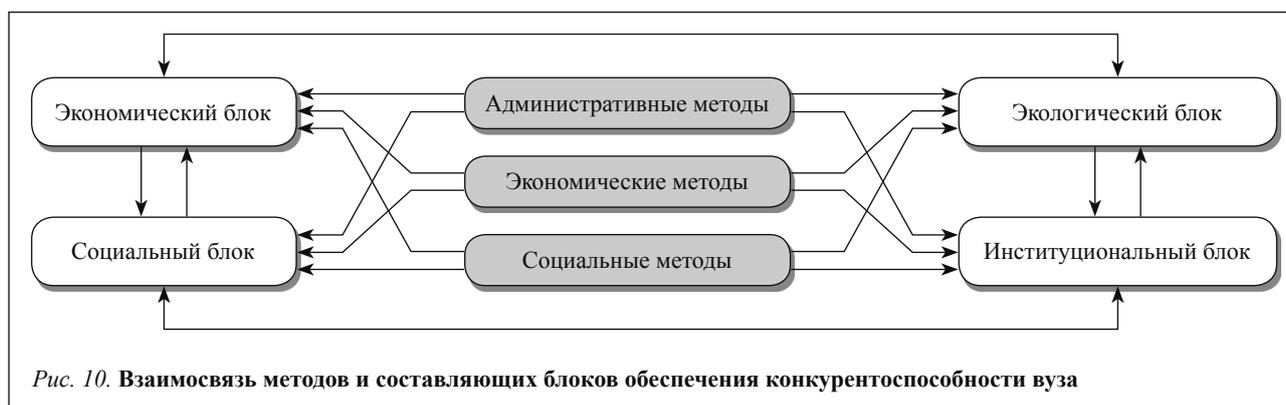
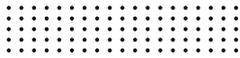
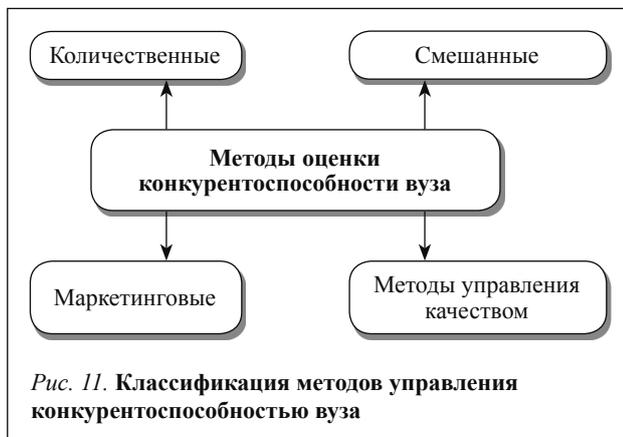

Рис. 10. Взаимосвязь методов и составляющих блоков обеспечения конкурентоспособности вуза

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

чия в содержании конкурентоспособности предприятия, действующего в сфере материального производства, и конкурентоспособности вуза состоят, как в специфике объекта производства (товар – услуга), так и в сущности факторов, определяющих конкурентоспособность.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный Закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Артюшина И. А., Шутилин В. А. Глобальные рейтинги на повестке дня. [электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268034475/12.pdf> (дата обращения 28.08.2018)
3. Дружилев С. А. Демографический кризис и сокращение числа вузов в России // Педагогические науки. Научно-популярный интернет-журнал NOVAINFO.RU. 2011. [электронный ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/archive/7/demograficheskiy> (дата обращения 28.08.2018)
4. Жураковский В. М. Некоторые итоги реализации программ развития национальных исследовательских университетов Казань 5.09.2013. презентация. [электронный ресурс]. URL: www.unesco.org/env/esd/ (дата обращения 28.08.2018)
5. Внебюджетные фонды помогут сохранить Мордовскому госуниверситету сохранить свои конкурентные преимущества – [электронный ресурс]. URL: http://www.vsar.ru/8896_Vnebyudzhetye_sredstva_pomogut_mordovskomu (дата обращения 28.08.2018)
6. Рейтинг высших учебных заведений Содружества Независимых Государств. [электронный ресурс]. URL: http://oiu.ru/user/vuz_vote/vuz_sng/ (дата обращения 28.08.2018)
7. Попыхова И. В. Маркетинговая стратегия на рынке образовательных услуг // Молодой ученый. 2009. № 2. С. 77–78.
8. Академический рейтинг экономических вузов России. 17.06.2013 // Редакция «Капитала Страны». [электронный ресурс]. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/232932/> (дата обращения 28.08.2018)
9. Европейское высшее образование в глобальном мире / Доклад / подготовлен рабочей группой и одобрен Болонской группой по последующим действиям (BFUG) на совещании в Праге 12–14 февраля 2009 г.
10. Колчина Н. О. Маркетинг образовательных услуг // Интеграция образования. 2013. № 4 (73). С. 48–51.
11. Леоненко Е. А., Комлева Н. С. Анализ бизнес-процесса «воспитательная и внеучебная работа с обучаемыми» в университете // Экономика и предпринимательство. 2016. № 7 (72). С. 360–369.
12. Леоненко Е. А., Колчина Н. О. Маркетинговый мониторинг рынка как инструмент повышения конкурентоспособности // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1 (68-1). С. 957–966
13. Леоненко Е. А. Применение концепции экономического потенциала в развитии и формировании конкурентных преимуществ корпорации // Журнал «Экономика и предпринимательство». 2013. № 9. С. 299–306.
14. Леоненко Е. А. Научные взгляды на деловую активность и ее роль в системе управления предприятием // Экономика и предпринимательство. 2013. № 6. С. 319–325
15. Мизинцева М. Ф., Комарова Т. В. Роль комплексных оценочных моделей в рамках процедуры аккредитации учреждений высшего профессионального образования // Образование и воспитание. 2016. № 1. С. 19–22. [электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/th/4/archive/25/691/> (дата обращения 05.09.2018)
16. Агеева Н. Г. Справочник по конкуренции и конкурентоспособности. Курган: КГУ, 2014. 121 с.
17. Алманова Н. Д. К вопросу о взаимосвязи понятий «конкуренции» и «конкурентоспособность предприятия» // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № 8. С. 171–175.
18. Андросова И. В. Специфика образовательных услуг в системе общественных отношений // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 458–461.
19. Анащенко И. К. Система факторов конкурентоспособности образовательной программы высшего профессионального образования // Молодой ученый. 2015. № 10.2. С. 88–91.
20. Баженов Ю. В. Классификация подходов к оценке конкурентоспособности производственного предприятия // Ceteris Paribus. 2016. № 4. С. 25–27.
21. Баталова О. С. Конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг // Молодой ученый. 2010. № 10. С. 53–58.
22. Белинская М. Н. Факторы оценки конкурентоспособности государственных вузов // Экономика и менеджмент: Вестник СамГУ. 2013. № 1 (102). С. 20–26.

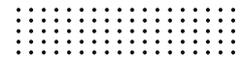

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

23. Булавко О. В., Иваницкая М. В., Мурий Н. П. Инклюзивное образование в условиях современной образовательной организации СПО // Актуальные задачи педагогики: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2016 г.).
24. Коммерциализация результатов инновационной деятельности / Неретина Е. А., Майкова С. Э., Гвоздецкая И. В., Щербакова Е. Г., Солдатова Е. В., Леоненко Е. А., Головушкин И. А. учебно-методическое пособие. Саранск, 2014.
25. Колчина Н. О., Марио Де Мартино Маркетинговые Инструменты продвижения инноваций в системе высшего образования // «Интеграция образования» Саранск, Тип. Красный Октябрь №2 2016. С. 157–167
26. Леоненко Е. А. Фармацевтический маркетинг и связи с общественностью в XXI веке: проблемы и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2014. №5. С. 858.
27. Пономарева Г. Т. Инклюзивное образование в России // Педагогика высшей школы. 2017. №2. С. 59–62. [электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/th/3/archive/55/1934/> (дата обращения 05.09.2018).
28. Рейтинг вузов России (2013 г.) «Эксперт РА» публикует ежегодный рейтинг вузов России. [электронный ресурс]. URL: http://www.oiu.ru/user/vuz_vote/vuz_rus_2013/ (дата обращения 05.09.2018).
29. Сапрыкина Л. А. Условия реализации доступной среды инклюзивного образования в вузах // Молодой ученый. 2017. №10. С. 444–446. [электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/144/40290/> (дата обращения 05.09.2018).
30. Толубаева Д. С. Конкурентоспособность частного образовательного центра по изучению языков на рынке образовательных услуг // Молодой ученый. 2017. №47. С. 77–80.
31. Туякова З. С. Система ключевых показателей результатов деятельности и ее использование при рейтинговой оценке конкурентоспособности компаний // Экономический анализ: теория и практика. 2016. №1 (448). С. 54–68.
32. Фелештин В. И. Современные подходы к определению понятия «конкурентоспособность предприятия» // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2015. №3 (55). С. 401–409.
33. Феронова А. В. Методические подходы к оценке конкурентоспособности // Молодой ученый. 2013. №10. С. 170–175.
34. Фирсова Л. Л. Анализ конкурентоспособности промышленного предприятия // Молодой ученый. 2017. №6. С. 254.
35. Фирсова Л. Л. Оценка конкурентоспособности промышленного предприятия // Молодой ученый. 2016. №1. С. 461.
36. Хамурзов З. Г. Сущность и понятие конкурентоспособности // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты / сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции в 3 частях. Научный центр «Диспут». 2015. С. 122–123.

References:

1. On education in the Russian Federation: Federal Law №273-FL of 29 December 2012. Access from rights. system “ConsultantPlus”.
2. Artiushina IA, Shutilin VA Global ratings are on the agenda. [e-resource]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268034475/12.pdf> (date of reference 28.08.2018)
3. Druzhilov S. A. Demographic crisis and a reduction in the number of universities in Russia // Pedagogical Sciences. Popular scientific online magazine NOVAINFO.RU. 2011. [e-resource]. URL: <http://novainfo.ru/archive/7/demograficheskiy> (date of reference 28.08.2018)
4. Zhurakovskiy V. M. Some results of the implementation of development programs of national research universities Kazan 5/09/2013. presentation. [e-resource]. URL: www.unece.org/env/esd/ (date of reference 28.08.2018)
5. Extrabudgetary funds will help to preserve the Mordovia State University to preserve its competitive advantages. [e-resource]. URL: http://www.vsar.ru/8896_Vnebyudzhethnye_sredstva_pomogut_mordovskomu (date of reference 28.08.2018)
6. Rating of higher educational institutions of the Commonwealth of Independent States. [e-resource]. URL: http://oiu.ru/user/vuz_vote/vuz_sng/ (date of reference 28.08.2018)
7. Popykhova I. V. Marketing strategy in the market of educational services // Young scientist. 2009. №2. P. 77–78.
8. Academic rating of economic universities in Russia. 06/17/2013 // Editorial of Capital of the Country. [e-resource]. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/232932/> (date of reference 28.08.2018)
9. European Higher Education in a Global World / Report / prepared by a working group and endorsed by the Bologna Follow-up Group (BFUG) at a meeting in Prague on February 12–14, 2009.
10. Kolchina N. O. Marketing of educational services // Integration of education. 2013. №4 (73). P. 48–51.
11. Leonenko E. A., Komleva N. S. Analysis of the business process “educational and extracurricular work with trainees” at the university // Economics and Entrepreneurship. 2016. №7 (72). P. 360–369.
12. Leonenko E. A., Kolchina N. O. Marketing monitoring of the market as a tool for increasing competitiveness // Economics and Entrepreneurship. 2016. №3-1 (68-1). P. 957–966.

Колчина Н. О., Леоненко Е. А.

13. Leonenko E. A. Application of the concept of economic potential in the development and formation of competitive advantages of the corporation // *Journal of Economics and Entrepreneurship*. 2013. №9. P. 299–306.
14. Leonenko E. A. Scientific views on business activity and its role in the enterprise management system // *Economics and Entrepreneurship*. 2013. №6. P. 319–325.
15. Mizintseva M. F., Komarova T. V. The role of complex evaluation models within the procedure of accreditation of institutions of higher professional education // *Education and upbringing*. 2016. №1. P. 19–22. [e-resource]. URL <https://moluch.ru/th/4/archive/25/691/> (date of reference 28.08.2018)
16. Kolchina N. O., Mario De Martino Marketing Tools for Promoting Innovation in the Higher Education System // “Integration of Education” Saransk, Tip. Red October №2 2016. P. 157–167.
17. Almanova N. D. On the question of the interconnection of the concepts of “competition” and “enterprise competitiveness” // *Scientific and methodical electronic journal Concept*. 2017. №8. P. 171–175.
18. Androsova I. V. Specificity of Educational Services in the System of Public Relations // *Young Scientist*. 2014. №4. P. 458–461.
19. Anashenko I. K. The system of factors of competitiveness of the educational program of higher professional education // *Young Scientist*. 2015. №10.2. P. 88–91.
20. Bazhenov Yu. V. Classification of approaches to the assessment of the competitiveness of a manufacturing enterprise // *Ceteris Paribus*. 2016. №4. P. 25–27.
21. Batalova O. S. Competitiveness of the university in the market of educational services // *Young Scientist*. 2010. №10. P. 53–58.
22. Belinskaya M. N. Factors assessing the competitiveness of public universities // *Economics and Management: Bulletin of the SSU*. 2013. №1 (102). P. 20–26.
23. Bulavko O. V., Ivanitskaya M. V., Muriy N. P. Inclusive education in conditions of the modern educational organization of ACT // *Actual problems of pedagogy: materials VII Intern. sci. Conf. (Chita, April 2016)*.
24. Commercialization of innovation results / Neretina E. A., Maikova S. E., Gvozdetskaya I. V., Shcherbakova E. G., Soldatova E. V., Leonenko E. A., Golovushkin I. A. educational-methodical manual. Saransk, 2014.
25. Kolchina N. O., Mario De Martino Marketing Tools for Promoting Innovation in Higher Education // “Integration of Education” Saransk, Tip. Red October №2 2016. P. 157–167.
26. Leonenko E. A. Pharmaceutical Marketing and Public Relations in the 21st Century: Problems and Prospects // *Economics and Entrepreneurship*. 2014. №5. P. 858.
27. Ponomareva G. T. Inclusive education in Russia // *Pedagogy of the higher school*. 2017. №2. P. 59–62. [electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/th/3/archive/55/1934/> (date of reference 05.09.2018)
28. Rating of Russian universities (2013) “Expert RA” publishes the annual rating of Russian universities. [e-resource]. URL: http://www.oiu.ru/user/vuz_vote/vuz_eng_2013/ (date of reference 05.09.2018)
29. Saprykina L. A. Conditions for the realization of an accessible environment for inclusive education in universities // *Young Scientist*. 2017. №10. Pp. 444–446. [e-resource]. URL <https://moluch.ru/archive/144/40290/> (date of reference 05.09.2018).
30. Toleubaeva D. S. Competitiveness of a private educational center for studying languages on the market of educational services // *Young Scientist*. 2017. №47. P. 77–80.
31. Tuyakova Z. S. The system of key performance indicators and its use in the rating of companies’ competitiveness // *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2016. №1 (448). P. 54–68.
32. Feleshtin V. I. Modern approaches to the definition of the concept of “enterprise competitiveness” // *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2015. №3 (55). P. 401–409.
33. Fedorova A. V. Methodical approaches to the assessment of competitiveness // *Young Scientist*. 2013. №10. P. 170–175.
34. Firsova L. L. Analysis of the competitiveness of an industrial enterprise // *Young Scientist*. 2017. №6. P. 254.
35. Firsova L. L. Assessment of the competitiveness of an industrial enterprise // *Young Scientist*. 2016. №1. P. 461.
36. Khamurzov Z. G. The essence and concept of competitiveness // *Science today: theoretical and practical aspects / collection of scientific papers on the materials of the international scientific and practical conference in 3 parts. Scientific center “Disput”*. 2015. P. 122–123.

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРИКЛАДНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ляховенко О. И.

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия), 119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, oleg.lyakhovenko@gmail.com

УДК 32:001.8
ББК 66.06

Цель. Представить основные принципы подготовки прикладного аналитического текста. Тема обладает исключительной прикладной значимостью с точки зрения аналитического обеспечения управленческой деятельности и принятия политических решений. Статья адресована как студентам, начинающим заниматься прикладным политическим анализом, так и профессиональным аналитикам, работающим в научно-образовательной среде, исследовательских фондах и государственном управлении.

Методы. На основании существующих методических разработок в рамках теоретических дисциплин и собственного практического опыта автор систематизирует информацию и формализует ключевые положения, необходимые для формирования навыков и умений подготовки прикладной политической аналитики

Результаты. В статье показаны особенность аналитического стиля, его отличия от научного и публицистического текста. Введено и проанализировано понятие «формата» аналитического исследования. Показаны различия в подготовке открытой и закрытой аналитики. Показана роль заказчика аналитической работы. Показаны различия анализа информационного поля и реальных политических процессов. Особое внимание уделяется структурным особенностям и внутренней архитектонике аналитического текста, общей логике построения прикладного анализа в удобном для заказчика (лица, принимающего решения) виде. Акцентируется значение управленческих рекомендаций как главного итога аналитической работы.

Научная новизна. Статья обладает практической и дидактической значимостью и направлена на формирование у читателей умений и навыков подготовки прикладного аналитического текста. Систематизирована (по сути, введена в научный оборот) проблематика подготовки аналитических текстов, обеспечивающих принятие и сопровождение политических и управленческих решений. Предложены конкретные инструменты прикладного политического анализа, значимые для управленческой практики.

Ключевые слова: политический анализ, прикладной анализ, аналитический текст, методология аналитической работы.

PRINCIPLES OF APPLIED ANALYTICS: METHODOLOGICAL ASPECTS

Lyakhovenko O. I.

candidate of Political Sciences, senior researcher, faculty of political science, Moscow State University Lomonosov (Russia), 119991, Russia, Moscow, GSP-1, Lomonosovsky Prospect, 27, build. 4, oleg.lyakhovenko@gmail.com

Purpose. The main purpose is to introduce the key principles of applied analytics. The theme possesses an extreme applied importance from the viewpoint of analytical support of governmental administration and political decision-making. Thus, the article is addressed both to students who just begin applied analytical activity and to professionals employed in education, research funds and public administration.

Methods. Basing on existing theoretical disciplines methodology and the author's own practical experience, the author systematizes information and formalizes the key positions which are necessary to form up skills and perks of applied political analytics

Results. In this article the peculiarities of analytical style are demonstrated and its differences from scientific and publicistic styles are specified. The concept of ‘format’ of analytical research is introduced and clarified. The differences between public and non-public analytics are observed. The role of customer of analytics is accentuate. The differences between the analysis of media and the analysis of real political processes are explained. Very special attention is paid to the structural peculiarities and the internal architectonics of analytical text and to the key principles how to prepare applied analytics for customer (decision-maker) in the most appropriate way. The author stresses the role of recommendations for decision-makers as the main outcome of analytics.

Scientific novelty. The article possesses very practical and didactic significance and is aimed at formation of applied analytics preparation skills. The problematics of analytics which supports political and administrative decision-making is systematized (in fact, is put in circulation). The particular applied political analytics instruments significant for administrative practice are introduced.

Key words: political analysis, applied analysis, analytical text, methodology of analytical practice.

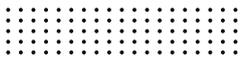
В настоящее время существует запрос со стороны студентов – бакалавров и магистров, а также аспирантов, обучающихся по политологии и смежным дисциплинам, на уточнение методологического инструментария при анализе политических процессов как внутри России, так и на международном уровне. В самом общем виде принципы такого анализа совпадают с принципами построения научного текста – объективности, достоверности, непротиворечивости и так далее, и в целом соответствуют структурной архитектонике научно-исследовательской работы. В то же время, при анализе реальных политических процессов возникает определенная специфика, отличная от собственно научного исследования. Поэтому статья адресована, в первую очередь, студентам, магистрантам и аспирантам, которые хотели бы понять общие принципы и получить конкретные рекомендации по построению аналитического текста. Но также статья может быть интересна и тем, кто уже имеет опыт работы в сфере публичной политической аналитики для уточнения профессионального инструментария.

В целом, тема уже имеет определенный уровень разработки в научной литературе, в частности, в рамках учебного направления «Политический анализ и прогнозирование», а также в смежных политологических дисциплинах – см. таких авторов, как А. С. Ахременко [1], К. В. Симонов [2], С. Г. Туронок [3], А. И. Соловьев [4], А. Г. Гуринович [5], К. П. Большаков [6] и др. Близкими сферами прикладного анализа являются «информационная разведка», «стратегическая разведка», «конкурентная разведка», «информационные гуманитарные технологии» и т.д. [7].

Важная особенность всех этих направлений состоит в том, что для получения результата исследователь не прибегает к так называемым «закрытым» источникам, связанным с доступом к инсайдерской информации, кулуарным договоренностям, наличием «контактов» в государственных органах, партиях, бизнес-структурах, элитных группах и т.д., и спосо-

бен получать значимые выводы исключительно на основе анализа открытых источников. Хотя работа с открытыми данными, безусловно, представляет собой серьезную проблему. Распространена точка зрения, согласно которой получение достоверных выводов невозможно без «связей» и «утечек». Очень часто со стороны студентов, магистрантов и даже аспирантов можно слышать, что они не могут проводить анализ избирательных кампаний, политической ситуации в регионе, каналов и практик осуществления лоббистской деятельности и т.д., «не имея доступа» к каким-то особым, «секретным» источникам, а только лишь на основании открытой и общедоступной информации.

Оставляя в стороне тему «инсайдов» и «доступа», отметим, что сам по себе подобный аргумент не нов. Еще в 1940–1960-е гг., на заре становления стратегической аналитики в развитых странах Запада, можно было столкнуться с недоверчивым, а зачастую и просто снисходительным отношением со стороны генералитета и специалистов по агентурной работе к «кабинетным ученым» и научным работникам. Процесс переубеждения был трудным и требовал долгой, кропотливой работы, а решающим аргументом стали только практические достижения аналитических служб. Интересующихся данным вопросом мы отсылаем к классическим работам Р. Хилсмэна и В. Плэтта, посвященным защите именно аналитических подходов к работе с информацией [8–9]. Россия столкнулась с очень похожими проблемами в 1990-е гг., когда всевозможные «закрытые базы ФАПСИ» и «данные ФСБ» (реальные или мнимые) априорно воспринимались заказчиками как наиболее авторитетные, даже если представляли собой только первичные материалы, еще не прошедшие аналитическое «сито». В то же время, материалы по результатам анализа открытых источников, подготовленные профессиональными политологами, выходцами из высшей школы и выпускниками ведущих университетов, могли вызывать недоверие и скепсис. По счастью, в последние годы ситу-

Ляховенко О. И.

ация стала меняться в лучшую сторону, в том числе благодаря деятельности различных аналитических центров и исследовательских структур¹.

Очевидно, что в данном исследовании не могут быть охвачены все возможные аспекты, правила и принципы построения аналитического текста. Едва ли вообще возможно вывести единый, универсальный и единственно верный способ построения аналитического текста. Поэтому в данной работе будет затронуты только отдельные, наиболее важные методологические аспекты, а именно:

- стилистические и жанровые особенности аналитического текста;
- структурные особенности аналитического текста и его внутренняя архитектура.

Стилистические и жанровые особенности аналитического текста

Для аналитического текста характерен свой собственный стиль, отличающийся как от научного, так и от публицистического. Научный текст выстроен вокруг анализа научной проблемы, и его задача состоит не столько в том, чтобы дать четкий, однозначный и непротиворечивый ответ на конкретный вопрос, сколько в том, чтобы показать спектр возможностей, смысловых узлов, скрытых и явных «подводных камней», проблемных разворотов и т.д. При этом важна процедура анализа на каждом этапе, чтобы любой читатель или другой специалист мог проверить и повторить полученные выводы. Для публицистического стиля, напротив, характерны заведомо упрощенная манера подачи материала, метафоричность и образность языка, аллюзии, яркие эпитеты, эмоциональные и оценочные суждения и т.д. Кроме того, очень часто в публицистическом тексте проступает фигура его автора со свойственной ему системой предпочтений, симпатий и антипатий по отношению к конкретным политическим фигурам, событиям и процессам.

Аналитический стиль, хотя и имеет точки пересечения с научным и публицистическим, имеет ряд характерных отличий. Прежде всего – это определенная сухость языка, его четкость и однозначность, фик-

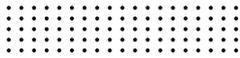
сированность на анализе конкретных событий и процессов без ухода в сторону излишних теоретических обобщений или авторское эмоциональное восприятие ситуации, привязка к определенному пространственно-временному контексту. Фактор времени вообще играет исключительно важную роль при написании аналитического текста – такой текст в принципе имеет «ограниченный» срок годности, он должен оказаться на столе у лица, принимающего решения, в очень конкретный момент, пока его выводы еще имеют практическую значимость и могут быть использованы при принятии управленческих решений. Для аналитического текста свойственны нейтральность и объективность, нацеленность на выявление внутренних пружин, приводящих в действие политический процесс, оценка возможных последствий событий. Аналитический стиль предполагает анализ актуальной проблемы с точки зрения ее политической реальности, а не с точки зрения какой-то идеологической или политической позиции («провластной», «оппозиционной», «левой», «правой», «либеральной», «консервативной» и так далее). Различные политические и идеологические позиции, высказываемые акторами по поводу конкретных политических событий, являются, скорее, *предметом анализа, а не его принципом*, и в этом состоит отличие аналитики от пропаганды или идеологии².

Здесь мы начинаем подходить к понятию «**формата**» аналитического исследования. Это достаточно сложное понятие, по крайней мере, в научной литературе мне не удалось найти ему точного и исчерпывающего определения. По сути, «формат» означает *определенный способ репрезентации аналитического текста*. Подобно тому, как есть формат графического оформления текста (шрифт, кегль, интервал, отступ, размер бумаги, ориентация страницы и т.д.), для формата аналитического текста характерны определенная структура, организация подачи материала, фильтр событий. В конечном итоге, стиль аналитического текста – это определенный формат взаимодействия с заказчиком, читателем аналитической продукции.

Стилистические особенности аналитического текста в значительной степени зависят от того, открытый или закрытый характер носит аналитика. Если аналитика **открытая** (публикация на сайтах, распростра-

¹ Например, в начале 2000-х Фонд эффективной политики (ФЭП) Г.О. Павловского заложил целый ряд стилистических и жанровых особенностей построения аналитического текста, которые впоследствии легли в основу деятельности целого ряда аналитических структур, пресс-служб и т.д. А в 2010-х гг. активно действуют такие экспертные и аналитические центры, выпускающие открытые и закрытые аналитические доклады, как Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ), Центр политических технологий (ЦПТ), Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК), Фонд развития гражданского общества (ФОРГО), Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР), Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) и другие.

² Если же какая-то политическая или идеологическая линия начинает доминировать или как-то по-особенному расставлять акценты в исследовании, можно говорить о том, что на этом аналитический текст заканчивается и начинается пропаганда.

Ляховенко О. И.

ние публичного доклада и т.д.) – язык текста должен быть максимально простым и доступным. Например, если автор рассчитывает на то, что текст будет «замечен» СМИ, желательно заранее выстроить текст таким образом, чтобы после обработки журналистами он не претерпел искажений, а «сложные» места текста не были истолкованы в сомнительном ключе.

В закрытых публикациях, особенно если у авторов есть представление о целевой аудитории, можно использовать более «сложный» или «аналитический» жанр, который может быть не только инструментом донесения до читателя более глубоких смыслов, но и своеобразным показателем качества текста и квалификации исследовательской команды.

Очевидно, что между двумя крайностями – *максимально упрощенным языком односложных фраз и простых предложений* и *крайне сложным текстом со множеством скрытых смыслов и подтекстов, понятных специфическому читателю текста исключительно по структуре материала и характеру перехода от одних смысловых точек к другим* – лежит масса промежуточных вариантов, которые обычно и реализуются на практике. **Большую роль играет фигура заказчика аналитики.** Отношения «заказчик-исполнитель» не всегда носят иерархический характер, а зачастую являются диалектическими. Например, заказчик может требовать от исполнителя высокого качества аналитической продукции. Но точно также и исполнитель может ориентировать заказчика на определенный формат и уровень аналитических текстов, формируя (и повышая) своеобразную «планку качества». При этом стилистические экзерсисы не должны подменять реальное аналитическое содержание текста и тем более не должны маскировать его отсутствие¹.

Жанровое своеобразие аналитических текстов бесконечно велико. Классифицировать жанры можно по самым разным видам и основаниям. Это может быть мониторинг, аналитическая записка, доклад и т.д. Выбор итогового жанра зависит от предмета исследования, запроса или пожеланий заказчика и т.д. Так, мониторинг может быть информационного поля, отраслевых процессов, деятельности политического субъекта и так далее, и это будут разные по структуре и содержанию документы. Периодичность таких мониторингов может быть самой разной (ежедневные, еженедельные, двухнедельные, ежемесячные, квартальные и так далее). Аналитическая записка или доклад могут быть привязаны к определенному событийному ряду, анализу политических или околополитических про-

цессов, анализу рисков, конкретным событиям (например, с участием первых лиц государства, представителей элиты или контрэлиты) и так далее.

Предметом анализа может выступать как *информационное поле*, так и *конкретный социально-политический процесс*. В первом случае следует анализировать многообразие мнений и позиций, заявленных в СМИ, социальных сетях и так далее, использовать инструменты контент-анализа и т.д. Во втором случае интерес для исследователя представляет деятельность конкретного политического субъекта, государственного органа или политического института, политика, партии и так далее. При этом следует разделять анализ информационного поля и анализ политических процессов.

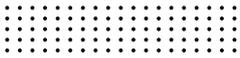
Во-первых, анализируя политические процессы, мы обращаемся непосредственно к политической реальности, и интерес для анализа представляют действия и стратегии политических субъектов. В этом случае даже конкретные информационные выпады, программные статьи и проч. являются не «индикатором оценки» той или иной темы, а политическим фактом, помещенным в конкретный контекст. Если же предметом анализа является информационное поле, то значение имеют публичные спикеры, их мнения, оценки и так далее – то есть *когнитивно-оценочный срез по интересующему вопросу*.

Во-вторых, при оценке информационного поля важны картина произошедших событий либо основные линии публичных дискуссий, озвученных в рамках темы, причем картина – статичная. Конкретные мнения и оценки могут подвергаться разным интерпретациям («что сказал», «почему сказал» и так далее), но главное то, что именно они выступают предметом исследования. Напротив, при анализе конкретных политических процессов огромную роль приобретает собственно работа с источниками, и здесь важную роль играет «фактчекинг»², оценка достоверности, анализ не только «сказанного», но и – с учетом понимания общего политического контекста – расстановки акцентов, а также того, о чем было «умолчено». Важную роль приобретает временной срез. То есть предметом являются действия и стратегии политических субъектов, а картина является динамичной, разворачивающейся в пространстве и времени.

В-третьих, важно понимать, что очень часто развивающиеся политические процессы носят если не целиком непубличный, то, по крайней мере, *немедийный характер*, а в публично-политическую сферу выходят только после того, как ситуация уже прошла ряд клю-

¹ В этом смысле проблема качества аналитической продукции и его оценки заслуживает отдельного исследования.

² От английского «fact checking», то есть перепроверка и удостоверение истинности и достоверности изложенных в том или ином материале фактов.

Ляховенко О. И.

чевых развилок и точек бифуркации. Соответственно, те события, которые развиваются «после», приобретают интерес для СМИ и авторов в социальных сетях, и к ним уже могут быть применены методы анализа информационного поля и так далее. Зачастую на этапе «до», когда общая политическая картина еще только складывается из составных частей, а конкретные тенденции и вектора сил еще не стали феноменологией, материала для публикаций в СМИ может попросту «не быть». Однако для заказчика, занимающегося политическим прогнозированием и планированием, наибольший интерес представляют именно немедийные темы – анализ рисков, неочевидные кадровые процессы, активизация групп давления в определенной отрасли или сегменте и т.д.

Здесь важно еще раз подчеркнуть отличие политического анализа от анализа информационного поля или юридического анализа. Информационный и юридический анализ чаще имеют дело с конкретной феноменологией – статьями, публикациями, нормативно-правовыми актами и так далее. Для компетентного юридического анализа необходимы готовые нормативные акты или, как минимум, их проекты, опубликованные на специальных ресурсах либо заявленные статусными спикерами. В то же время, возможности политического анализа позволяют вести грамотное и комплексное исследование на том этапе, когда процессы еще развиваются и только начинают приобретать конкретные очертания. Соответственно, документы или сообщения, которые потом станут предметом информационного или юридического анализа, зависят от политического анализа и его рекомендаций (в числе которых может быть и не принимать те или иные решения или документы). В этом состоит важное преимущество политического анализа – он позволяет по отдельным эпизодам и косвенным данным **восстановить широкую картину развивающихся процессов** еще до того, как они приобретут законченную форму.

Чаще всего со стороны заказчиков востребована именно эта функция, поскольку она позволяет заблаговременно получать важную информацию и управлять политическими процессами.

Структурные особенности и внутренняя архитектура аналитического текста

Структура аналитического текста подчиняется действию закона композиции и включает введение,

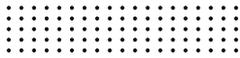
общую часть и заключение. Важную роль играет *введение*. Именно здесь концентрируются основные смыслы и выводы исследования – зачастую в виду нескольких сухих и предельно конкретных тезисов. Значение введения для аналитического текста невозможно переоценить. Поскольку у читателя (лица, принимающего решения) очень ограничено время, он не может позволить себе долго и всесторонне читать обширный текст, выискивая в нем какие-то важные для себя смыслы. У читателя чаще всего есть только несколько секунд (максимум – минута), чтобы понять, *стоит ли вообще данный текст внимания*. Поэтому введение должно не только дать сжатую информацию о содержании и наиболее сильных сторонах исследования, но и в целом – заинтересовать читателя, привлечь его внимание глубиной и содержательностью анализа или нетривиальностью выводов. В этом случае повышается вероятность того, что текст будет прочитан и использован в работе, а не просто «ляжет в стол» или будет «подшит к делу».

Во введении должна быть отражена *проблема* исследования, поскольку на нее замыкается вся конструкция аналитического текста. *Проблема должна быть действительно актуальной* и требовать каких-то управленческих решений – или, как минимум, реакции со стороны лица, принимающего решения. Если проблема неактуальна, если ситуация не требует реагирования или хотя бы ее учета лицом, принимающим решения – ценность такого текста для политико-управленческой практики стремится к нулю¹. При этом такой текст вполне может иметь, например, весьма серьезную научную и теоретическую значимость, и т.д.

Актуальность работы может быть самой разной. Например:

- *научной или теоретической* (имеет значение для современных научных исследований, развития политической теории, эмпирической проверки гипотез и т.д.);
- *информационно-медийной* (тема может не иметь научной новизны и не затрагивать серьезные политические и государственно-управленческие вопросы, но ярко и интенсивно обсуждаться в СМИ и социальных сетях, формировать новостную повестку и т.д.);
- *событийной* (произошло конкретное событие, ситуация, требующая аналитического реагирования или осмысления «по горячим следам», либо такое событие еще только намечается, и читатель хочет заблаговременно получить информацию о том, как может развиваться ситуация);
- *проблемной* (существует конкретная политическая проблема, требующая решения, или политический

¹ Речь идет о закрытой аналитике. Открытые и представленные в публичный доступ исследования могут следовать иной логике, решать не только аналитические (и тем более управленческие) задачи, но и быть элементом информационной или политической кампании, самопрезентацией авторов доклада и т.д.

Ляховенко О. И.

риск, требующий заблаговременного реагирования – в этом случае ситуация может иметь полностью немедийный характер, но именно поэтому обладать исключительной актуальностью);

- *иной.*

В ряде случаев актуальность и значимость проблемы можно дополнительно не акцентировать, если они по умолчанию очевидны и не вызывают сомнений и разночтений у автора и читателя. В других ситуациях такой акцент, напротив, может быть востребован – чтобы сразу настроить читателя на логику и смыслы, закладываемые в аналитический документ.

Наличие во введении текста *событийной или исторической вводной* зависит от целого ряда факторов, формата документа, особенностей построения текста, того значения, которое мы хотим придать этим событиями и т.д. Если читатель не владеет информацией по данному вопросу либо если он заинтересован в целостной и серьезной картине, событийно-историческая часть должна быть *развернутой и достаточной* для того, чтобы полностью ввести читателя в курс дела. Напротив, если заказчик самостоятельно следит за интересующей его темой, владеет основной информацией или событийной рамкой и т.д., имеет смысл сократить такую вводную часть либо сразу переходить к аналитической части – где конкретные события и факт уже вплетены в логику выстраиваемого анализа.

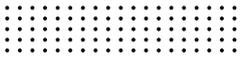
Нужно ли пересказывать прошедшие события в аналитической записке или мониторинге – вопрос, решаемый каждый раз в соответствии с ситуацией, требованием контекста и т.д. Если такой пересказ действительно необходим, гораздо лучше группировать события по смысловым блокам, темам, смежным контекстам или датам и сразу сопровождать их оценками и комментариями. Иначе возможны ситуации, когда несколько страниц документа занимает простое перечисление событий и дат в формате «встретился с Х», «провел совещание по теме Y» вообще без каких-то оценок, расшифровок, значения этих событий и т.д., а потом, также на нескольких страницах, идут рассуждения, обобщения, выводы и т.д., «вынутые» из событийного контекста. Читать такие материалы бывает крайне сложно, потому что в первой части события сливаются друг с другом в сплошной неразличимый текст, лишенный структуры, а во второй – анализ «парит» над темой, будучи оторванным от событий, контекстов, логики развития и т.д. Поскольку в хорошем аналитическом тексте не должно быть информации «просто для заполнения объема», лучше придерживаться правила «события – помещать в аналитический контекст, анализ – помещать в событийный контекст».

Основная часть аналитического текста посвящена непосредственному анализу проблемы, ситуации, задачи, поискам путей ее возможного решения.

Конкретное исполнение данного раздела текста будет зависеть от ситуации, проблемы, формата документа и так далее. Однако в целом можно говорить о ключевых принципах написания основной части.

Во-первых, это принцип *тематической однородности*. В зависимости от типа аналитического документа, он может быть посвящен одному вопросу (теме) или сразу нескольким сюжетам, регионам, сферам, отраслям. В этой ситуации целесообразно группировать подразделы и рассматриваемые сюжеты по принципу сходства и подобия. Например: сначала сюжеты федеральной политики и повестки, а затем – сюжеты региональной политики. Или: сначала деятельность исполнительной власти, потом законодательной, потом местного самоуправления, потом гражданского общества и некоммерческого сектора. Или: сначала принятые и вступившие в силу решения, потом законопроекты и нормативные акты, согласованные в окончательной (или близкой к окончательной) редакции и ожидающие своего принятия и утверждения, потом проекты нормативных актов (обсуждаемые на разных площадках), потом общие отраслевые и тематические дискуссии, в которых те или иные политические субъекты заявляют свои позиции, интересы, цели на средне- и долгосрочную перспективу и т.д. Или: сначала политическая повестка (выборы, партии, НКО), потом государственно-управленческая повестка, потом бюджетно-экономическая повестка. И так далее. «Перепрыгивание» с темы на тему вызовет затруднения у читателя текста и в целом создаст трудности с адекватным восприятием материалов.

Во-вторых, принцип *логической связности*. При составлении аналитического текста может возникнуть соблазн историко-хронологического расположения материала (например, политическое событие и комментарий по нему, затем следующее событие и т.д.). Однако такой вариант несет в себе серьезные риски, связанные с тем, что в фокус внимания ставится именно событийная рамка и необходимость четко ей следовать. В результате какие-то серьезные выводы и обобщения могут быть пропущены – либо отражены в тексте, но «теряться» среди событий и комментариев к ним. С другой стороны, собственные риски несет и прямо противоположный вариант, когда конкретные темы и сюжеты анализа группируются по содержательным блокам и даются в виде «среза» на момент сдачи аналитического документа. В этом случае из вида может быть упущена динамика развития конкретных тем и сюжетов, понимание которой интересно и значимо для читателя. Поэтому на практике, как правило, реализуется некий третий – промежуточный вариант, позволяющий *отразить динамический контекст* рассматриваемых событий, но в то же время не застрять на историко-хронологическом пересказе.

Ляховенко О. И.

На уровне логической структуры целесообразно выстраивать аналитический текст в соответствии с четкими логическими принципами *индукции* или *дедукции*. В соответствии с принципом индукции, текст выстраивается как описание и анализ ряда параллельных друг другу процессов, которые, тем не менее, объединены и увязаны общей логикой развития. Понимание этой общей логики, обобщение процессов и тенденций и является следствием такого индуктивного анализа. Напротив, в соответствии с принципом дедукции в основу анализа кладется несколько тезисов, выводов или гипотез, которые затем разворачиваются в теле текста. Наконец, достаточно интересным и рабочим вариантом является синтез этих двух подходов – *индуктивно-дедуктивный метод*, когда за основу берутся некоторые тезисы или гипотезы, которые затем разворачиваются в разных измерениях, а в конце вновь собираются в набор конкретных выводов – более глубоких и основательных по сравнению с первоначальными. Преимуществом такого подхода является то, что в рамках него можно уйти от историко-хронологического пересказа событий (особенно, если они знакомы читателю) и сосредоточиться непосредственно на анализе, при необходимости обращаясь к конкретным событиям и впадая их сразу в контекст анализа.

В определенных случаях основная часть аналитического текста может быть посвящена анализу, изложению событий и в целом восстановлению динамики и хронологии какого-то значимого процесса. Это может быть актуально в тех случаях, когда открытой информации по данному процессу *нет* либо, напротив, когда вокруг процесса имеются огромный информационный шлейф и наслоение разнонаправленных мнений и интерпретаций, затрудняющих реальное понимание произошедшего.

Заключение аналитического текста, как правило, не сводится к простому обобщению каких-то наблюдений и выводов, которые были сделаны на протяжении основного анализа (чем зачастую грешат работы начинающих аналитиков). В нем должны быть прописаны *прогнозы и тенденции развития ситуации* в будущем – в кратко-, средне- или долгосрочной перспективе, а также *факторы*, которые будут влиять на то или иное развитие ситуации.

В заключении очень часто будут востребованы конкретные политико-управленческие **рекомендации**, особенно если речь идет о закрытой аналитике, а аналитический документ направляется непосредственно лицу, принимающему решения. Рекомендации вполне логично вытекают из выводов, полученных в ходе основного анализа. По своей значимости **рекомендации зачастую более важны, чем собственно аналитика**, поскольку отвечают на вопрос «что делать с этой

ситуацией», а не просто ставят читателя перед фактом проблемы.

Выводы – важный элемент аналитического текста. Возможны, по меньшей мере, три варианта представления выводов в аналитическом тексте.

1) выводы в конце после основного анализа. Такой подход удобен, когда в фокусе внимания находится некоторая протяженная по времени или сложная по внутренней архитектонике и драматургии политическая ситуация, требующая учета самого широкого перечня факторов, позиций, смысловых разворотов и развилок (включая возможные развилки «ложных интерпретаций») и т.д. Однако здесь очень важно не уйти в «драматическое» и «литературное» измерение, когда целью текста становится уже не прояснение неопределенности или обоснование определенной позиции, а поддержание у читателя чувства саспенса и напряжения перед озвучиванием ключевых выводов;

2) выводы в начале текста. Это может быть эффективная и эффективная схема донесения до читателя ключевых мыслей аналитического текста, поскольку читатель сразу видит выводы и может оценить их значимость, новизну, нетривиальность и т.д. В этом случае основная часть работы посвящена уже раскрытию этих тезисов и выстраиванию аргументации. Такая схема удобна, когда важны не столько широта проблемного поля, сколько глубина анализа, либо если необходимо максимально подробно оценить возникающие риски, предложить способы и технологии их купирования, описать стратегию действия в конкретной ситуации и так далее;

3) выводы распределены по тексту. Это достаточно сложная схема, и она подходит не столько к анализу конкретной ситуации, проблемы или кейса (когда важно, чтобы выводы были сгруппированы в одном месте), сколько к серьезным и глубинным аналитическим мониторингам политических и смежных с ними социальных и социально-экономических процессов. Также она может быть реализована, если аналитический документ в целом представляет собой набор тезисов с их обоснованием и расшифровкой.

Примером такого аналитического документа, предназначенного для управленческой структуры и подчиненного трехчастной структуре, может быть следующий:

Вводная часть: основной событийный ряд за рассматриваемый период, ключевые события федеральной или региональной повестки – ИЛИ – краткая выжимка из выводов и рекомендаций.

Аналитическая часть:

- событийная или политическая актуальность;
- основные тематические сюжеты и линии;
- наиболее значимые проблемные развороты и риски для лица, принимающего решения, или значимых для анализа структур и институтов;

Ляховенко О. И.

- ключевые выводы, предположения о возможном развитии событий, стратегические обобщения.

Заключение: рекомендации для лица, принимающего решения.

Важную роль в аналитическом тексте могут играть графики, таблицы, диаграммы и т.д. Во-первых, они сами по себе «оживляют» текст, визуализируют информацию, расставляют акценты и т.д. Во-вторых, они позволяют передать часть информации в виде образов, что существенно упрощает ее восприятие читателем. Кроме того, сама аналитическая записка или мониторинг могут иметь вид таблицы, что также позволяет четко структурировать информацию.

Количественные параметры аналитического текста: «размер имеет значение»

Объем аналитического текста зависит от различных факторов. Большую роль играет предмет анализа. Если предметом выступает информационное поле, то могут быть востребованы полнотекстовые материалы СМИ из различных баз данных или поисковых систем. Поскольку такие материалы являются не конечным результатом, а лишь исходником для последующего анализа, то выборка должна быть широкой, представительной и т.д. При этом перепечатка полнотекстов или больших цитат из СМИ всегда будет приводить к увеличению объема выпускаемого материала. Однако даже в этом случае работает общее правило – в начале текста, сколь угодно большого, должна быть **короткая выжимка или диаграмма**, позволяющая читателю сразу войти в курс дела и определить для себя, нужно ли ему более глубоко ознакомиться со всеми представленными материалами или нет. С другой стороны, весь объем значимой информации из СМИ может быть сокращен до буквально одного листа формата А3 или даже А4 – за счет нескольких графиков, таблиц, диаграмм, а также подводки ключевых тезисов с лидами¹, которые в итоге «упакууют» в себя весь массив данных и выводов.

Если предметом выступают собственно социально-политические процессы, то здесь картина более сложная. Большую роль играют заказчик и конечный читатель материалов. Если записка ложится на стол лицу, принимающему решения, то текст должен быть максимально коротким, плотным и конкретным, лишен «воды», отвлеченных и посторонних рассуждений или размышлений и т.д. Не случайно в аппаратах государ-

ственных структур из поколения в поколение сотрудников передаются апокрифы о том, что идеальный размер записки для первого лица – «1 лист и 1/3». В этом случае у автора записки есть достаточно места, чтобы изложить всю необходимую информацию, при этом сама записка выглядит «солидно», в ней есть место для визы руководителя или, напротив, для замечаний, вопросов и т.д. Но если получателем материала является сотрудник аппарата, занимающийся подготовкой проекта решения (или пресловутой «записки на 1 и 1/3 листа» для первого лица), то он заинтересован в более развернутом материале по интересующему вопросу.

Аналогично, если речь идет о регулярных аналитических мониторингах. Мониторинги могут быть короткими, средними, большими – в зависимости от формата, глубины анализа, договоренностей с заказчиком и т.д. Например, если читатель обеспечивается сразу пакетом разных документов, то конкретная записка или мониторинг могут быть небольшими по объему, поскольку дополнительные материалы будут в приложении или в другой записке, и т.д. Наконец, нельзя исключать достаточно экзотическую ситуацию, когда размер текста привязан к размеру оплаты (в страницах или знаках) и потому прямо влияет на получаемое экспертом вознаграждение, а также вариант «необходимого минимума» (также в страницах или знаках), при выполнении которого автор текста может добавить еще несколько страниц «по ситуации» (или не добавлять).

Подводя итог, важно отметить следующие несколько моментов.

Во-первых, важно различать *«тексты, которые читают»* и *«тексты, которые просматривают»*. К первым относится анализ рисков и рекомендации управленческого характера, ко вторым – различные справочные материалы, напрямую не влияющие на управленческий процесс, но важные для подготовки документов первого типа. Соответственно, если во втором случае важен максимальный охват фактов, относящихся к теме или проблеме, то в первом каждое слово действительно становится «на вес золота». Поэтому в документах первого типа особое внимание уделяется максимальной точности и недвусмысленности формулировок.

Во-вторых, всегда важно соблюдать *баланс между требованиями качества содержания, общей презентабельности и читабельности текста*, то есть между всеми тремя показателями. Например, регулярный еженедельный мониторинг по заявленному списку тем

¹ Сленговое выражение (от английского «to lead» – возглавлять, вести), означающее короткий вывод или тезис, который затем раскрывается несколькими утверждениями или цитатами. В журналистике термин также используется как аннотация перед началом статьи (нередко специально выделяемая жирным шрифтом) с изложением основных идей – как правило, не больше 3–5 предложений или 6–9 строчек.

Ляховенко О. И.

не должен выходить за некие максимум и минимум объема. Иначе, даже при качественном наполнении, текст будет либо слишком маленьким и «не производить впечатления» на заказчика (в ущерб, например, содержащимся в нем выводам и рекомендациям), либо непропорционально большим – в результате чего не будет прочтен вообще, либо же, в лучшем случае, будет лишь «пролистан» (но также в ущерб выводам и рекомендациям, которые «потеряются» в общем объеме текстов).

В-третьих, важно различать «открытую» и «закрытую» аналитику и предъявляемые к ним требования, а также четко идентифицировать целевую аудиторию для аналитических материалов. Будет одинаково неверным как публиковать в открытом доступе без адаптации к «рядовому читателю» развернутый аналитический материал с многоуровневой системой аргументации и выводов¹, так и направлять лицу, принимающему решения, тривиальный и поверхностный текст, написанный разговорным языком, содержащий штампы, неправомерные обобщения, пересказ общедоступных сплетен и т.д.

Заключение

Подводя итоги, вновь отметим, что в рамках данной работы нами были затронуты только отдельные, наиболее общие вопросы подготовки и написания прикладного аналитического текста. Были рассмотрены общие вопросы стиля аналитической работы и структурной организации прикладного политико-управленческого текста. За пределами данной работы (но как задел для ближайших исследований и публикаций) остались вопросы, связанные с поиском информации, работой со СМИ, новостными агрегаторами, социальными сетями, сайтами государственных органов, политических партий, общественных движений и т.д. Безусловно, заслуживают особого внимания вопросы, связанные с верификацией информации, «отделением зерен от плевел», корректной оценки слухов, «вбросов», анализа других аналитических документов, и так далее.

Наряду с этим, мы объективно признаем, что в рамках одной работы невозможно в полной мере изложить все принципы подготовки аналитического текста или даже полностью раскрыть только один из вопросов. Очень часто навыки политической аналитики и работы с информацией являются неспецифицируемыми. То

есть их можно выучить, как передается ремесленное мастерство – от учителя к ученику, от мастера к подмастерью. Полностью перевести их в формализованный вид, в набор конкретных и обязательных к исполнению правил часто бывает просто невозможно. Огромную роль играет практика и постепенная наработка собственного опыта подготовки аналитических текстов. Однако даже в этих случаях знание неких общих принципов подготовки аналитических документов позволяет сократить «долгий путь проб и ошибок».

С другой стороны, ключевой момент в любой политической аналитике – это **выявление сути проблемы** и способность четким, конкретным языком довести эту информацию до лица, принимающего решения. Конкретный способ в этом случае отходит на второй план и диктуется ситуацией, а не является самоцелью.

Вместе с тем, мы выражаем надежду на то, что те конкретные рецепты и инструменты подготовки аналитического документа, изложенные в настоящей статье, будут востребованы и полезны для студентов, магистров, аспирантов, начинающих политических аналитиков в их учебной, научной и профессиональной деятельности.

Литература:

1. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование. М.: Гардарики, 2006.
2. Симонов К. В. Политический анализ: Учебное пособие. М.: Логос, 2002.
3. Туронок С. Г. Политический анализ и прогнозирование: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016.
4. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебное пособие для вузов. М., 2000.
5. Гуринович А. Г. Аналитическое обеспечение законодательной деятельности: приоритетные направления // Проблемы совершенствования аналитического обеспечения законодательного процесса. М.: Аналитический вестник. № 3. Издание ГД ФС РФ, 2005.
6. Большаков К. П. Практика аналитического сопровождения законодательного процесса // Проблемы совершенствования аналитического обеспечения законодательного процесса. М.: Аналитический вестник. № 3. Издание ГД ФС РФ, 2005.
7. Конкурентная разведка: учеб. пособие / под ред. Е. Л. Ющука, А. А. Мальцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. Ч. 1.

¹ Если, разумеется, целью не является публикация такого рода сама по себе. Но в этом случае аналитика становится скорее инструментом политических и информационных кампаний (например, продвижения конкретного аналитика как «публичного эксперта»), а потому требует особой настроенности при чтении.

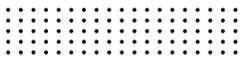

Ляховенко О. И.

8. Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки: основные принципы. М.: Иностранная литература, 1958.
9. Хилсман Р. Стратегическая разведка и политические решения. М.: Иностранная литература, 1957.

References:

1. Akhremenko A. S. Political analysis and forecasting. М.: Gardariki, 2006.
2. Simonov K. V. Political Analysis: Textbook. М.: Logos, 2002.
3. Turonok S. G. Political analysis and forecasting: a textbook for undergraduate and graduate programs. М.: Yurayt, 2016.
4. Soloviev A. I. Political science: Political theory, political technologies: Textbook for high schools. М., 2000.
5. Gurinovich A. G. Analytical support of legislative activity: priority directions // Problems of improving the analytical support of the legislative process. М.: Analytical Herald. №3. Publication of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2005.
6. Bolshakov K. P. The practice of analytical support of the legislative process // Problems of improving the analytical support of the legislative process. М.: Analytical Herald. №3. Publication of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2005.
7. Competitive Intelligence: Textbook. allowance / ed. E. L. Yushchuk, A. A. Maltsev. Yekaterinburg: Publishing house Ural. state. econ. University, 2015. P. 1.
8. Platt V. Information work of strategic intelligence: the basic principles. М.: Foreign Literature, 1958.
9. Hilsman R. Strategic Intelligence and Political Decisions. М.: Foreign Literature, 1957.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи должны быть написаны на актуальную тематику по направлениям (политология, экономика, социология, право), но в содержательном отношении обязательно связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи по иным направлениям науки, помимо перечисленных (например, по истории, психологии, проблемам высшей школы).

2. Автор представляет статью в электронном варианте (на дискете (CD диске) в формате .doc или по электронной почте по адресу vestnik@uara.ru). Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

3. Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

4. Объем статьи должен составлять не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, **шрифт Times New Roman 14 кегль, 1,5 интервала, поле со всех сторон 20 мм, текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов, с абзацным отступом 1,25 см**)

5. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4.

6. Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения. Электронный вариант

каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле. **Оформление таблиц – шрифт Times New Roman 12 кегль через одинарный интервал.**

7. Название статьи указывается первой строкой, выравнивание по ширине (жирным 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные строчными. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия (имя и отчество автора – инициалы), место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются).

8. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 8–10 источников.

9. **Пристатейный библиографический список** – обязательный элемент статьи, он входит в общее количество страниц. Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description), установленные на февраль 2013 года. Например:

- Агафонова Н.Н. Гражданское право: учеб. пособие для вузов / под. общ. ред. А.Г. Калпина. М-во общ. и проф. образования РФ, Моск. гос. юрид. акад. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 542 с.
- Гонтмахер Е. Судьба российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту [электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (дата обращения 23.01.2008).
- Орехов С.И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2006 [сайт]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgrpu-21.pdf> (дата обращения 10.01.2007)
- Абрамов А.М. Молчание профессионалов // Независимая газета. 2010. 27 мая.
- О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного

Примеры структурированных аннотаций:

1 Мороз П. А. Анализ противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса

Цель. Изучение причин возникновения кризисных явлений в странах-участниках ЕС и противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик в преодолении последствий современного кризиса.

Методы. Проанализирована динамика экономического развития Еврозоны на основе сопоставления макроэкономических показателей Греции, Кипра и других стран ЕС, а именно, объемов номинального валового внутреннего продукта, валового государственного долга, динамики инвестиций в экономику, уровня безработицы, индекса потребительских цен и т. д.; определены «зоны риска» для тех стран, экономика которых наиболее поражена кризисом.

Результаты. Исходя из динамики базовых макроэкономических индикаторов, на основе научно обоснованных подходов и экспертных оценок, а также собственных выводов, исследована взаимосвязь между целями бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в современных кризисных условиях развития экономики Еврозоны. Сравнивая последствия финансиализации современной экономики с последствиями перепроизводства в реальном секторе развитых экономик во времена Великой депрессии (30-е гг. XX в.), делается вывод относительно наличия противоречий в реализации бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи между бюджетной и денежно-кредитной политиками, когда использование различных инструментов и имплементация механизмов обеих политик подчиняются единой цели – преодолению последствий современного кризиса и обеспечению устойчивого экономического роста стран-членов ЕС в дальнейшем.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. Vol. 16. № 1.

Цель: исследование направлено на анализ развития документооборота в рамках финансовой отчетности в двух больницах, финансируемых государством, в Новом Южном Уэльсе за период с 1857 году после 1975 году.

Методология и методы: ретроспективный анализ основан на технологических и концептуальных изменениях финансовой отчетности в указанный период. В качестве основного подхода используется теория «заинтересованных сторон», в основу анализа положены как первичные, так и вторичные данные.

Результаты и область применения: в данном исследовании приводится исторический контекст последних разработок отчетности и подотчетности в государственном секторе Австралии. В частности, подробно рассматривается вопрос ведения учета по методу начисления, что дает представление о природе трансформации бухгалтерского учета в организации государственного сектора, что может быть экстраполировано на организации иных форм подведомственности и собственности.

Научная новизна: выявлены закономерности изменений (и стабилизации) финансовой отчетности в больнице, связанные с социальным и политическим контекстом.

3 Курицева Ю. Е. Долгосрочные последствия реструктуризации градообразующих угледобывающих предприятий (на примере муниципальных районов Пермского края)

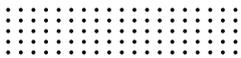
Цель. Выявление и оценка интенсивности долгосрочных последствий реструктуризации угледобывающих регионов, проводимой в условиях рыночной трансформации.

Методы. Исследование базируется на методах теории функциональной специализации поселений и теории реструктуризации. Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты и практическая значимость. Выявлены тенденции социально-экономического развития муниципальных районов Пермского края угледобывающего профиля в условиях реструктуризации. Обоснованы факторы, усиливающие негативное влияние программ реструктуризации на территориальное развитие. Выявлены территории, в наибольшей степени пострадавшие в результате проведения реструктуризации, и ключевые недостатки реализованных программ территориального развития.

Научная новизна. Раскрыты долгосрочные негативные последствия реализации программ реструктуризации при отсутствии четко обоснованных механизмов территориального развития. Обоснована специфика влияния программ реструктуризации градообразующих предприятий на различные элементы сложных пространственных систем расселения.

Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

- округа»: закон Ненецкого автономного округа от 19 мая 2006 года № 721-ОЗ // Собрание депутатов Ненецкого автономного округа. 2008. 24 мая.
- Россия и мир: гуманитар. проблемы : межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т вод. коммуникаций. 2004. Вып. 8. С. 64–81.
  - Фенухин И. В. этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 178 с.
  - Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
  - Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 июля 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
  - Шпер В. Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях // Методы менеджмента качества. 2002. № 1. С. 43–47.
  - О введение надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [электронный ресурс]: указание Министерства социальной защиты Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они даны в источнике информации.

10. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11. **Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском:**

- а) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора **с переводом на английский язык**. Аннотация должна соответствовать требованиям ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования» (см. «Примеры структурированных аннотаций»). Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы. Последовательность пунктов аннотации может быть изменена.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов исключительно общепринятой терминологии. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи.

- б) ключевые слова и словосочетания (не более пяти) **с переводом на английский язык**;
- в) пристатейный библиографический список **с переводом на английский язык**.
- г) сведения об авторе в следующей последовательности: ФИО (полностью), место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, рабочий телефон, адрес электронной почты **с переводом на английский язык**.

Дополнительные сведения к статье оформляются шрифтом Times New Roman 14 кегль, через 1 интервал, выравнивание по ширине.

12. Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

13. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами Уральского института-филиала РАНХиГС или других ВУЗов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора/кандидата наук соответствующего профиля. Решения о публикации, направленных в журнал материалов, принимает редакционная коллегия. Основанием для отказа в публикации материалов могут служить:

- а) несоответствие представляемого в редакцию материала тематике журнала
- б) несоответствие представляемого в редакцию материала требованиям, установленным редакцией журнала к публикации

Автор информируется об отклонении материалов, не соответствующих требованиям, установленным редакцией журнала.

Авторам бесплатно высылаются один авторский экземпляр журнала. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается. Дополнительные экземпляры можно приобрести, сделав соответствующий заказ в редакции.

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, к. 25,
тел. (343) 251-78-48
e-mail.: nvestnik@uapa.ru

REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL

1. Articles should be written on actual subjects indicated in the title of the journal in the areas of eg (political science, economy, sociology and law), but must be connected with an administrative subject (management of political, social, economic processes, legal regulation of various spheres of society and the state, current problems of state policy of modern Russia and corporate management). The editorial board reserves the right to publish articles in other areas of research besides those listed (for example, on philosophy, history, psychology and problems of higher education).

2. The Author should submit the article in an electronic form (on a diskette or CD disk or by E-mail *nvestnik@uapa.ru*) and on paper (1 copy). Other means of submission are not accepted. The editors do not return manuscripts, CD's and diskettes.

3. Requirements for the structure of the article:

- formulation of the problem in general and its connection to important scientific and practical tasks;
- analysis of recent research and publications, which laid the foundation for solving this problem;
- selection of the unsolved parts of the problem which the article is devoted to;
- formulation of purposes of the article (problem definition);
- basic material of research with full justification of scientific results;
- conclusions of this study and the prospects for further development in this direction.

4. The length of the article should be no more than 1 printed page (40,000 characters including spaces, **font Times New Roman size 14, spacing 1.5, 20 mm margins, the text should be justified without hyphens, with paragraph indentation 1, 25 cm**).

5. Illustrative materials (figures, drawings, schedules, diagrams, schemes) must be submitted in electronic format. All figures should have consecutive numeration.

6. Figures should be presented in the form of a table. Tables should not be large. Each table should have a serial number and a title. Numbering of tables should be consecutive. Abbreviations are not permitted except for units of measure. The electronic version of each table and figure should be submitted as a separate file. **Making tables – font Times New Roman 12 pt single-spaced.**

7. The title of the article should be centered and underlined in bold, font size 14. Only the first letter of the title should be capitalized, the others lower case. In the top right corner above the title, the full name of the author should be written in full. This should be followed

by the author's institutional affiliation, position, degrees if appropriate.

8. Footnotes should be placed in square brackets at the bottom of each page, with the number that corresponds to the number of the source in the bibliography, together with a page reference, the bibliographic list and page or article reference, for example: [8, p. 16], [8, article 16]). Usually the list of references must be at least 8–10 sources.

9. **A bibliography** is essential and is included in the total number of pages. The bibliography must be placed at the end of article in their order of appearance in the text, (not alphabetically and nor hierarchy of sources). Do not duplicate names, do not specify with the same number several sources or sources of literature used. Making the bibliography must meet the requirements of bibliographic description ISBD (International Standard Bibliographic Description), established by February 2013. For example:

- Agafonov N. N. Civil law: a textbook for high schools / Under the editorship of Kalpin A. G. The Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow State Law Academy. Second edition, revised and enlarged. M.: Jurist, 202. 542 p.
- Gonthmaher E. The fate of the Russian state depends on will the new presiden be able to update the Russian political elite [E-resource]. URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636> (date of access 23.01.2008).
- Orekhov S. I. Hypertext way of organizing virtual reality [E-resource] // Vestnik of Omsk State Pedagogical University: electronic scientific journal. 2006 [website]. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf> (date of access 10.01.2007).
- Abramov A. M. Silence of professionals // Nezavisimaya gazeta. 2010. May 27.
- On Amending Article 30 of the Law of the Nenets Autonomous District “On State Service of the Nenets Autonomous District”: the law of the Nenets Autonomous District from May 19, 2006 № 721-RL // Assembly of Deputies of the Nenets Autonomous District. 2008. May 24.
- Russia and the World: the humanitarian problems: Interuniversity collection of scientific papers / St. Petersburg State University of Water Communications. 2004. Issue 8. P. 64–81.
- Fenuhin I. V. Ethno-political conflicts in modern Russia: the example of the North Caucasus region: the dissertation for the degree of candidate of political sciences. M., 2002. 178 p.

Examples of structured abstracts:

1 Moroz P. P. Analysis of the contradictions of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis

Purpose. Study of the causes of the crisis in the EU member countries and contradictions of fiscal and monetary policies in overcoming the consequences of the present crisis.

Methods. Analyzed the dynamics of the euro area economic development based on a comparison of macroeconomic indicators in Greece, Cyprus and other EU countries, namely, the volume of nominal gross domestic product, gross public debt, dynamics of investment in the economy, the unemployment rate, consumer price index, etc., “risk zone” for those countries whose economies most affected by the crisis are defined.

Results. Based on the dynamics of basic macroeconomic indicators, based on evidence-based approaches and expertise, as well as own conclusions, investigated the relationship between the objectives of fiscal and monetary policies of the EU in the current crisis conditions of economic development in the Eurozone. Comparing the effects of financialization of the modern economy with the consequences of overproduction in the real sector of developed economies during the Great Depression (30-ies. Twentieth century.) author concludes the existence of contradictions in the implementation of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in studying the relationship between fiscal and monetary policy, where the use of various tools and mechanisms for implementation of both policies are subject to a common goal – to overcome the consequences of the present crisis and sustainable economic growth in the EU in the future.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Purpose: study aims to analyze the development of workflow within the financial reports in two hospitals, financed by the state, in New South Wales for the period from 1857, after 1975.

Methodology and Methods: A retrospective analysis based on technological and conceptual changes in the financial statements during the period. As a basic approach uses the theory of “stakeholders”, analysis is based on both primary and secondary data.

Results and Applications: This study provides the historical context of the latest developments of reporting and accountability in the public sector in Australia. In particular, discussed in detail the issue of accounting on an accrual basis, which gives an idea about the nature of the transformation of accounting in public sector organizations, which can be extrapolated to other forms of jurisdiction and property.

Scientific novelty: the regularities of changes (and stabilization) of the financial statements in the hospital associated with the social and political context are identified.

3 Kuritseva Yu. E. Long-term effects of restructuring city-mining enterprises (on example of municipal districts of Perm region)

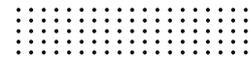
Purpose. Identification and evaluation of the intensity of the long-term impacts of restructuring the coal-mining regions, carried out in the conditions of market transformation.

Methods. The study is based on the methods of the theory of functional specialization of settlements and the theory of restructuring. For the calculation methods were used economic and statistical analysis.

Results and practical significance. The tendencies of socioeconomic development of coal profile municipalities of Perm region under restructuring are identified. Justified factors that increase the negative impact of structural adjustment programs on territorial development. Identified areas most affected by restructuring, and the key disadvantages of territorial development programs implemented.

Scientific novelty. Disclosed a long-term negative consequences of the implementation of restructuring programs in the absence of clearly justified mechanisms of territorial development. Substantiated specifics influence programs of enterprise restructuring on various elements of complex spatial systems of settlement.

Author’s abstract designed to serve as an independent source of information!

- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- On Arbitration Courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 28 April 1995 № 1-FCL (as amended on July 12, 2006) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1995. № 18. Art. 1589.
- Shper V. L. Again about the quality, definitions and related matters // Methods of Quality Management. 2002. № 1. P. 43–47.
- On the introduction of allowances for complexity, intensity and quality of the work [E-resource]: designation of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated June 14, 1992 № 1-49-D. The document has not been published. Access of legal reference system “ConsultantPlus”.

The numbered order of references in the text should be the same in the Bibliography.

10. For statutory acts in the list, both original and most recently amended version should be included.

11. In addition to the text of the article, the author should submit in a separate electronic file the following information in Russian:

- a) abstract must indicate the title of article, surname and initials of the author **with an English translation**. The abstract must meet the requirements The state standard 7.9-95 “Summary and abstract. General requirements”. Abstract includes the following aspects of the content of the article: the subject, the purpose of work, method or methodology of work, results, the field of application of results, conclusions. The sequence of abstract can be changed. Volume of abstract should be between 200 to 300 words of accepted terminology only.

Abstract text should not repeat the title and text of the article.

- b) Keywords and word combinations (no more than five) **with an English translation;**
- c) Bibliography **with an English translation;**
- d) Author details – full name, position and institutional affiliation and, contact information (postal address, e-mail address, and phone contact) – **with an English translation.**

Additional information to the article are made in font Times New Roman size 14, spacing 1, width adjustment.

12. The author is responsible for the authenticity of information.

Articles directed to the editor without the requirements of these terms of publication, are not accepted

13. Articles are subject to external review and by members of the editorial board and Ural institute brunch of RANEPa experts in corresponding subject areas. Article sent for review without name and other data to identify the author. The author have the right to familiarize with performed review. The author may submit a certified review of scientific adviser, Doctor / Candidate of Sciences of corresponding profile. Decision to publish the article takes the editorial board. 12. Decision on the publication of the materials submitted is taken by the editorial board. Reasons for a decision against publication may include:

- a) a discrepancy between the subject of the article and the fields covered by the journal
- b) a discrepancy between the article and the publication specifications of the journal

In case of rejection, the author will be informed in due course by the editorial of the reasons for non-publication.

The author will receive one copy of the journal free of charge. Additional copies are available if the author places an order with the editorial board.

Address of the editorial board: 620990, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66, room № 25.

Tel. 343 2517 848.

E-mail.: nvestnik@uapa.ru

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Адрес редакции:

620990, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.

Телефоны:

(343) 251-78-48.

e-mail: nvestnik@uara.ru

<http://www.uara.ru>

*Статьи рецензируются. Редакция не несет ответственности
за позицию и точку зрения авторов*

При перепечатке ссылки
на журнал «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ» обязательны.

Дизайн-макет

А. А. Панов

Компьютерная верстка

Е. В. Чернавская

В работе над журналом принимали участие сотрудники библиотеки

Е. В. Макеева и О. Ю. Ефимова

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 49260 от 02.04.2012 г.)

Подписано в печать 31.08.2018

Формат 60 × 84/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 18,5. Тираж 999.

Отпечатано РИО Уральского Института управления – филиала РАНХиГС.

Заказ № 203

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ